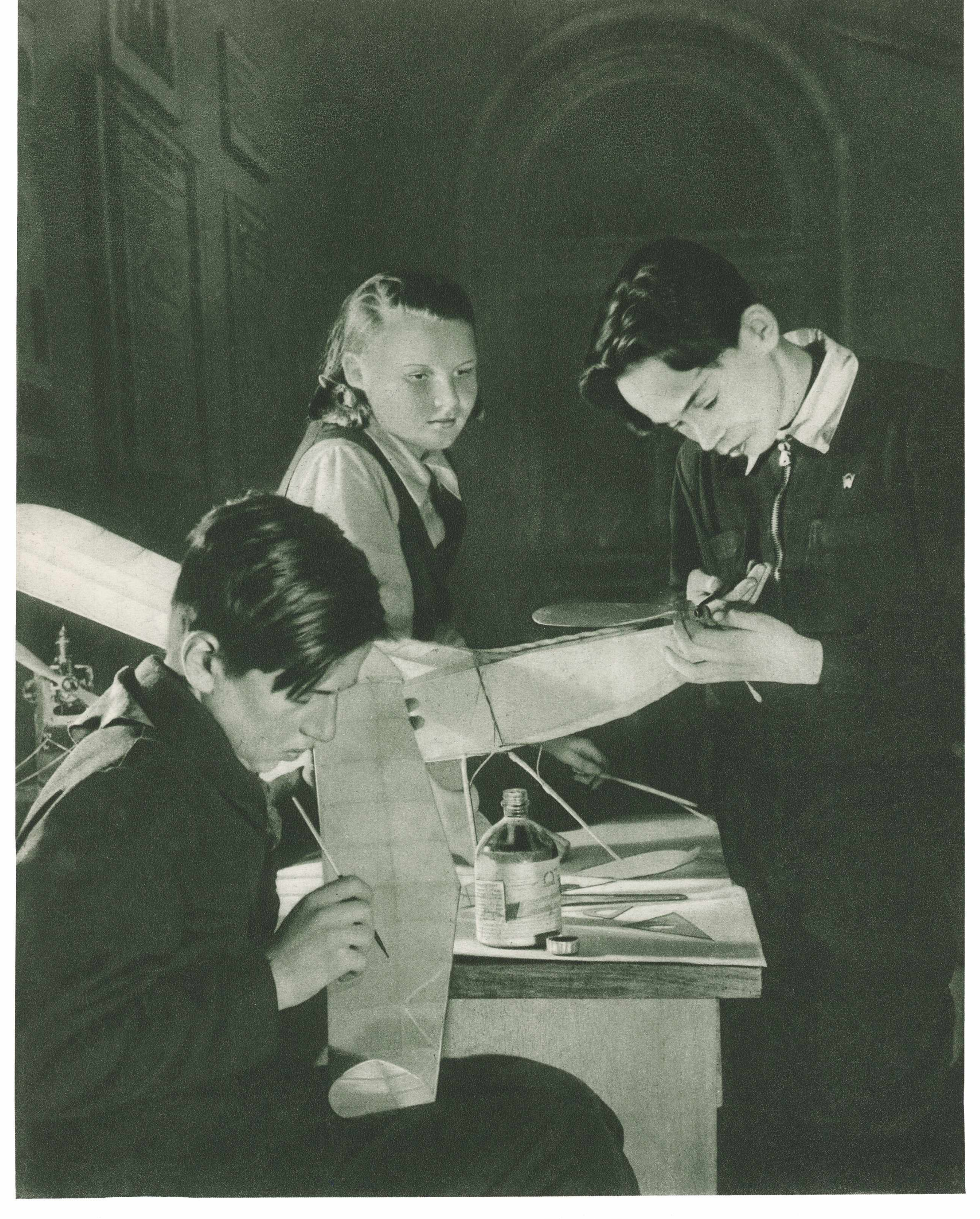

ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В авиалаборатории Центральной станции юных техников имени Н. М. Шверника (Москва). Юные авиамоделисты Виктор Быков, Таня Некрасова и Виктор Губин за сборкой модели гидросамолета. **Фото Б. Дмитриева**

На первой странице обложки: ночью на паровозе поезда «Красная стрела». Лучший машинист паровозного депо Сталинских мастерских Октябрьской железной дороги инженер-лейтенант тяги Н. А. Ошац, награжденный орденом Ленина. Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: на репетиции пьесы Островского «Бедность — не порок» в московском клубе имени Зуева. В роли Любы — студентка Педагогического института Евгения Мельникова, в роли Мити — токарь Артамоновского трамвайного депо Георгий Костельнюк. Слева — художественный руководитель театрального коллектива А. И. Михайлов. Фото С. Фридлянда и А. Узляна.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 14 (1139) 3 АПРЕЛЯ 1949

27-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Скоро в поле! Герой Социалистического Труда звеньевая колхоза «Борец» Антонина Гудкова и трактористка Валентина Елисеева довольны работой трактора на пробном выезде (см. в номере фотоочерк «Высшая правительственная»).

Фото Г. Зельма

НОВОЕ В РАБОТЕ МТС

А. Т. БЕЛОУСОВ,
директор Петровской МТС, Ставропольского края, депутат Верховного Совета СССР

Петровская опорно-показательная машинно-тракторная станция славится далеко за пределами Ставропольского края как инициатор и поборник новых, передовых методов организации сельскохозяйственного производства. За последнее время МТС стала по-новому помогать обслуживаемым ею колхозам в развитии их общественного хозяйства, реорганизовала работу тракторных бригад. Вот что рассказал директор МТС Алексей Тимофеевич Белоусов в беседе с корреспондентом «Огонька».

— Недавно во всех двенадцати колхозах, которые обслуживает наша МТС, прошли отчетные собрания. Руководители артелей рассказали об итогах работы за 1948 год. По-разному выглядят эти итоги. Пять колхозов: «Вторая пятилетка», имени Кирова, имени Фрунзе, «Правда» и имени Молотова получили миллионные доходы. В других артелях доходы были намного меньше. Но и в передовых и в отстающих колхозах есть большие резервы роста общественного хозяйства и резервы эти еще мало используются.

В артели «Вторая пятилетка» в 1948 году было получено более миллиона рублей дохода от садов и виноградников, но от животноводства доходы были незначительные. В колхозе имени Фрунзе, наоборот, 1 миллион 128 тысяч рублей дохода дало животноводство, но от садов и виноградников колхоз получил небольшие суммы. На этих и других примерах мы лишний раз убедились в том, что подлинного расцвета общественного хозяйства артелей, роста их доходности можно добиться лишь при условии развития всех его отраслей — полеводства, животноводства, виноградарства, овощеводства и т. д.

До последнего времени наша МТС, как, впрочем, и многие другие, занималась лишь одной отраслью сельского хозяйства — полеводством. Нет слов, борьба за получение высоких урожаев зерновых и технических культур требует постоянной, неослабной заботы, упорного труда, и мы считаем ее нашей первейшей задачей. Однако наступила пора, когда машинно-тракторная станция, не ослабляя внимания к полеводству, должна помочь колхозам всесторонне развить их общественное хозяйство. На этот путь и встала Петровская машинно-тракторная станция.

Алексей Тимофеевич Белоусов.

— Расскажите, пожалуйста, что практически делает для этого ваша МТС?

— Глубоко проанализировав экономику колхозов, мы пришли к выводу, что им прежде всего нужно подтянуть такие отрасли хозяйства, как животноводство, садоводство, виноградарство и огородничество.

В условиях Ставрополья садоводство и виноградарство может получить большое развитие. Между тем в обслуживаемых нашей МТС колхозах садов и виноградников немного. Вот мы и решили вмешаться в это дело и подкрепить колхозы технической мощью МТС. Еще в прошлом году с нашей помощью колхозы заложили 62 гектара садов и виноградников. В нынешнем году объем работ утраивается. В колхозах будут заложены новые виноградники на площади в 130 гектаров и сады на площади в 52 гектара. В колхозе имени Фрунзе, получившем в 1948 году ничтожный доход от садоводства, теперь будет 27 гектаров новых виноградников и четыре гектара молодого сада. В колхозе имени Кирова площадь садов и виноградников увеличится в течение года на 25 гектаров, в колхозе «Победа» — на 28 гектаров и т. д. Значительная часть новых виноградников через два года уже будет плодоносить, и колхозы быстро увидят результаты нашего совместного труда.

МТС приняла на себя пахоту и обработку плантажа, культивацию и вспашку междурядий в садах, опыливание и опрыскивание садов. Эти работы предусмотрены договорами, заключенными между МТС и колхозами, и вошли в годовой производственный план станции. Мы строго следим за тем, чтобы при закладке новых садов и виноградников и в уходе за старыми посадками соблюдались требования передовой агротехники.

То, что мы проделали в прошлом году и сделаем в нынешнем, — лишь начало. У нас намечено к 1951 году довести площадь садов и виноградников в колхозах до тысячи гектаров. Нетрудно представить себе, как благотворно это скажется на экономике колхозов.

Несколько слов об овощах. В наших местах огородничество развито слабо. МТС порекомендовала некоторым колхозам с нынешнего года завести у себя огороды или расширить их площадь, частично — на поливных участках. Колхозы «Победа» и «Искра культуры», например, посадят на нескольких гектарах лук, чеснок, раннюю капусту. МТС со своей стороны помогает колхозам в изыскании семян и обрабатывает почву под огородные культуры.

— Какое влияние оказывает МТС на подъем животноводства?

— Усилия МТС направлены прежде всего на то, чтобы помочь колхозам в укреплении кормовой базы. В 1949 году мы впервые включили в свой план и в договоры с колхозами боронование лугов и выпасов. Это поможет сохранить влагу и, следовательно, собрать лучший урожай трав. Мы наметили также закопнить солому на площади в 5 тысяч гектаров, заскирдовать солому с участка в тысячу гектаров, засилосовать 1250 тонн зеленой массы. Я уж не говорю об обычных тракторных работах на участках, занятых под корнеплоды и силосные культуры.

Делом своей чести мы считаем добиться успеха в выращивании трав. Мы засеем в этом году 1066 гектаров однолетними травами и 1600 гектаров многолетними; из них 800 гектаров засеем летом семенами эспарцета, люцерны и житняка, полученными от урожая 1949 года. Это будет серьезным шагом вперед в освоении травопольных севооборотов и в обеспечении колхозов кормами для животноводства.

— Уверены ли вы, что МТС справится со всеми этими работами?

— Безусловно. Закладка и обработка садов и виноградников, помощь колхозам в укреплении кормовой базы нисколько не усложняют деятельности станции. Должен сказать, что принятые на себя машинно-тракторной станцией работы обоюдно выгодны и для колхозов и для МТС. Совершенно очевидно, что без помощи МТС посадка садов, виноградников и их обработка в таких размерах, как это у нас намечено, были бы невозможны, так как сами колхозы не смогли бы справиться с таким объемом работ. С другой стороны, работы эти входят составной частью в производственный и финансовый план машинно-тракторной станции, а это способствует ее хозяйственному росту.

— Помогает ли МТС колхозам сажать лесные полосы и строить водоемы?

— Весьма активно. За последние три года наши колхозы с помощью МТС посадили 322 гектара лесополос, в то время как за несколько предвоенных лет было посажено всего 118 гектаров. В 1949 году площадь полезащитных лесополос увеличится у нас еще гектаров на 200. Всего мы должны, в исполнение исторического постановления партии и правительства от 20 октября 1948 года, посадить 1300 гектаров лесополос. Подсчитав свои возможности, мы пришли к заключению, что в состоянии выполнить этот план не к 1965, а к 1953 году, то есть на 12 лет раньше предусмотренного срока. Нас очень занимает вопрос о механизации посадки леса. Хотелось бы иметь хотя бы 2—3 лесопосадочных машины. Мы слышали, что в совхозе «Гигант» сами изготовили такие машины. Постараемся и мы это сделать в своих мастерских.

В нынешнем году мы поможем колхозу имени Кирова построить новый большой пруд площадью в 50—70 гектаров. Все земляные работы МТС взяла на себя. Мощность тракторного парка позволяет нам оказать помощь и другим колхозам в постройке водоемов.

— Как у вас организована работа тракторных бригад?

— Чтобы более четко вести полевые работы, мы еще несколько лет назад приступили к организационной перестройке тракторных бригад. Ныне эта перестройка уже завершена. Теперь тракторные бригады МТС и полевые бригады колхозов постоянно закреплены за участками.

Тракторная бригада перестала кочевать из колхоза в колхоз и можно было подумать о создании фундаментальных усадеб для бригад. Знаменитые вагончики для трактористов, таборы отошли у нас в область предания. В большинстве бригад построены постоянные усадьбы. В каждой усадьбе два стандартных дома; в одном — общежитие, в другом — кухня, столовая и красный уголок. Здесь же баня, гараж для тракторов, небольшая мастерская и нефтехранилище полуподвального типа.

На центральной усадьбе МТС есть радиостанция; рации установлены и во всех бригадах. В определенные часы учетчики бригад (они же и радисты) передают в МТС сообщения о ходе работ. В случае аварии трактора и необходимости срочной технической помощи из бригады тотчас же сообщают об этом в МТС по радио.

Подсчеты реальных возможностей наших колхозов показывают, что в ближайшие 2—3 года можно удвоить их доходы. И мы уверены, что наша забота о всестороннем развитии хозяйства артелей, наша помощь им увенчаются успехом.

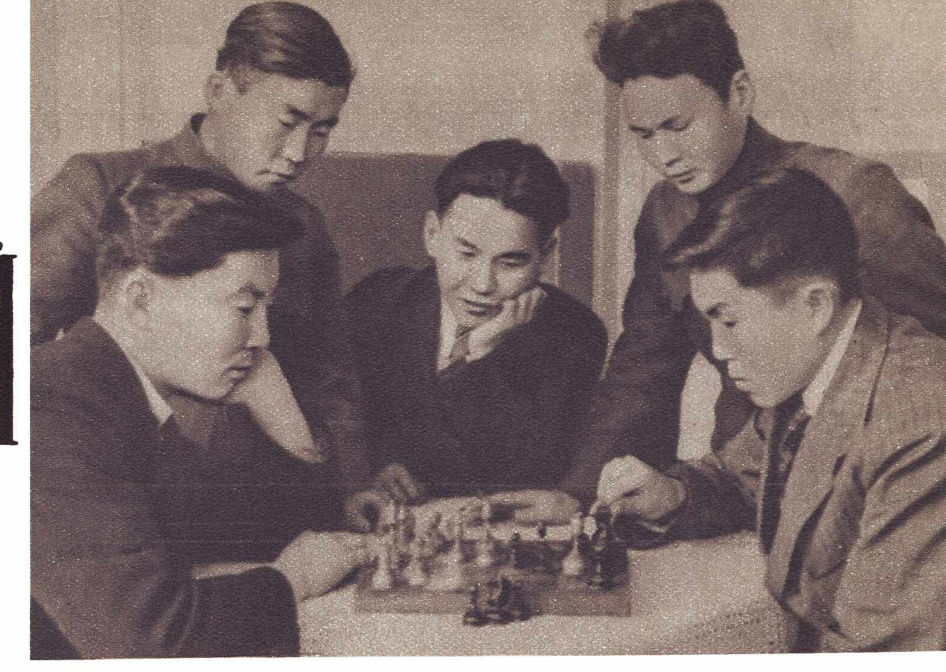
В заключение беседы тов. Белоусов сказал:

— В Ставрополье установилась теплая погода и начались полевые работы. К весеннему севу мы приступили хорошо подготовленными. Ремонт тракторов у нас был закончен полностью еще в декабре. Тогда же мы закончили и ремонт комбайнов. И люди и машины расставлены на места. Мы твердо рассчитываем провести сев ранних колосовых на площади 6,5 тысячи гектаров в течение 5 дней. Нынешний год должен принести новый рост урожайности всех культур, новый подъем земледелия. Зерновых мы намечаем получить в среднем со всей площади — свыше 13 тысяч гектаров — по 15,5 центнера с гектара.

Широкой ДОРОГОЙ

Ю. ШЕСТАКОВА

Фото В. Байдалова
(Фотохроника ТАСС)

Студенты отделения народов Севера (слева направо): Кирис Киле, Иннокентий Вальдю, Алексей Куркутский, Георгий Пчелкин и Мирон Хелол.

На главной улице города стоит красивое белое четырехэтажное здание. Над входом вывеска: «Хабаровский педагогический институт». Здание построено недавно. И сам институт еще молод: ему исполнилось всего десять лет. Однако за это время он выпустил немало питомцев. Получив образование, они теперь работают в школах Дальнего Востока — на Командорах и Чукотке, на Камчатке и побережье Охотского моря, в горах Хингана и на Амуре...

В институте иногда появляются необычные посетители. Смуглолицые, загорелые люди в меховых одеждах, украшенных ярким орнаментом, поднимаются по широкой лестнице. Это охотники и рыбаки из национальных колхозов, приехавшие навестить своих сыновей, дочерей или просто знакомых. В институте есть отделение народов Севера. Здесь обучаются чукчи, эвены, эвенки, коряки, нанайцы, ульчи, нивхи и представители других народностей, населяющих Дальний Восток.

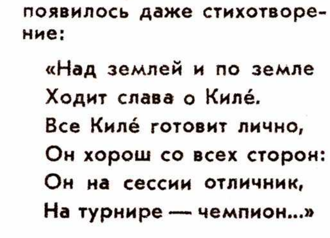
Еще в первые годы советской власти в Хабаровске был организован педагогический техникум. Из далекой тундры, с кочевий, из стойбищ съезжались тогда на учебу юноши и девушки. Многие из них впервые видели поезд, пароход, автомобиль. Город пугал их шумом. Но здесь они приобщились к культуре. В техникуме, который стал потом базой северного отделения института, начинали свое образование нанайский поэт герой Великой Отечественной войны Аким Самар и удэгейский писатель Джанси Кимонко.

Один из старейших преподавателей Хабаровского пединститута, Нина Алексеевна Богданова, говорит об успехах студентов:

— Почти все слушатели отделения народов Севера пришли в институт из педагогических училищ, из средних школ. Многие уже имеют опыт педагогической работы. Среди студентов имеются очень способные юноши и девушки. Вот сейчас группа студентов-коряков под моим руководством составляет методическое пособие для заочников. Коряк Юрий Еткунин написал рецензию на букварь Стебницкого, ульч Иннокентий Вальдю пишет критическую статью на книгу Золотарева «Родовой строй ульчей». А ведь это требует большой подготовки.

Нина Алексеевна заведует кафедрой северных языков института. Около шестидесяти бывших ее учеников работают в корякских школах.

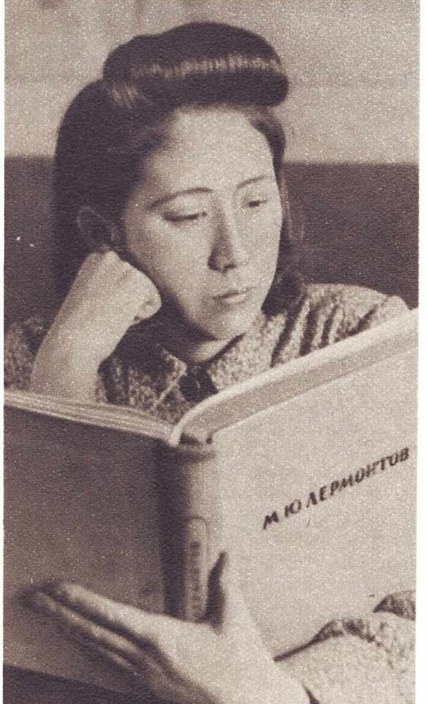
Среди студентов северного отделения немало отличников учебы; нанаец Кирис Киле, который в этом году заканчивает институт, вероятно, останется на кафедре для научной работы. Кирис Киле хороший спортсмен и шахматист. В институтской стенгазете появилось даже стихотворение:

«Над землей и по земле
Ходит слава о Килé.
Все Килé готовит лично,
Он хорош со всех сторон:
Он на сессии отличник,
На турнире — чемпион...»

Студенты северного отделения, составляющие отдельную спортивную команду, участвуют весьма активно в соревнованиях по всем видам спорта. По шахматам они занимают первое место в институте. Стенные газеты института оформляются художниками этого отделения. Эвен Георгий Пчелкин, ульч Иннокентий Вальдю — талантливые рисовальщики. Многие студенты отделения выделяются разносторонними способностями: ламут Чирканов пишет рассказы, коряк Юрий Еткунин — стихи.

По широкой дороге идет в жизнь молодежь Севера!

Отличница учебы комсомолка-корячка Варвара Пак.

Урок русского языка на подготовительном курсе северного отделения. На первом плане (слева направо): преподавательница Н. С. Вылгина, студентки — юкагирка Акулина Шадрина и нанайка Мария Гейкер.

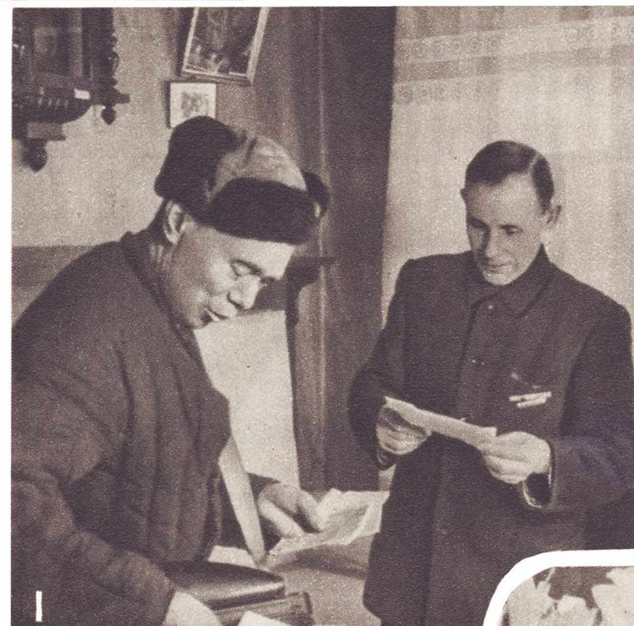

Заведующая кафедрой северных языков Н. А. Богданова дает консультацию группе студентов второго курса.

ВЫСШАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ...

Фотоочерк Г. Зельма, С. Каневского

1

— Телеграмма из Москвы, Федор Алексеевич... Высшая правительственная! Имею честь вручить, а также поздравить от себя, — сказал сельский почтальон председателю колхоза тов. Бурмистрову.

2

Звеньевая Александра Павловна Шишкина услышала о себе и о своих товарищах по радио. Павел Яковлевич, ее отец, взволновался от радости:

Нет, не ошиблись!

Подсчитали и вновь убедились: 550 центнеров картофеля с гектара. Можно было надеяться на награду. И вот пришла радостная весть: правительство присвоило семерым звание Героя Социалистического Труда. Секретарь Московского комитета ВКП(б) Г. М. Попов и председатель Исполкома Московского областного Совета П. Г. Бурыличев телеграммой сердечно поздравили Героев, пожелав дальнейших успехов.

Это событие произошло в колхозе «Борец», что в деревне Батюшково, Дмитровского района, Московской области. Небольшое хозяйство в «Борце» — 172 гектара пашни. Но здесь работает сплоченный коллектив — 80 человек, которые умеют брать от земли обильные урожаи. Раньше в Батюшкове сеяли одну рожь. Теперь в «Борце» не видят смысла заниматься только рожью: озимая пшеница приносит по 28—30 центнеров. В 1949 году бригады намерены взять уже не менее 32—35 центнеров с гектара.

По урожаям картофеля и овощей колхозники «Борца» превзошли даже колхоз «Победа», известный не только в Дмитровском районе, но и во всем Подмосковье.

Обогнать «Победу» было давнишней мечтой колхозников «Борца». Что ж, и обогнали! На то и социалистическое соревнование, чтобы двигаться вперед.

В нашем фотоочерке читатели «Огонька» видят семерых Героев Социалистического Труда из колхоза «Борец».

— Вот, Шура, самый прекрасный день в моей жизни...

3

Нет слов, чтобы передать чувства солдатской вдовы Аграфены Гудковой. Сколько счастья сразу привалило в ее дом! Великой чести удостоили сына Петра, бригадира и секретаря партийной организации колхоза, а также двух невесток — Антонину и Варвару.

Семья Гудковых за год получила на трудодни 140 пудов зерна, 1700 пудов картофеля, 360 пудов овощей да 2500 рублей наличными деньгами, — подсчитала мать. Гудковы построили себе красивый дом.

4

Чем же ответить своей партии, своему народу за великую заботу о тружениках

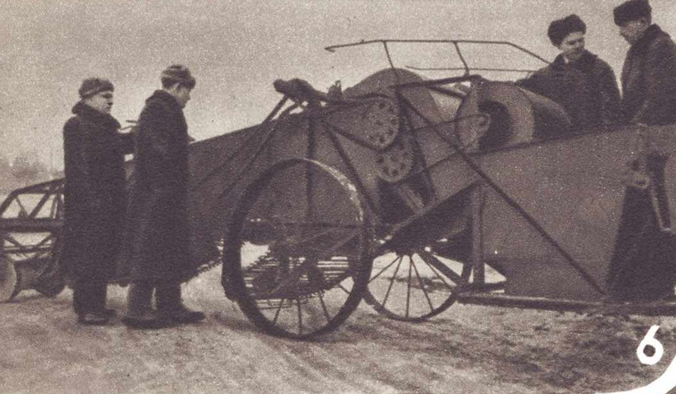
земли? Коммунисты колхоза собрались вместе, чтобы обсудить этот вопрос. Герой Социалистического Труда бригадир Михаил Иванович Бобков заявил:

— Ответ наш ясный: вырастим в 1949 году еще больший урожай. От имени моей бригады беру обязательство дать шестьсот центнеров картофеля с гектара. Предлагаю обратиться за научным советом в Институт картофельного хозяйства. Может быть, еще что полезное подскажут нам ученые...

5

На следующий день бригадиры Гудков и Бобков были в институте. Специалист по агротехнике мичуринец В. Ф. Ильин рассказал гостям о новых приемах управления ростом картофельных клубней.

6

Познакомились бригадиры и с устройством замечательной советской машины — картофелеуборочным комбайном. Инженер-конструктор при этом заметил:

— Пожалуй, для уборки ваших урожаев потребуется еще более мощная машина. Да, друзья, трудно за вами угнаться...

7

Слава о колхозе «Борец» быстро разнеслась по стране. Художник М. Ф. Володин приехал рисовать портреты Героев. Позирует звеньевая Мария Егоровна Лямина.

8

Не было отбоя и от фотокорреспондентов...

ПЕРЕДОВАЯ ЛИНИЯ

Петр Никитин

Ростов на Дону. Вновь выстроенный Темерницкий мост — один из красивейших в городе.
Фото А. Штейникова (ТАСС)

Беспокойный народ, эти ростовчане!

Казалось, в пространных планах и убедительно обоснованных сметах строители все учли, взвесили, предусмотрели. Пятиэтажное здание холодильника восстанавливали темпами, которые «вполне отвечали наметкам министерства». А городской комитет партии вдруг поручает коммунистам подумать, посоветоваться с народом да рассчитать, как убыстрить темпы, чтобы восстановить холодильник досрочно.

Мнения разделились. Одни отгораживались от беспокойных людей документацией, кивали на министерство, жонглировали трудностями, выдумывали новые и решительно утверждали: «Нельзя!» Другие в доказательствах опирались на труд стахановцев, на их опыт, находили внутренние резервы стройки и с этих позиций пересматривали расчеты, сроки, темпы.

Строить красиво, быстро, хорошо хотели и те и другие. Но одни были в плену цифр и абстрактных расчетов. Они по лености мысли не искали, а убаюкивали себя тем, что существуют на свете пределы возможного и, кажись, эти пределы достигнуты. Других упоминание о пределах приводило в ярость, рождало смелые дерзания, толкало на творческие поиски.

На стройке все чаще видели секретаря городского комитета партии Владимира Михайловича Козлова, работников горкома Дмитрия Тимофеевича Ермолаева, Павла Трофимовича Никипелова. Они, по заданию бюро горкома, уточняли, выясняли резервы и, как принято говорить тут, «разбирались в холодильнике». На заседании бюро городского комитета партии особых разногласий не возникло. Было доказано, что город располагает всем, чтобы восстановить холодильник на год раньше срока. Так и решили.

Стройку взял под наблюдение горком партии. Коммунисты неустанно осуществляли контроль. И когда недостаток местных строительных материалов начал тормозить работу, это затруднение с помощью исполкома городского Совета и его председателя Константина Григорьевича Гаркушенко было устранено. И вот есть песок, камень, известь, всего этого достаточно, но строители жалуются, что «мало рабочей силы», что количество людей не соответствует темпам. Горком партии призывает коммунистов возглавить соревнование, шире распространять опыт стахановцев. Инициатива каменщиков, кровельщиков, штукатуров, монтажников находит широкую поддержку в партийных организациях. И силы народа удвоились.

Бригада штукатуров Барсукова, арматурщики Храмцова дают уже двойные нормы. Отличается инженер коммунист Александр Иванович Ермолаенко. Он умело внедряет передовые методы труда. И бригада Аркадия Владимировича Андреева намного перевыполняет норму монтажа подвесных путей, а бригада Андрея Федоровича Пимкова изготовляет и устанавливает охлаждающие батареи в предельно короткие сроки.

В разгар социалистического соревнования возникает затруднение с финансированием. Иссякли ассигнования. Большевистские темпы опередили наметки министерства. Горком партии обратился с письмом к министру мясомолочной промышленности тов. Кузьминых. В этом письме партийная организация обосновала и поддержала просьбу строителей. Средства были быстро получены.

Темпы нарастали с каждым днем. Четырежды бюро горкома детально занималось холодильником. Строители получали поддержку и помощь. Во-время предупреждались трудности и ошибки. И холодильник был восстановлен на год раньше срока.

Шаблон — враг инициативы, смерть творчества, тормоз движения вперед. Для «Ростсельмаша», например, вопрос о темпах решался по-иному. Находились горячие головы, которые не разобрались в этой стройке, не поняли, что главное, а что второстепенное. Они шаблонно требовали: «Жать на строителей!»,— но игнорировали при этом конкретную обстановку, сложность и своеобразие восстановительных работ на «Ростсельмаше».

Такой завод нельзя было восстанавливать наспех, полукустарными методами. Городской комитет партии глубоко вник в суть дела и посоветовал восстановителям как можно быстрее создать собственную мощную строительную базу. С помощью партийной организации база была создана в очень короткий срок. Это позволило возрождать завод индустриальными методами. И тогда наступило такое ускорение темпов, что строители «Ростсельмаша» дважды заслужили благодарность великого Сталина.

Завод «Ростсельмаш», как известно, досрочно вступил в строй. Ростсельмашевцы увеличивают выпуск комбайнов. Довоенные показатели давно позади.

Легкий путь — не всегда правильный путь, и не всегда он отвечает интересам государства. Трест «Ростовгорстрой» решил: с восстановлением школы № 45 возиться не стоит. Было сообщено министерству об исключении этого объекта из списков строек. Коммунисты опротестовали негосударственный подход к делу. Вмешался городской комитет партии. Но руководители треста продолжают упорствовать. Они доказывают, что восстанавливать здание нельзя: «...и стены в трещинах, и фундамент непрочен, и грунт под школой насыпной». Горком посылает на место комиссию из специалистов. Они приходят к выводу: «Объект действительно очень трудный, но восстановить его можно, если использовать передовой опыт». И строителям советуют выкладывать поврежденные стены, заменять их, не снимая перекрытий. Школа вошла в строй. Сэкономлены материалы, труд, а главное — время.

Большевистский контроль многое прояснил. Одни благоустраивают город, не покладая рук, выкраивают время и средства, чтобы получше украсить улицы, здания, а некоторые хотят отделаться клятвами да патетическими возгласами.

Но таких равнодушных к судьбам города людей немного. Хозяйственники, как и все горожане, активно участвуют в благоустройстве. Директор завода «Красное знамя» тов. Васильев осветил прилегающие к заводу улицы, заасфальтировал и вымостил их. Он намного перевыполнил план благоустройства на своем участке. Это и понятно: советские люди желают жить в обеспеченном надлежащими удобствами и уютном городе уже в этой пятилетке.

Борьба за темпы восстановления города стала политической задачей всех коммунистов. Областным комитетом партии было принято важное решение — «О мероприятиях по усилению восстановления и благоустройства города Ростова на Дону». Это решение — оперативный, глубоко продуманный план. Руководители предприятий и организаций почувствовали, что и они отвечают за город, отвечают не вообще, а конкретно. Секретарь областного комитета партии Н. С. Патоличев до мелочей вникает в городские нужды, тормошит неповоротливых и ленивых, поддерживает новое, помогает в трудную минуту. Городской комитет партии методично, строго, последовательно, изо дня в день проверяет выполнение оперативного плана восстановительных работ.

С украсившихся, просторных улиц Ростова исчезает сумеречное освещение. Около четырех тысяч шаров-плафонов льют мягкий, сильный свет. Пробегают новые троллейбусы, автобусы. Обтекаемой формы вагоны трамвая новой конструкции радуют глаз. Скверы, сады, площади обрели благоустроенный вид. А ведь еще недавно, в феврале тысяча девятьсот сорок третьего года, оккупанты, убегая, сожгли и взорвали главную улицу — имени Энгельса. От вокзала осталось крошево кирпича и извести. Гниловской путепровод взрывом был сброшен на рельсы. На заводах — хаос разрушения. В саду имени Горького — свалка. Уничтожен был аэровокзал, снесен стадион. Жилые дома выглядели, как обглоданные скелеты. Ветер свистел в обнаженной арматуре. Было уничтожено семьсот сорок тысяч квадратных метров жилой площади, триста тысяч квадратных метров площади административных и торговых зданий. Убытки — три миллиарда рублей. И казалось — лежать городу Ростову в развалинах десятилетия.

Но воля большевиков, советский патриотизм способны двигать горами. За короткий срок восстановлены промышленные предприятия, вузы, техникумы, много жилых домов и общественных зданий. В последний год темпы восстановления утроились. Сейчас до ста шестидесяти крупных объектов в строительных лесах (индивидуальные стройки не в счет). Восстановлены и сданы уже в эксплоатацию шестьдесят два здания, в том числе тридцать шесть крупных жилых домов, шесть школ, восемь учебных заведений.

Все ярче и осязательней проступают сквозь леса строек черты обновленного города. Ведется не просто реставрация: происходит реконструкция улиц, зданий, площадей на основе генерального плана социалистического Ростова. На месте разрушенного путепровода построен Темерницкий красавец-мост, который связывает центр с западной частью города. Предмостные благоустроенные площади в недалеком будущем украсят подходы к этому мосту и создадут единый архитектурный ансамбль.

На Зеленом острове, который находится на середине Дона, заложен парк культуры и отдыха. Отстроен южный партер Театральной площади. Он составит часть нового зеленого массива, в котором объединяются парк Революции, «Зеленый коридор» и парк на Зеленом острове. Любимым местом отдыха ростовчан стал западный партер Театральной площади с его великолепными фонтанами и скульптурами.

Привокзальная площадь заасфальтирована, по вечерам залита светом. Уютно и комфортабельно в залах ожидания вокзала, в комнатах отдыха. Отстроен заново аэропорт, восстановлена детская железная дорога — «Малая Ворошиловская». Ростовчане получили стадион «Динамо», какого не было и до войны. Около стадиона закладывается физкультурный городок.

Сделано много. Но впереди упорный, большой труд по восстановлению всех зданий на основных магистралях города, на Пушкинской улице, по Темерницкому проезду, в районе, примыкающем к железнодорожному узлу. Город стоит на берегу Дона, а центр был отрезан от воды железнодорожными путями, свалками, угольными пирсами. Правый берег как место отдыха не существовал. Теперь набережные благоустраиваются, город поворачивается лицом к Дону. Вдоль чугунной ограды набережной закладывается бульвар. По крутому склону зазеленеют деревья и газоны, наполнятся народом площадки для игр и развлечений. Жители уже разбирают развалины, очищают берега от мусора, инженеры и архитекторы планируют, как лучше украсить набережную.

О благоустройстве города, красоте его облика заботятся все горожане; у них появился вкус к красивой улице, площади, заводу и фабрике. «Горсовет определил нашему заводу посадить шестьдесят деревьев,— рассказывает директор одного предприятия тов. Аганесов,— ну, думаю, игрушками занялись — ничего не выйдет. Партийная организация заставила — посадил! Смотрю: хорошо! Красиво! Посадили рабочие еще триста деревьев. Увидели, что получилось красиво, а вокруг обломки да мусор, тогда и обломки убрали и свалку сравняли».

Неряшливости и бескультурью объявлена настоящая война. Недавно на привокзальных путях, на улицах, которые прилегают к железнодорожному полотну, появились группы людей. Это были депутаты, представители партийных и общественных организаций. Их интересовали чистота и архитектурное оформление подъездов к столице Дона. Все недостатки, замеченные общественностью, учтены в решениях городской партийной организации и Совета депутатов трудящихся и устраняются. Начальнику второй дистанции связи и сигнализации тов. Гедичу пришлось очистить полотно дороги, ремонтировать мостовую против своей конторы. Начальнику станции «Ростов-Главная» предложили «разобрать существующий забор как негодный и на этом месте посадить деревья, кустарники, разбить газоны». Многие удивляются, как они раньше не видели захламленности и бескультурья.

Легко сказать: «Возродим тебя, родной Ростов!» Не столь хлопотливо начертать пламенные призывы на серых развалинах. Нетрудно написать решение, составить чудесный план. Но поднять из мертвого хаоса улицу, площадь, возродить здание да к тому же сделать его удобнее, светлее, чем раньше,— это равно выигранному, умно проведенному бою.

В борьбе за восстановление каждого дома, завода, улицы проявляются прекрасные качества советского человека, активного строителя коммунистического общества. Любовь к Родине, стремление строить быстро, прочно, дешево движет армией архитекторов, инженеров, рабочих, партийных и беспартийных работников — всем дружным строительным коллективом.

Инженеры-строители во главе с М. Першиным и С. Бахметьевым разработали и осуществили совершенно новый метод восстановления железобетонных конструкций. Этот метод снизил затраты в рабочей силе на 68 процентов.

В штукатурных работах ковш инженера Шаульского совершил переворот. Теперь допотопный «сокол» забыт штукатурщиками Ростова. Раствор наносится на стену ковшом, разравнивается рейкой, а отделочный слой заглаживается резиновыми полутерками. Экономится время, растет производительность.

В бетонные работы — Белов, в кладку — Еремеев, в плотничьи дела — Донченко внесли свое, стахановское, предложили наиболее эффективные методы труда.

Со школьной скамьи молодежь приходит на стройки. Опытные мастера учат ее, посвящают в тайны профессии. Депутат Ростовского Совета А. Н. Алферов обучил тринадцать человек мастерству штукатурки, столяр Н. Н. Прозоров — девять, плотники братья Грибачевы — тридцать шесть, а коммунист Донченко воспитал пятьдесят шесть плотников.

Учителя соревнуются друг с другом и со своими питомцами. Нередко воспитанник обгоняет учителя. И тот, поглаживая ус, за кружкой пива, в кругу друзей, таких же, как он, солидных мастеров, с гордостью говорит:

— Мой-то Степан? Орел! Выучка видна...

Коммунисты и на этом участке впереди. Обучая молодежь, товарищи Ступак, Троян, Князев, Донченко, Дундуков, Путилина выполнили свои производственные планы. Многие строители Ростова уже работают в счет второй пятилетки.

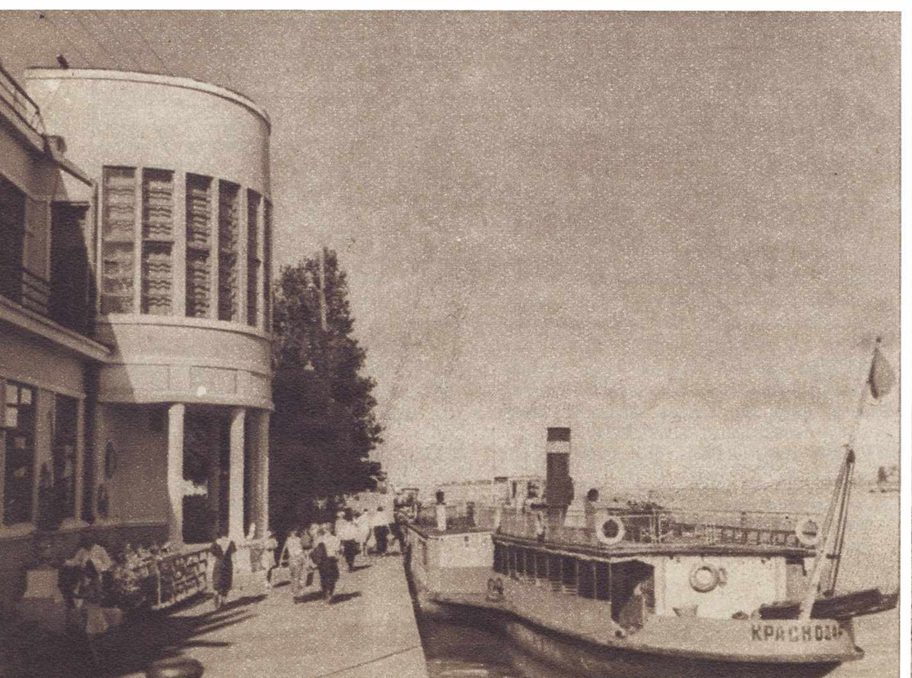
Любят ли ростовчане свой помолодевший город? Об этом говорят двадцать четыре миллиона часов, которые отработаны жителями на благоустройстве и восстановлении Ростова. Мастер кровельного дела Петр Петрович Попов получил очередной отпуск. Ему бы отдохнуть на привольных песчаных берегах Дона, а он направился в Ленинград. Слыхал Попов о мастерстве ленинградских строителей, вот и поехал за опытом.

Сам Попов — по специальности кровельщик. Ему бы этим и интересоваться. Но Попов — советский человек: он понимает роль участника стройки глубже, выступает хозяином всего, что совершается вокруг. Поэтому-то Петр Петрович с одинаковой энергией выискивал новое и для штукатуров, и для плотников, и для монтажников. Все, что могло помочь родному городу быстрее стать на ноги, волновало, привлекало внимание советского человека.

Вернулся Попов из отпуска в Ростов. Попросил собрать стахановцев, инженеров, техников и доложил им о виденном. С эскизами и чертежами в руках доказал преимущества инструмента и приспособлений, которые применяют ленинградские строители. Многое из того, о чем рассказал Петр Петрович, уже осуществлено. Такие люди, как Попов,— это вдохновенные патриоты. Они всегда на передовой линии, всегда по-хорошему беспокойны, всегда в творческих поисках. В этом их сила и красота.

Прекрасное, солнечное «завтра» у светлого южного города. Пройдет немного лет, исчезнут разрушения, человеческий труд сотрет следы вражеского нашествия, и поднимется среди зелени и цветов много высоких, красивых зданий. Широкое кольцо зеленых посадок окружит город, облагородит его климат. Возникнут новые фабрики, заводы, учебные заведения. Город раздвинется вширь по берегу Дона, а больше — в глубь донских степей. Благоустроенные асфальтированные дороги свяжут его с пригородами, дачными поселками, домами отдыха, санаториями. У гранитных, утопающих в зелени и цветах набережных заплещется волжская волна, и помолодевший могучий тихий Дон будет колыхать на широкой груди своей океанские пароходы.

Интересно жить, работать и строить в нашей прекрасной Отчизне!

Набережная.

У магазина «Гастроном». Вдоль тротуара высажены молодые деревья.

Фото Я. Берлинера

Н. В. ГОГОЛЬ

(К 140-летию со дня рождения)

Гоголь писал, что при имени Пушкина «тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте». Эти слова относятся и к самому Гоголю.

Творчество его проникнуто любовью к родине, тревожной заботой о судьбе народа. Хотя Гоголь и заблуждался в определении тех путей, которыми, по его мнению, должно было следовать развитие народа, но в основе его творчества как художника всегда лежала мысль о родине и народе.

Видя в творчестве Пушкина подлинную народность, Гоголь писал: «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами».

Патриотическая гордость своей страной проходит через все творчество писателя. Особенно остро ощущает он свою связь с отчизной во время пребывания за границей. Находясь в Риме, Гоголь взволнованно пишет друзьям о «неизмеримой, нашей родной русской земле», которая ему несказанно дороже, чем «прекрасные небеса» Италии. «Ни одной строки не мог посвятить я чуждому», будучи «непреодолимою цепью прикован... к своему»,— говорит он. Для него бедные крестьянские избы и «обнаженные пространства» родины дороже и прекраснее, чем «приветливые» небеса чужой земли.

Свой долг писателя, свое служение родине Гоголь видел в правдивом изображении жизни, в борьбе с тем, что препятствовало развитию народных сил. Это и сделало его, по выражению Белинского, «гениальным поэтом и первым писателем современной России». Гоголь хорошо знал, сколь горек и труден удел писателя, осмелившегося в условиях николаевской реакции сказать правду, показать подлинное лицо жизни. Недаром в начале седьмой главы «Мертвых душ» с горечью писал он о судьбе писателя, «дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами, и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи!»

Именно за это беспощадное разоблачение крепостнического общества так высоко ценили Гоголя революционные демократы Белинский, Добролюбов, Чернышевский. Отмечая в творчестве Гоголя «народность» и «совершенную истину жизни», Белинский писал, что «причина всех этих качеств заключается в одном источнике: Гоголь — поэт, поэт жизни действительной».

Чернышевский в «Очерках гоголевского периода» видит основную заслугу Гоголя в том, что он «первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию, и притом стремление в столь плодотворном направлении, как критическое». «Обвинительным актом» против николаевского режима назвал творчество Гоголя Герцен.

Из глубокого патриотического чувства вырастали и «критическое» направление творчества Гоголя, суровая жизненная правда его гениальных произведений, их обличающая сила. По выражению Некрасова, Гоголь «проповедывал любовь враждебным словом отрицанья».

Уже первые повести Гоголя, его «Вечера на хуторе близ Диканьки», свидетельствуют об обращении Гоголя к жизни народа, о любовном проникновении в радости и горести родной и близкой писателю по детским и юношеским впечатлениям украинской деревни, об увлеченности его пленительными народными песнями, сказками, легендами. Но чем больше созревало его творчество, чем глубже и критичнее становилось его отношение к действительности, тем резче показывал он отрицательные стороны жизни.

В «Старосветских помещиках» и «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь раскрыл с потрясающей правдивостью омертвение жизни, лишенной деятельности, движения, идеалов. В петербургских повестях Гоголь показал противоречия окружавшей его действительности, социальную несправедливость крепостнического общества, где «все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам или генералам». В таких повестях, как «Записки сумасшедшего» и «Шинель», Гоголь с позиций гуманиста протестует против бедственной и жалкой судьбы «маленького человека» в условиях бюрократически-помещичьего государства, срывает покров благолепия с действительных отношений тогдашнего общества. Но пошлому и бесчеловечному миру благополучных и наглых поручиков Пироговых и майоров Ковалевых Гоголь смог противопоставить лишь прекраснодушных мечтателей, вроде художника Пискарева, или бессильных и беспомощных Башмачкиных.

С уничтожающей силой осмеял Гоголь хозяев тогдашнего русского общества в своей гениальной комедии «Ревизор». «В «Ревизоре»,— писал Гоголь,— я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем».

Но наибольшей полноты и страшной обличающей силы достиг Гоголь в «Мертвых душах», в которых показана «с одного боку» «вся Русь» того времени.

«Мертвые души» потрясли всю Россию,— писал Герцен.— Подобное обвинение необходимо было современной России. Это — история болезни, написанная мастерской рукой».

Но Герцен справедливо увидел в «Мертвых душах» Гоголя не только «историю болезни», не только «крик ужаса и стыда», но и протест, не только «горький упрек современной Руси», но и веру писателя в свой народ, в его живые, творческие силы. «Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, полную силы национальность».

За «мертвыми душами» николаевской монархии, за пошлым и страшным миром Чичиковых, Собакевичей и Ноздревых, Гоголь чувствовал биение здорового народного пульса, видел живую душу России — ее народ. Это и придавало силу и целеустремленность его сатире и наполняло его произведения тем оптимистическим пафосом, который так явственно и могуче проходит через лирические отступления поэмы.

Каким подлинным лиризмом, какой горячей любовью к русскому народу звучат его слова о крепостных, купленных Чичиковым, о богатыре плотнике Степане, об Абакуме Фырове, пошедшем в бурлаки, «взлюбившем вольную жизнь»! Таково и пророческое, полное веры в русский народ уподобление России скачущей тройке, завершающееся словами: «Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и косясь постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Проникновенная любовь к родной земле сказалась и в героическом эпосе о борьбе украинского народа за свою независимость — в повести «Тарас Бульба».

Гоголь мучительно рвался из плена отвратительной и мертвой действительности крепостнической России. Ему были глубоко враждебны и западноевропейские буржуазные порядки. Но мечты о новой, преображенной жизни не могли осуществиться на том пути, каким шел Гоголь. Его поиски религиозно-нравственного разрешения вопиющих социальных противоречий, показанных им же самим с такой суровой обнаженностью, уводили его в сторону от передовых идей его времени, от революционной демократии. Гоголь не понял революционного призыва Белинского. Изменив жизненной правде, передовым устремлениям народа, он в «Выбранных местах из переписки с друзьями» проповедывал христианское смирение.

В своем знаменитом письме Белинский высказал горькое негодование по поводу того, что после таких прекрасных произведений, как «Ревизор» и «Мертвые души», Гоголь выступил с реакционной проповедью. Письмо Белинского произвело огромное впечатление на писателя. Он пытался оправдаться, ответить на справедливые обвинения, вновь обратившись к художественному творчеству, к работе над второй частью «Мертвых душ». Однако тот тупик, в который попал Гоголь, то окружение, в котором он находился, и вскоре пришедшая смерть помешали писателю докончить подвиг его жизни — поэму «Мертвые души»,— найти те положительные образы, те «живые души», которые Гоголь стремился показать.

Белинский писал о том, что Гоголь «создал в России новое искусство, новую литературу», которая не идеализировала действительность, а «воспроизводит жизнь и действительность в их истине». Этой глубокой жизненной правдой своего творчества Гоголь особенно близок и дорог нам. Творчество Гоголя дало мощный толчок развитию русского классического реализма.

Гоголь, беспощадный обличитель мерзости буржуазно-дворянского общества, писатель-патриот, горячо любивший свой народ и веривший в его великие творческие силы,— с нами, со всем советским народом, противоборствующим темным силам реакции.

Н. СТЕПАНОВ

Н. И. Осенев. КОМСОМОЛЬЦЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ ПОД МОСКВОЙ.

XI съезд ВЛКСМ

Открытие XI съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи в Большом Кремлевском дворце. С отчетным докладом Центрального комитета ВЛКСМ выступает секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов.

29 марта в Москве, в Большом Кремлевском дворце, собрались со всех концов страны лучшие представители советской молодежи. Делегаты и гости задолго до начала заседания заполнили зал дворца. В ложах для иностранных гостей — представители молодежных организаций Болгарии, Венгрии, Италии, Монголии, Швеции, Румынии, Дании, Австрии, освобожденных районов Китая, Северной Кореи.

В 5 часов вступительной речью секретарь Центрального комитета ВЛКСМ Н. А. Михайлов открывает XI съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

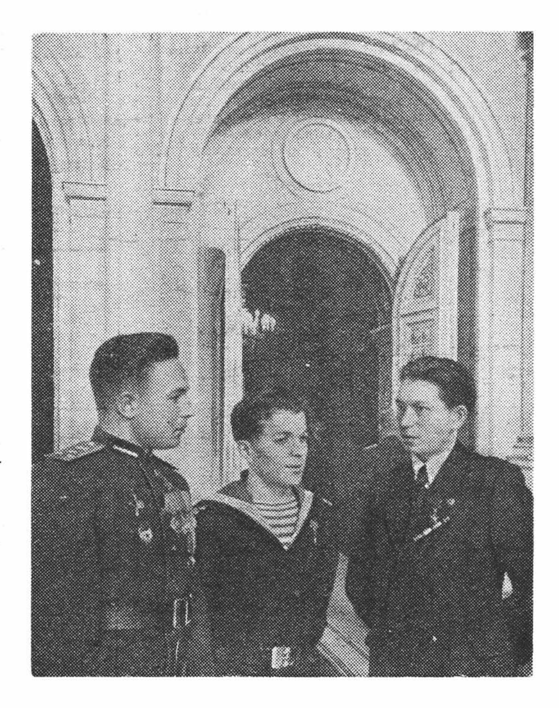
— Сыны и дочери социалистического отечества,— говорит тов. Михайлов,— принесли сюда, в Кремль, чувство глубокого уважения, неиссякаемой любви и беспредельной преданности нашей Родине, большевистской партии, великому продолжателю дела Ленина вождю коммунизма дорогому товарищу Сталину.

При упоминании имени товарища Сталина делегаты съезда устраивают бурную, долго не смолкающую овацию в честь любимого вождя и учителя.

— К товарищу Сталину, нашему вождю, учителю, отцу,— продолжает тов. Михайлов,— обращаем мы сегодня наше первое слово.

Направляемый заботливой и верной рукой коммунистической партии, Ленинский комсомол пришел к своему съезду с крупными достижениями, как никогда сплоченным вокруг коммунистической партии, ее Центрального Комитета, товарища Сталина.

После заключительных слов тов. Михайлова, провозгласившего здравицу в честь великого вождя коммунизма, лучшего друга советской молодежи товарища Сталина, зал устраивает бурную, долго не смолкающую овацию.

Делегаты съезда — Герои Советского Союза старший лейтенант В. М. Литвинов (Приморье), старшина 2-й статьи В. Г. Моисеенко (Приморье) и И. Г. Мешиков — секретарь райкома ВЛКСМ (Моргаушский район, Чувашская АССР).

По предложению секретаря МК и МГК ВЛКСМ тов. Красавченко съезд избирает президиум, в состав которого входят секретари ЦК ВКП(б) тт. М. А. Суслов, П. К. Пономаренко и Г. М. Попов, тов. М. Ф. Шкирятов, секретари ЦК ВЛКСМ тт. Н. А. Михайлов, В. Н. Иванов, А. Н. Шелепин, А. Е. Харламов, Т. И. Ершова, заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д. Т. Шепилов, председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов, командующий военно-воздушными силами Московского военного округа генерал-майор В. И. Сталин, трижды Герои Советского Союза И. Н. Кожедуб и А. И. Покрышкин, звеньевая колхоза «Коммунист», Туркменской ССР, Герой Социалистического Труда А. Бегенчева, забойщик шахты имени Калинина, Сталинской области, А. А. Кривопишин и другие.

Под бурные аплодисменты съезд избирает почетный президиум — Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем И. В. Сталиным. Товарищ Сталин избирается почетным председателем XI съезда ВЛКСМ.

Съезд избирает секретариат, редакционную и мандатную комиссии. Единодушно утверждается повестка дня: отчет ЦК ВЛКСМ, отчет Центральной ревизионной комиссии, о работе комсомола в школе, изменения в уставе ВЛКСМ, выборы Центрального комитета ВЛКСМ, выборы Центральной ревизионной комиссии.

По первому вопросу повестки дня с докладом выступил секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Н. А. Михайлов.

Самые молодые делегатки съезда тбилисские школьницы Лили Литанишвили (слева) и Мери Сохадзе.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Делегаты от Красноярского края Герои Социалистического Труда звеньевая колхоза имени Сталина, Аскизского района, Е. Т. Боргоякова (слева) и звеньевая колхоза «Заря», Новоселовского района, В. Н. Толстикова.

В ЭТИ ДНИ НА ПОЛЯХ РОДНОЙ СТРАНЫ

БЕСЕДЫ С ГЕРОЯМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА — ПЕРЕДОВИКАМИ ВЕСЕННЕГО СЕВА

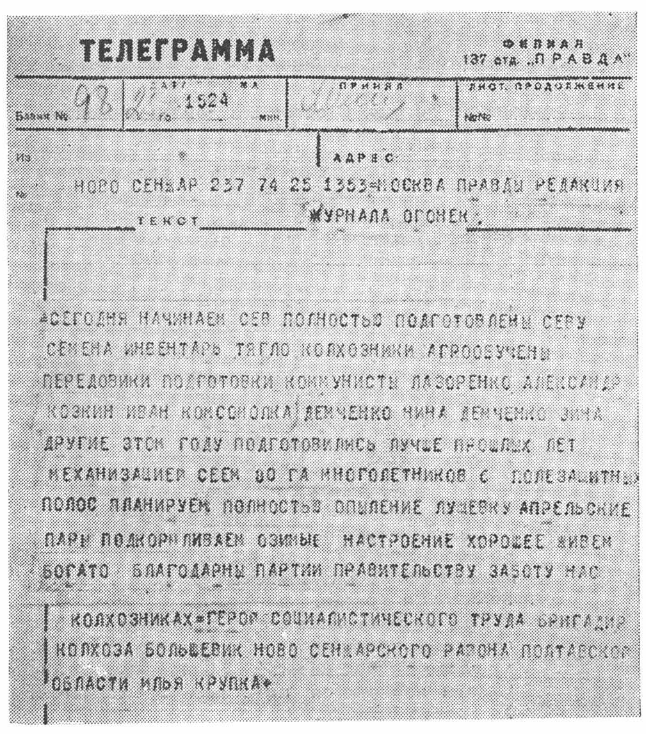
С каждым днем ширится фронт полевых работ. На Кубани и Украине, в республиках Средней Азии и Закавказья сев в разгаре. Телеграммы, которые приходят в Москву с юга страны, сообщают о новом политическом и производственном подъеме среди колхозников. Нынешняя весна знаменательна тем, что колхозное крестьянство вместе со всем нашим народом начинает гигантскую борьбу за переделку природы. Во многих районах почти одновременно с севом начинаются массовые посадки деревьев по трассам будущих лесных полос.

Благодаря неустанной заботе большевистской партии и правительства неуклонно возрастает и улучшается техническое вооружение наших колхозов и совхозов. Первые дни сева показывают, что успехи передовиков сельского хозяйства — Героев Социалистического Труда — могут, должны быть и будут повторены миллионами колхозников.

Корреспондент журнала «Огонек» связался по телефону с Героями Социалистического Труда, работающими в эти дни на севе в разных районах страны.

— Как проходит посевная кампания в вашем районе? Чем она отличается от предыдущих посевных кампаний, кто из ваших товарищей в эти дни показывает образцы стахановской работы?

Ниже мы публикуем ответы на эти вопросы.

ТЕЛЕГРАММА

ФИЛИАЛ 137 отд. „ПРАВДА"

Бланк № 98 | 1524 | Принял | Лист. продолжение №№

АДРЕС:

НОВО СЕНЖАР 237 74 25 1353=МОСКВА ПРАВДЫ РЕДАКЦИЯ

ТЕКСТ ЖУРНАЛА ОГОНЕК.

СЕГОДНЯ НАЧИНАЕМ СЕВ ПОЛНОСТЬЮ ПОДГОТОВЛЕНЫ СЕВУ СЕМЕНА ИНВЕНТАРЬ ТЯГЛО КОЛХОЗНИКИ АГРООБУЧЕНЫ ПЕРЕДОВИКИ ПОДГОТОВКИ КОММУНИСТЫ ЛАЗОРЕНКО АЛЕКСАНДР КОЗКИН ИВАН КОМСОМОЛКА ДЕМЧЕНКО НИНА ДЕМЧЕНКО ЗИНА ДРУГИЕ ЭТОМ ГОДУ ПОДГОТОВИЛИСЬ ЛУЧШЕ ПРОШЛЫХ ЛЕТ МЕХАНИЗАЦИЕЙ СЕЕМ 80 ГА МНОГОЛЕТНИКОВ С ПОЛЕЗАЩИТНЫХ ПОЛОС ПЛАНИРУЕМ ПОЛНОСТЬЮ ОПЫЛЕНИЕ ЛУЩЕВКУ АПРЕЛЬСКИЕ ПАРЫ ПОДКОРМЛИВАЕМ ОЗИМЫЕ НАСТРОЕНИЕ ХОРОШЕЕ ЖИВЕМ БОГАТО БЛАГОДАРНЫ ПАРТИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЗАБОТУ НАС КОЛХОЗНИКАХ=ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА БРИГАДИР КОЛХОЗА БОЛЬШЕВИК НОВО СЕНЖАРСКОГО РАЙОНА ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ ИЛЬЯ КРУПКА

Указом Президиума Верховного Совета, в связи с 50-летием со дня рождения Заместителя Председателя Совета Министров СССР товарища Л. П. Берия и принимая во внимание его выдающиеся заслуги перед коммунистической партией и советским народом, товарищ Л. П. Берия награжден орденом Ленина.

МЫ ПОДДЕРЖАЛИ ПОЧИН КОММУНИСТА ШАЦКОГО

Герой Социалистического Труда тракторист Н. С. Гоптарев.

В Курганинском районе, Краснодарского края, пример московского текстильщика Александра Чутких породил новое патриотическое начинание — борьбу за отличное качество сельскохозяйственных работ. Инициатором этого движения выступил бригадир тракторной бригады Михайловской МТС коммунист Иван Шацкий. Редакция вызвала по телефону станицу Курганную. К аппарату подошел Герой Социалистического Труда, бригадир тракторной бригады Николай Семенович Гоптарев. Приводим запись беседы.

— Расскажите, пожалуйста, как сейчас работает ваша бригада?

— Массовый сев мы начали 22 марта. Уже закончили сев колосовых. В бригаде у меня четыре трактора. Сегодня вышли в поле часов в шесть утра. Погода хорошая, настроение, как всегда, боевое — сразу принялись за дело. Комсомолец Владимир Сошников вместо 16 гектаров по норме засеял 20. Другой тракторист моей бригады, Василий Гусаков, сегодня весь день бороновал. Норма у него 32 гектара, а обработал он 42. На третьем тракторе работает Иван Шаповалов. Он был занят на культивации зяби. Иван Попов пахал. И Шаповалов и Попов свои нормы перевыполнили намного.

— Как в вашей бригаде оценен почин коммуниста Ивана Шацкого?

— Это—очень важное дело. Мы, как только узнали, собрались, обсудили этот почин. Решили немедля включиться в социалистическое соревнование за высокое качество полевых работ. У нас есть все шансы стать в скором времени бригадой отличного качества. Мы теперь пашем с предплужниками, на глубину 23—24 сантиметра, а не 21, как в прошлом году. Боронуем всю зябь и стараемся культивацию ее провести на «отлично». Шацкий и его бригада обязались получить урожай всех культур выше планового на 25 процентов. Такое же обязательство взяли на себя и мы. Да и не только мы. Многие другие бригады следуют примеру Ивана Шацкого. Это и есть то новое, что отличает нынешний сев от всех предыдущих.

— Сколько, примерно, тракторных бригад в вашем районе включилось в соревнование за отличное качество сева?

— Двадцать пять бригад... Но тут важно отметить, что почин Шацкого поддержали не только тракторные бригады, но и полеводческие бригады и звенья. На бригадных досках показателей соревнования теперь каждый день агроном особо отмечает качество работ. Кто глубже пашет, кто семена заделывает лучше,— тот и получает переходящее Красное знамя.

— Спасибо, товарищ Гоптарев, за беседу. Привет трактористам вашей бригады. Желаем побыстрее стать бригадой отличного качества.

— Спасибо. Сердечный привет родной Москве.

Дневник ОГОНЬКА

СЕЯТЬ БЫСТРО, СЕЯТЬ ОТЛИЧНО!

Герой Социалистического Труда Ф. А. Бойко, директор совхоза «Гигант» (Ростовская область).

В нашем районе сев нынче проходит в более сложных условиях, чем обычно: весна выдалась морозная. Поэтому в первые дни нам приходилось начинать полевые работы не в 5—6 часов утра, а в 10—11. Все же сев ранних колосовых мы закончили в три с половиной дня вместо четырех—пяти дней по плану. Сказались тщательная подготовка, возросшая культура труда в совхозе. Кто особенно отличается в эти дни? Пришлось бы назвать много имен, ибо трудовой подъем охватил всех рабочих; я не знаю ни одного, кто был бы равнодушен к судьбе урожая, кто не старался бы догнать передовиков. В четвертом и десятом отделениях совхоза особенно хорошо работают трактористы Харитонов, Тютюнник, Боровлев, Симоненко.

Ф. А. Бойко.

Высокого урожая на больших массивах добивается управляющий пятым отделением совхоза агроном Гриценко. Он проявил себя хорошим организатором социалистического соревнования, неутомимым новатором. Это отделение у нас в совхозе называют отделением отличной агротехники. Пахоту здесь проводят с предплужниками, на глубину 25—26 сантиметров. Соревнование за высокое качество полевых работ приняло более широкий размах после того, как нам стало известно о патриотическом почине Ивана Шацкого на Кубани. Коммунисты и комсомольцы каждый день разъясняют большое значение этого почина. Смысл их бесед сводится к одному: хочешь иметь высокий и устойчивый урожай,— борись за высокое качество сева.

Весенние полевые работы только начались, но уже можно твердо сказать, что они проходят более организованно и четко, чем когда-либо раньше. Во-время справившись с севом ранних колосовых в своем родном колхозе, мы стараемся оказать помощь другим совхозам и колхозам. В артель имени колхоза «Гигант» мы послали на несколько дней трактористов братьев Докшиных. Минут за двадцать до разговора с вами мне позвонил председатель этого колхоза. «Хороших,— говорит,— ты трактористов прислал: много они помогли». В соседние совхозы мы также посылаем опытных людей и машины, если в этом есть необходимость.

Сейчас на полях совхоза идет боронование озимой пшеницы, многолетних трав. Готовим почву к севу поздних культур, ухаживаем за парами.

Среди тех, кто отличается в эти дни, надо отметить и наших летчиков. На бреющем полете они летают над полями совхоза и рассыпают удобрения. Это ребята смелые, неутомимые, и от их полетов большая польза совхозу.

ВЕСНА БОЛЬШИХ НАДЕЖД

Герой Социалистического Труда И. Д. Гусев, заведующий районным отделом сельского хозяйства Ново-Анненского района (Сталинградская область).

На полях нашей области начал таять снег. На днях приступаем к севу. Подготовились мы к нему лучше, чем в прошлом году. Объясняется это, главным образом, тем, что прошедшей зимой колхозники нашего района упорно овладевали агротехнической наукой. Только в 50 мичуринских кружках обучалось 1300 колхозников. На различных курсах получили хорошую теоретическую подготовку бригадиры, звеньевые, лесомелиораторы. Специальные курсы были созданы для руководителей лесопосадочных звеньев. Недавно мы провели двухнедельный семинар для председателей колхозов, познакомили их с техникой посадки лесных полос.

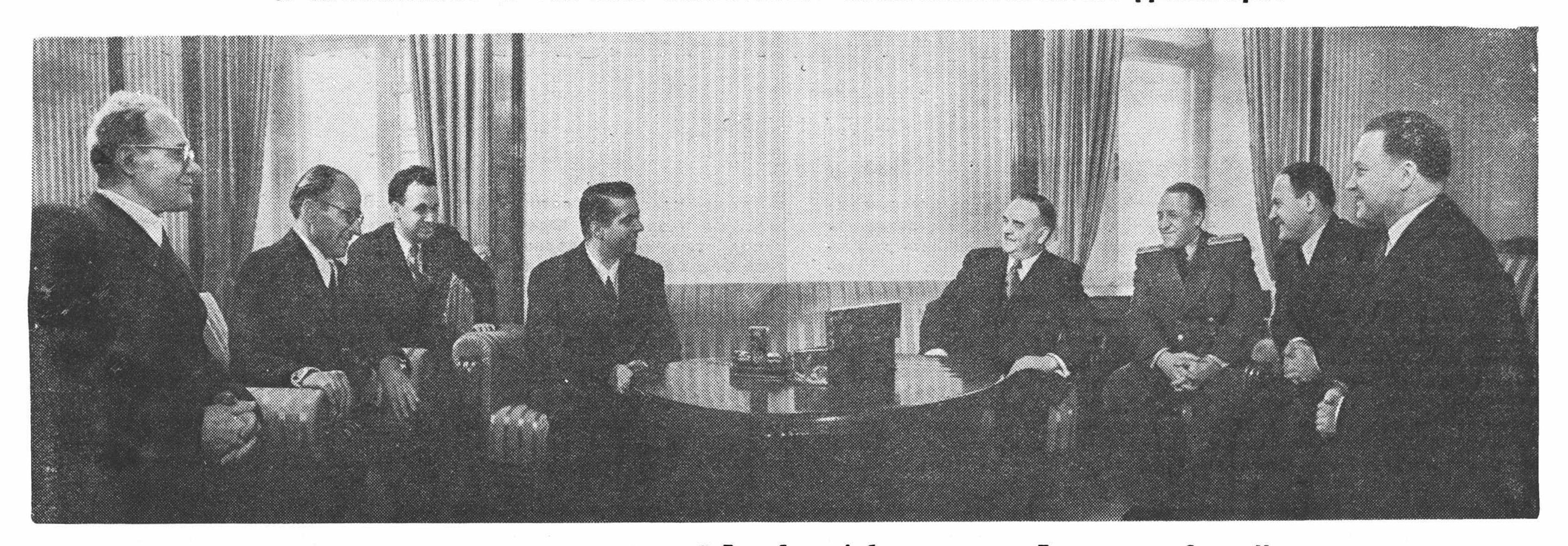
Если бы вы к нам приехали, то увидели бы, что все в районе учатся. Такого раньше не было. Вот почему я говорю, что подготовились мы к севу неплохо. И хотя будет он для нас представлять неизмеримо большие трудности, чем сев прошлого или позапрошлого годов, мы уверены, что полностью справимся с возложенными на нас задачами и создадим прочную основу для богатого урожая 1949 года. Нынешняя весна будет для нас весной немалых трудностей и больших надежд. Вы спрашиваете, почему я так говорю? Очень просто: ведь сев совпадает у нас с массовыми лесопосадками. В этом году мы должны посадить четыреста гектаров лесных полос...

И. Д. Гусев.

Во всех колхозах составлены рабочие планы, доведены они до сведения каждой бригады, каждого звена. Тракторный парк готов. Прицепной инвентарь и семена также полностью готовы. Семена нынче у нас только высокосортные. Все колхозы хорошо подготовились к севу, но лучше других — колхоз «Большевистское знамя», где председателем Герой Социалистического Труда Федор Ильич Фетисов.

К ПРЕБЫВАНИЮ В МОСКВЕ АЛБАНСКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

21 марта в Москву прибыла Правительственная Делегация Народной Республики Албании во главе с Председателем Совета Министров генерал-полковником Энвер Ходжа. 23 марта Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин принял Правительственную Делегацию Народной Республики Албании. 24 марта Делегацию принял Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник. На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник, Председатель Совета Министров и Министр Иностранных Дел Народной Республики Албании генерал-полковник Энвер Ходжа, Заместитель Министра Иностранных Дел СССР В. А. Зорин, Председатель Госплана Народной Республики Албании г. Спиро Колека, Посланник СССР в Албании Д. С. Чувахин, Посланник Албании в СССР г. М. Прифти, Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Горкин.

Фото Дм. Бальтерманца

НАКАНУНЕ ПУШКИНСКОГО ЮБИЛЕЯ

В детском секторе бакинской библиотеки имени А. С. Пушкина.

Фото Ф. Кушнерова и А. Брянова

Общественность Азербайджана готовится широко отметить знаменательную дату — 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Азербайджанский государственный ордена Ленина театр оперы и балета имени М. Ф. Ахундова, в репертуаре которого идут оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Русалка», «Дубровский» и балет «Бахчисарайский фонтан», покажет в дни пушкинского юбилея свою новую работу — оперу композитора Крюкова «Станционный смотритель». Литературный вечер из произведений Пушкина готовит Азербайджанский государственный драматический театр имени М. Азизбекова. Театр русской драмы предполагает осуществить постановку новой советской пьесы Глобы — «Пушкин». Цикл концертов «Пушкин в музыке» готовит Азербайджанская государственная филармония имени М. Магомаева. Артисты Нахичеванского, Нухинского, Карягинского и других театров составляют тематические концертные программы, с которыми они выступят на предприятиях, в колхозах, совхозах и машинно-тракторных станциях.

Большую научно-исследовательскую работу в связи с юбилеем проводит Институт литературы имени Низами Академии наук Азербайджанской ССР. Результаты этой работы будут опубликованы в специальном сборнике «Пушкин и азербайджанская литература». В него войдут исследования о влиянии творчества русского поэта на азербайджанскую литературу. Кроме того к изданию готовится книга «Азербайджанские поэты и писатели — А. С. Пушкину».

Республиканское общество по распространению политических и научных знаний выпускает на азербайджанском языке массовую брошюру «Жизнь и творчество А. С. Пушкина». В центральном лектории и во дворцах культуры нефтяных районов проводится цикл лекций. Такую же работу ведут филиалы Союза азербайджанских писателей в Нахичевани, Кировабаде и Степанокерте.

Азербайджанское музыкальное издательство подготовило к изданию новые произведения композиторов С. Рустамова и Ф. Амирова на пушкинские тексты.

Художники Азербайджана готовят выставку, на которой будут представлены новые произведения станковой живописи, графики и скульптуры, посвященные великому русскому поэту. В высших учебных заведениях идут научные предъюбилейные сессии. Издательство «Азернешр» выпустит на азербайджанском языке полное собрание сочинений великого поэта. К юбилейным дням выйдут два первых тома, все издание должно быть закончено в течение 1950 года.

В. ПЕТРОВ

Конференция машиностроителей-скоростников

Редко научное совещание вызывало у машиностроителей такой интерес, какой вызвала конференция по скоростным методам обработки металла, созванная в конце марта московским отделением Всесоюзного научного инженерно-технического общества машиностроителей.

Конференция подвела итоги изучения скоростных методов обработки металлов. Участники ее обменялись научным и практическим опытом, накопившимся на передовых заводах и в институтах столицы.

На конференции присутствовали главные инженеры и технологи, начальники цехов, руководители лабораторий, стахановцы. Прислали своих представителей машиностроители Ленинграда, Киева, Челябинска, Краматорска, Новосибирска и многих других городов страны.

На заседаниях различных секций было прослушано около 80 научных докладов.

Советской технике принадлежит неоспоримый приоритет в разработке скоростных методов резания металлов. Советские ученые первые в мире сформулировали теоретические основы скоростного резания закаленных и труднообрабатываемых сталей. Стахановцы-новаторы довели скорость резания до 700—1000 метров в минуту. Интересно отметить, что за границей скоростное резание было испробовано лишь в 1942—1943 годах, то есть спустя почти 10 лет после первых работ советских машиностроителей в этой области.

* * *

В перерывах между совещаниями участники конференции спешили в залы Политехнического музея, где открылась большая выставка, демонстрирующая последние достижения скоростной обработки металлов, а также образцы новейших инструментов и приспособлений.

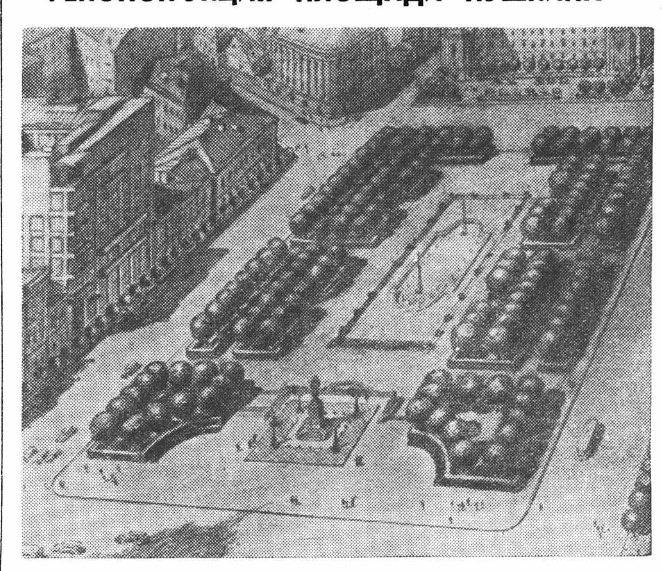
Оживленно у стенда Всесоюзного научно-исследовательского инструментального института. Здесь представлены образцы всех металлорежущих инструментов для скоростной обработки.

На стенде Автозавода имени Сталина показывается полный комплекс скоростных методов в самых различных областях технологии, включая литье, поковку, термообработку, сварку.

Быть может, наибольшим вниманием участников конференции пользовались установки по электроискровой обработке металлов. Этот способ впервые в мире разработан и применен лауреатами Сталинской премии Б. Р. и Н. И. Лазаренко. Электроискровым способом можно обрабатывать с одинаковой легкостью любые металлы независимо от их твердости. С помощью электроискровой установки металлическая деталь разрезается с такой точностью, что не требуется дальнейшая обработка. Благодаря открытию этого способа стало возможным изготовлять детали с мельчайшими отверстиями в 0,02 и 0,03 мм, что раньше было почти невозможно.

На выставке демонстрируется установка, позволяющая наносить электроискровым способом твердые сплавы на обычные режущие инструменты. Это увеличивает стойкость инструмента в несколько раз.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЛОЩАДИ ПУШКИНА

По решению Моссовета, площадь Пушкина полностью реконструируется. Авторы проекта реконструкции — архитекторы А. П. Заславский и М. А. Минкус.

Работы уже начались. На площади разбивается большой сквер. В центральной части его будет сооружен фонтан. Бассейн займет около 400 квадратных метров; его наружные стены будут облицованы розовым полированным гранитом.

На подходах к фонтану устраиваются гранитные площадки. Высокие постаменты с красивыми вазами, богато оформленные входы со стороны площади Пушкина — все это в сочетании с газонами, многолетними деревьями, цветниками и другими украшениями придаст новому скверу живописный вид.

Памятник Пушкину вместе с окружающими его четырьмя осветительными шарами будет перенесен на площадку головной части сквера.

Центральный вход в сквер будет со стороны улицы Горького. На небольшом расстоянии от него открывается поперечная шестиметровая аллея с боковыми входами на внутренний и внешний проезды площади.

Все работы по реконструкции площади Пушкина должны быть закончены к 32-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

ЗА МИР, СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ

К. ДАНИЛОВ

Недавно агентство Рейтер пыталось утверждать, что Атлантический пакт опирается якобы на многочисленных «сторонников», число которых достигает-де 250 миллионов человек.

Надо сказать, что это неумное хвастовство насчет мнимого превосходства агрессивного блока над лагерем мира было подхвачено только наиболее реакционными газетами вроде английской «Дейли мейл». Этот орган твердолобых консерваторов заявил, что «народы» западных стран «объединились и вооружаются» с тем, чтобы «разговаривать с Россией, опираясь на силу». Другие газеты воздержались от опубликования этого хвастливого утверждения, видимо, опасаясь навести своих читателей на более здравую мысль о том, что все здание агрессивного Атлантического пакта построено на зыбком фундаменте.

В самом деле, только заведомые фальсификаторы могут утверждать, что 250 миллионов человек, населяющих страны Атлантического пакта, поддерживают политику войны, проводимую их правительствами. Эта политика диктуется интересами американских промышленных и финансовых магнатов. Ее поддерживают только платные агенты монополий в правительствах, партиях, профсоюзах капиталистических стран и прославляют ее только литературные холопы из буржуазной печати.

Политика войны, нашедшая свое воплощение в Атлантическом пакте, выгодна лишь незначительной кучке монополистов, для которых война всегда являлась выгодной коммерцией, извлечением сверхбарышей, наживой на страданиях и разорении народов.

Даже американская реакционная печать не скрывает, что в разжигании военной истерии и гонке вооружений американские монополисты ищут средства отдалить наступление неизбежного экономического кризиса.

Американский экономист Роберт Хэйлброкер заявил недавно, что военные заказы правительства являются главной движущей пружиной американской промышленности. «Если бы наше правительство, — писал он в журнале «Харперс мэгэзин»,— вернулось к довоенному бюджету, мы очень скоро испытали бы самую ужасную депрессию за время нашего существования».

Под шум неистовых газетных криков об опасности, якобы угрожающей «западной цивилизации» со стороны Советского Союза, американские монополисты протягивают руки к рудам Канады и Бельгийского Конго, к меди Чили и Западной Африки, к хрому Турции и Филиппин, к марганцу Аргентины и Южно-Африканского Союза, к нефти Венецуэлы и Ближнего Востока. Военная истерия, искусно разыгрываемая продажной печатью, помогает магнатам Уолл-стрита овладевать новыми рынками, вытеснять своих конкурентов, скованных цепями «плана Маршалла».

Атлантический пакт, поддерживаемый европейскими лакеями американских монополистов, должен помочь последним захватить в свои руки и закабалить экономику Западной Европы. Еще летом прошлого года Гофман, главный администратор по осуществлению «плана Маршалла», признал, что американские промышленные и финансовые магнаты боятся вкладывать средства в экономику Западной Европы. Нет никаких гарантий, говорил он, не только на получение прибыли, но и даже на возвращение вложенного капитала. Гофман призывал связать западноевропейские страны круговой порукой агрессивного военного пакта. «Создание экономического и военного союза западноевропейских стран в Брюсселе,— подчеркивал он в том же заявлении, — уже является решительным шагом в этом направлении».

Атлантический пакт — дальнейшее развитие политики удушения демократических сил маршаллизированных стран Западной Европы. Острие пакта направлено не только против Советского Союза и стран народной демократии, но и против тех 250 миллионов, которых агентство Рейтер жульнически пыталось выдать за опору пакта. Народные массы западноевропейских стран понимают это и намерены бороться против этого пакта войны и реакции, пакта удушения их свободы и независимости.

Никакие фальшивые фразы о мире, которыми украшен фасад атлантического военного заговора империалистов, не в состоянии обмануть мировое демократическое общественное мнение. Во всех странах, на всех континентах земного шара нарастает движение миллионов простых людей против агрессивных империалистических пактов и союзов, в защиту мира. Могучий размах этого движения говорит о том, что голос Советского Союза, зовущий народы к отпору поджигателям новой войны, нашел глубочайший отклик у всего трудового и прогрессивного человечества.

Во Франции против пакта войны и реакции высказались миллионы членов профсоюзов, организации крестьян, сотни тысяч женщин, молодежь. Французский народ горячо поддерживает в этой борьбе за мир французскую коммунистическую партию, которая во время войны с гитлеровскими оккупантами шла во главе освободительной борьбы французских патриотов, показав себя лучшей защитницей национальных интересов страны. Французский народ идет за коммунистической партией, вопреки клевете, террору и провокациям американских агентов — Жюля Мока, Рамадье и других.

В Италии, которую реакционные правители толкают в хомут Атлантического пакта, этот пакт осужден большинством народа. Итальянские агенты Атлантического пакта послали против прокатившихся по всей стране стихийных народных демонстраций танки, броневики, пулеметы. Этим они показали уже сейчас, что несет этот пакт итальянскому народу. Но ни аресты, ни террор не сломили воли защитников мира. Помимо коммунистической и социалистической партий в Италии против Атлантического пакта выступила конфедерация профсоюзов, объединяющая более 6 миллионов рабочих, организации бывших партизан, женщин, молодежи, крестьян.

В Англии, где лейбористское правительство и заправилы тред-юнионов вынуждены были принять специальные меры, чтобы не позволить английскому народу выразить свое отношение к атлантическому военному сговору, многие профорганизации и культурные общества осудили пакт. Тяга английского народа к миру проявилась в тех демонстрациях работниц, рабочих, домохозяек, которыми они встречали приехавшую в Лондон делегацию советских женщин. «С вами в борьбе за мир!» — так гласил плакат, которым трудящиеся Бирмингама приветствовали делегаток советских женщин на вокзале.

В Бельгии, в Голландии, в Норвегии рабочие организации, прогрессивные объединения и группы заклеймили Атлантический пакт поджигателей войны.

В самих Соединенных Штатах Америки народ не поверил неуклюжим и фальшивым «объяснениям» государственного департамента. Не случайно реакционная американская печать, этот рупор кучки монополистов, с исступлением травила организаторов и участников Конгресса деятелей науки и культуры США в защиту мира. Особенно громкий вой продажные чернильные души подняли по поводу того, что в этом конгрессе принимают участие советские делегаты.

Тем временем во всех странах развернулось массовое движение за созыв Всемирного конгресса сторонников мира. Демократические организации и прогрессивные деятели всего мира подхватили призыв собрать этот конгресс в Париже 20 апреля. Их чувства хорошо выразил французский поэт-борец Луи Арагон в своем письме в английскую газету «Дейли Уоркер»: «Как человек и как писатель, я участвую в этом конгрессе для того, чтобы показать, что я не являюсь соучастником поджигателей войны... Для меня это вопрос чести, и не только личной чести. Это вопрос национальной гордости. Я не забыл, что немецкие интеллигенты молчали в то время, когда Гитлер поставил под угрозу мир и уничтожил его».

Предложение о созыве Всемирного конгресса сторонников мира поддержали многочисленные международные и национальные организации трудящихся, объединяющие сотни миллионов людей. В их числе Международный союз студентов, представляющий учащуюся молодежь 54 стран, Международная федерация бывших политических заключенных с ее 10 миллионами членов, Всемирная федерация молодежи, Международная организация журналистов. В Советском Союзе идея созыва Всемирного конгресса мира поддержана крупнейшими общественными, профсоюзными, научными и культурными организациями. В странах народной демократии много миллионов людей высказались за созыв конгресса. Движение за созыв конгресса охватило широкие демократические слои Франции, Италии, Англии, Германии, Бельгии, Китая, Кореи.

Подлинные сторонники мира не намерены больше молчать, видя, как военные и дипломатические наемники империалистических монополий готовят новую войну. Те 250 миллионов трудящихся европейского запада, которых поджигатели войны хотят натравить на Советский Союз и страны народной демократии, идут вместе с великой армией сторонников мира. Они понимают, что военный заговор американо-английских империалистов направлен также и против них, против их свободы, против их будущего.

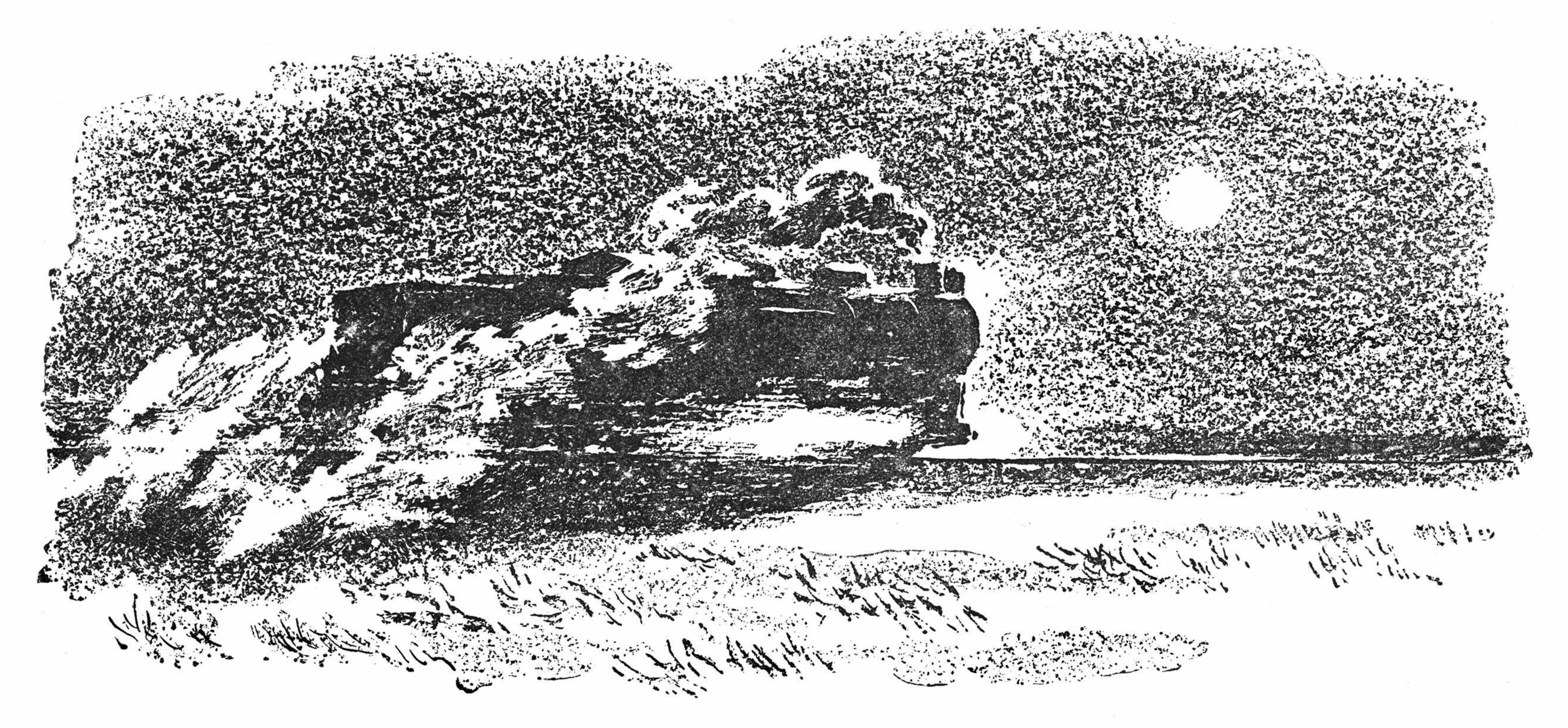
Сторонники мира достаточно сильны, чтобы обуздать поджигателей войны. Сплотив свои ряды, борцы за мир сумеют привести к провалу планы империалистов и сохранить мир.

ВЫСТАВКА «СТРАНА СОВЕТОВ» В МЕКСИКЕ

В январе 1949 года в г. Мексико была показана выставка «Страна Советов», организованная Мексикано-русским институтом культурного обмена. Ее просмотрело 12 тысяч жителей мексиканской столицы.

В своей речи на открытии выставки видный мексиканский общественный деятель, профессор Луис Чавес Ороско, заявил:

— Из всех событий современной эпохи ни одно не имеет такого значения, такой важности и по своему существу и по своему влиянию на судьбы человечества, как Октябрьская социалистическая революция и существование Союза Советских Социалистических Республик. Советская жизнь подчиняется плану, составленному руководителями советского государства, одобренному и осуществленному всем народом. Сколь широкими ни были прошлые и настоящие планы, они всегда по всем пунктам перевыполнялись. Это показывает не только реализм руководителей, составляющих планы, но и энтузиазм, с которым народ осуществляет их на практике.

Неизвестный Халюзин

Рассказ

Борис БРОДСКИЙ

Рисунки О. Верейского

Так вот он какой, Аягуз!.. Только теперь, когда лег первый снег, Катя разглядела его как следует. За ночь мокрый и еще слабый снег облепил все, что было открыто небу, с утра он стал жухнуть, а к полудню от ветра, от людей, от телег и арб, от соседства жарких паровозов повсюду на нем появились черные колдобины, дорожки и колеи. И тогда снова пошел косой стремительный снег.

Когда Катю вызвали к начальнику отделения и она, прихватив подбородком концы платка, торопливо надевала пальто, перед ней с крыльца медпункта развернулась вся эта тусклая утомительная картина. Да, вот он, значит, какой Аягуз! Кате снова нехватило дыхания, точно так же, как неделю назад, когда она впервые сошла с поезда на этой далекой станции. Теперь она будет тут жить. Другие живут, и дядя Никита со всей семьей живет здесь, наверно, лет двадцать, и Катя же не какая-нибудь особенная.

Спустившись с крыльца, она пошла по одной из черных дорожек мимо депо, перешагивая через рельсы, срезая путь. На фронте было куда хуже,— там Катя была санитарным инструктором,— но на фронте все было крайне важным и неожиданным. И там все было временно. А здесь все не так-то уж важно, здесь край света, и никому, возможно, дела нет до того, что здесь творится, лишь бы поезда ходили. Здесь люди живут и живут — год, два, десять — и не замечают, что жизнь проходит. Где же взять храбрость для этого? А может быть, это сделается незаметно, само собой?

Попрежнему дул южный ветер, летели большие быстрые хлопья. Они не кружились, как лесные снежинки катиного детства, они графили в косую линейку далекие стандартные дома железнодорожного поселка, черные квадраты маслянистой гальки на путях, красную штукатурку паровозного депо.

Депо царило над Аягузом, вокруг него шла вся жизнь поселка; все разговоры с удивительным упорством возвращались к нему. Депо стояло посреди широкого разлива рельсов, в центре черной, бесплодной пустыни, пахнущей мазутом и железом. Дорожка вела прямо к нему, и Кате показалось, что большое одинокое здание смотрит на нее упрямо и самодовольно, как будто говоря: да, вот мы тут такие чумазые... а тебе-то что?

Двое рабочих с налетом сажи вокруг носа и глаз отступили с дорожки в снег, пропуская Катю.

Паровозы стояли тут и там на путях перед зияющими черными воротами депо; один убегал к станции, торопливо выбрасывая ватные комочки дыма, набирая ход; еще два стояли нос к носу и пыхтели вразнобой.

Катя пересекла двор с одичалыми мокрыми деревьями. Их было шесть, она сосчитала их еще в первый день. Деревья беззвучно трясли ветками. Окна депо с углов были мелко забрызганы розовой краской. Должно быть, их не мыли с последнего ремонта: тогда была война, а потом привыкли и забыли.

За стеной депо ветер ударил с новой силой, и Катя туже натянула на щеки свой серый шерстяной платок. Плохие здесь места. Говорят, где-то за поселком насажен парк культуры и отдыха. Катя вдруг вспомнила лес под Ленинградом. Может быть, его больше и нет, того леса. В Токсове на песчаных холмах молча стояли сосны с высокими рыжими стволами, рыжий воздух медленно плыл между ними, песок был устлан рыжей хвоей. И еще один лес: Луга, пионерский лагерь, ночной костер, сизый мох, развешанный по стволу дремучей ели. И далекие паровозные гудки, заблудившиеся в ночном лесу между влажными стволами, гудки, чьим сиплым голосом окликали ее неведомые, далекие края.

Удивительная острота воспоминания поразила Катю — между Лугой и Аягузом лежали годы войны. После смерти близких Катя осталась совсем одна. Получив письмо от Никиты Ивановича, Катя вдруг собралась к нему на Турксиб, в Аягуз.

Все-таки она думала, что эти места выглядят как-то иначе. Она даже не знает, чего ждала: сибирской тайги или шумной пестроты Средней Азии. Поезд шел по голым местам, поросшим колючим кустарником, ночью из-за плоской земли вставала громадная белая луна, холод висел над степью. Поезд хрипел и заливался гудками, стараясь убежать из середины степи, но степь мертво и неподвижно голубела под луной, зря старался машинист: поезд все оставался в центре.

Катя сошла в Аягузе. Говорят, на юге Турксиб проходит среди фруктовых садов, тополей и снежных гор. Там все растет с невиданной силой: тополя, яблони, даже лягушки, — а здесь и деревьев почти нет: шесть штук во дворе депо да неведомый парк культуры.

В отделении пути было тепло и шумно: стучали счеты и пишущая машинка, порхали бумаги, пожилой железнодорожник, стоя у одного из столов и тыча пальцем, обиженно гудел басом, и все перекрывал пронзительный голос молодой девицы, кричавшей в телефонную трубку:

— Межгород, Межгород! Жуз-Агач я прошу! Жуз-Агач!.. — и после паузы снова, еще пронзительнее: — Межгород, Межгород!

Катю ждали. Секретарша торопливо сказала:

— С медпункта? Сестра? Идите скорее, начальник ждет,— она быстро оглядела Катю.

Ни одна деталь катиной внешности и одежды не могла укрыться от нее оценивающего взгляда. Катя и спиной почувствовала этот взгляд, бегущий по ней от затылка до бот. Входя в кабинет, она оглянулась. Секретарша торопливо опустила глаза.

Начальник был молод, лет тридцати, не больше. Белые, будто подпаленные волосы по-школьному кучерявились у него над лбом, брови были одного цвета с кожей лица.

— Я все понял! — сердито закричал он, пригнувшись за столом и не сводя глаз с Кати.— Все я понял! Выговор захотели! Получите!

Катя замерла у дверей, но тут со стола раздался чей-то голос:

— Товарищ начальник отделения, разрешите...

— Доложите об исполнении приказания. Прекращаю разговор,— начальник щелкнул ключом и оттолкнул в сторону трубку на складном кронштейне.

Он говорил по селектору. Поняв, Катя улыбнулась и шагнула вперед.

— Сестра, да? — встав, начальник протянул руку.— Недавно у нас?

— Четвертый день,— сказала Катя.

— Железную дорогу знаете? Ну, ничего, стерпится — слюбится. Вот вам для начала ответственное поручение. Возьмете камфару...— он справился с блокнотом.— Так — камфару, стрихнин, стерилизатор; шприц у него есть. И поедете вы...— начальник оборвал, задумавшись; подняв голову, он неожиданно робко сказал: — Предметы-то уж очень... крайние. Что, плохо дело?

Катя молчала, вопрос был трудный.

— Конец, а?

— Да нет же! — сказала Катя.— Совсем не значит, что конец.

— Там сейчас доктор Левин из Чарской. Хороший доктор. Это он по селектору передал, чтобы добавили ему этих самых стрихнинов; и главное, сестру для больного. Видите, как дело повернулось,— начальник испытующе поглядел на Катю.— Ну, так. Через сорок минут пойдет семьдесят первый, поедете на нем до Жармы. Оттуда до Балакты — на паровозе. Диспетчер знает. Годозой билет возьмете у секретаря. Постойте, я сам запишу адрес,— он протянул Кате листок из блокнота.

— «Станция Балакты-Куль,— прочитала вслух Катя.— Халютин». Это и есть больной?

— Халюзин,— строго поправил начальник.— Вы что же, не слыхали такой фамилии?

Катя не слыхала.

— Эту фамилию весь Союз знает, знаменитый старик. Ну ладно, вы нам его на ноги поставьте, тогда разберемся.

* * *

Катя стояла в коридоре мягкого вагона, вглядываясь в окно. В степи была уже ночь. Здесь было тепло. Катя распустила платок, потом откинула его с головы на плечи. За окном в оба конца отражались сдвоенные плафоны, тускло светился тот же коридор. Внизу вздрагивали и раскачивались увеличенные квадраты окон. По тому, как они все разом проваливались вниз и тут же снова всплывали, можно было судить о быстроте хода. Вагон качало от этого хода, раскачивался чемоданчик у катиных ног. По коридору прошел полковник. Видно, он скучал: заглядывал в чужие купе, стоял в дверях. Должно быть, все тут перезнакомились за дорогу. Полковник был по-домашнему — в расстегнутом кителе и войлочных туфлях. Он внимательно взглянул на Катю, помедлил, потом исчез в купе. Загородившись ладонью от света в коридоре, Катя смогла разглядеть тусклую полосу покрытой снегом степи. Закрыв глаза, она вдруг увидела себя со стороны, как ее видел полковник: молодая женщина в коричневом городском пальто, ботах и платке, русоволосая; живет где-то на Турксибе, на станции со странным названием Аягуз... Вошла на три — четыре перегона, здешняя; а жить-то тут негде: степь.

— Товарищ сестра! — негромко окликнул Катю кондуктор, появившись в дверях крайнего купе. — Что же нас обижаете? Отдохнули бы все-таки, впереди дорога трудная...

Он уже не впервые приглашает Катю, но Катя отказывается. Здесь, в коридоре, она представляет себя едущей далеко, в счастливый край, к кому-то очень любимому. В служебном купе от этого ничего не останется.

Кто же этот Халюзин, к которому едет Катя? Чем знаменит он? И вдруг, вся похолодев, она представила себе ту последнюю, лихорадочную борьбу за жизнь, которую ведет сейчас неизвестный человек на далекой станции Балакты-Куль. Катя двумя руками подхватила свой чемодан. Не все ли равно, кто он такой? Сколько же ей еще до него ехать? Опять Катя увидела изрытое минами поле, вздрагивающее от разрывов, и себя в этой чадной темноте, ползущей на стон, то возникающий в минуту затишья, то исчезающий.

— Здесь я,— торопливо шепчет про себя Катя,— я здесь уже, иду, иду!..— и, вскочив, она пробегает несколько шагов и снова падает, услышав свист и новый разрыв, чтобы ползти дальше на затихающий голос.

Изменился ритм колес, и по коридору прошел проводник с зажженным фонарем.

— Жарма! — внушительно сказал он. — Жарма-задарма! — и улыбнулся Кате доброй стариковской улыбкой.

Поправив фонарь, он шагнул в тамбур. Прижимая к себе чемодан, Катя пошла за ним.

Семьдесят первый тронулся, едва Катя ступила на землю; через минуту в обратном направлении пошел товарный состав из теплушек и платформ с лесом. И сейчас же на опустевшие пути навалилась глухая ночь с ветром и тусклыми степными просторами. Белые струйки поземки пересекали пути, набиваясь под рельсы: здесь была уже зима.

Катя шла за дежурным по станции. Семьдесят первый был далеко и уходил все дальше. Завтра пассажиры увидят Семипалатинск, потом — Новосибирск: там магистраль, там поворот к Уралу, к Москве...

Несмотря на ночной час, в комнате дежурного были люди: свободные от дежурства железнодорожники собирались ехать на базар в Аягуз, другие просто зашли с путей погреться.

Катя уселась на край скамьи, положив чемодан на колени. Дежурный что-то писал за своим столом, его широкое лицо освещалось низко свисающей лампой. За ним в полутьме мерцали громоздкие телефоны, похожие на кофейные мельницы, наушники, какие-то медные и никелевые приспособления. В углу тихо, как сверчок, стрекотал телеграфный аппарат, принимавший чью-то ленивую ночную передачу.

Вполголоса возобновился разговор, видимо, прерванный катиным приходом. Речь шла о сравнительных трудностях и преимуществах работы путейцев и движенцев. Катя еще не научилась разбираться в сложной системе железнодорожных служб, ее мысли вернулись к неизвестному Халюзину, который ждет ее где-то впереди, на ослепшем от ветра и снега полустанке.

Хлопнула дверь, и свежий украинский голос спросил:

— Имантаев, а Имантаев, что, была уже повестка семьдесят второму?

Катя взглянула. В дверях стояла молодая женщина с круглыми румяными от ветра щеками и темными изумленными глазами. Всплеснув руками, она восторженно воскликнула:

— А я-то, скаженна, бегом, бегом! — и, рассмеявшись, пояснила всем присутствующим: — Тетю Ганю я встречаю.

Блестящие черные глаза остановились было на Кате и тут же вернулись к дежурному.

— Скоро придет,— сказал дежурный,— садись, Наташа,— он кивнул на железнодорожников. — Их проводишь, свою тетя встретишь, все сразу.

Наташа ногой подвинула к столу табуретку и опустилась на нее. Она снова мельком взглянула на Катю.

— К нам хорошо ехать,— сказала она.— А вот в Чарскую, Матвеич, ну это ж прямо горе!..— она схватила за рукав старого железнодорожника, и тот, раздвинув мохнатые усы, покосился на нее.

Катя подумала, что Наташа, наверно, тоже по-женски любопытствует на ее, катин, счет, но это ей не было неприятно. Все в дежурке как будто вдруг проснулись, даже парень, до этого дремавший на корточках у стены, поднял голову и, заломив на затылок старую буденновку, уставился на Наташу круглыми глазами.

Наташа громко рассказывала, как она ездила в Чарскую к родне. Перебивая себя, она вдруг взрывалась хохотом, трясла головой, махала руками. Чтобы не возвращаться со станции три километра, она спрыгнула с поезда на ходу, прыгнула, где не надо, и ее водили в комендатуру, выясняли, что за личность такая. Она рассказывала в лицах, вскакивая, изображала стрелка с винтовкой наперевес, который ее конвоировал, и свой испуг, и Катя вдруг представила себе большую наташину семью, где все: и братья, и сестры, и отец с матерью, и бабушка,— наверно, такие же шумные и смешливые, где за столом, наверно, всегда кого-нибудь дразнят и все очень любят друг друга.

Парень, сидевший на корточках, затягивался цыгаркой, колени его в ватных штанах были подняты до подбородка. Он очень внимательно слушал Наташу, поддакивал, цокал языком, изображая то восхищение, то возмущение. У него была забавная, мальчишеская физиономия, он то и дело заламывал на затылок свою буденновку со стоячими ушами, но она, упираясь в стенку, лезла снова ему на глаза.

А Наташа уже перебила себя. Вскочив, она обхватила за талию толстую пожилую табельщицу; ее, видно, одолевало что-то, чего она не могла рассказать при мужчинах, и она зашепталась с ней в углу, фыркая и давясь от смеха.

Но вот она угомонилась и, чинно усевшись на табуретку, вздохнула и спросила Катю:

— А вы что же, из Аягуза? Далеко едете?

«Ах ты, любопытная!» — подумала Катя.

— Я в Балакты-Куль,— сказала она.

Дежурный поднял голову.

— К Халюзину Сергею Петровичу. Медицинская сестра.

Наташа всплеснула руками, вся подавшись вперед. И все посмотрели на Катю.

— Ой же, к Сергею Петровичу! — певуче сказала Наташа и стиснула руки, не сводя с Кати своих изумленных глаз. — Худо же ему, говорят!..

— Вытянет Петрович,— строго сказал старый железнодорожник. — И доктор Левин при нем.

— Миленькая, ну что ж ты тут сидишь? — жалобно сказала Наташа и оглянулась на дежурного. — Вот сидит и ждет... Где ж паровоз-то, Имантаев?

— Где ж паровоз-то? — сиплым тенором подхватил парень у стенки и впился взглядом в дежурного.

— Сейчас будет, диспетчер приказал: возврат пойдет паровоз,— сказал дежурный, и парень удовлетворенно закивал головой.

— Правда, плох он, Петрович-то... — толстая табельщица жалостно вздохнула. — Так и не съездил в Москву.

Вечер в Донбассе

Иван БАУКОВ

Пахнет степь чебрецом и мятой,
Над копром голубиный вечер
Расплескался таким закатом,
Что сравнить его даже не с чем.

В клубе праздничные плакаты,
Словно пламя, ласкают лица.
Вечно радостные девчата
Расшумелись, как в роще птицы.

Свет ложится дымком лиловым,
Степь окутывая дремотой.
Бригадиры в костюмах новых
Собрались у доски почета.

Спать бы им после трудной лавы —
Кто уложит их в этот вечер:
Труд, который рождает славу,
Человеку не давит плечи!

Усатый железнодорожник пояснил Кате:

— У него там сын — полковник. В академии. Все в гости звал.

— Сынок, — подтвердила табельщица. — Уж как звалто! Да вот так и не повстречалися!..

— Ну, ты не каркай всетаки! — с досадой сказал старик и, обернувшись, сердито поглядел на толстуху.— Вот бабы-плакальщицы!.. Видишь: сестра с лекарством едет.

— И отпуск не брал, принципиальный какой! Уж как начальник-то отделения: «Поезжай, Петрович, поезжай!» А он: «Нет и нет! Мне,— говорит,— там хуже будет, в такой дали, я,— говорит,— без участка изведусь». И верно, что далеко.

— Начальник его сильно уважает,— вставил дежурный,— как селекторное совещание,— слово товарищу Халюзину.

— Первый человек на дороге,— сказал старик; помолчав, он добавил: — Халюзинские километры!

Катя вздрогнула: над столом дежурного раздался резкий звонок. Когда он умолк, у Кати еще звенело в ушах.

— Я дежурный станции Жарма Имантаев,— залпом, как одно слово, произнес дежурный и посмотрел на Катю.

Наташа просияла:

— Так то ж паровоз идет, честное слово!

Все зашевелились. Паренек, сидевший у стенки, поднялся и неожиданно оказался здоровенным мужиком. Табельщица, наклонившись к Кате, заботливо пощупала ее пальто:

— Ты платок, однако, затяни потуже, а то на паровозе враз прохватит.

— Не, это СО, товарный, в ем тепло,— сказал сиплый парень.

Наташа вскочила:

— Зараз будет, я провожать пойду.

Катя замотала концы платка вокруг шеи, подняла чемодан. У дверей она оглянулась. Все смотрели на нее. Смутившись, Катя кивнула, сказала тихо:

— До свиданья...

Над входом в дежурку прямо по стене бежали красные буквы. Фонарь, качаясь, выхватывал из темноты слово за словом. «Работать похалюзински»,— с тревожной гордостью прочла Катя.

Наташа обняла ее за плечи, они пошли вдоль путей. Наташа рассказывала о себе. Она с отцом и матерью эвакуировалась сюда во время войны, отец так и остался на Турксибе, работает бригадиром в Чарской, в депо. А Наташа вдруг вышла замуж за дорожного мастера. Рассказывая, она изумленно развела руками:

— Вин старый вже, якийсь чудовый, ей-богу, а такий хороший, честное слово!

Далеко в дымной степи появился тусклый свет, как от низкой звезды. Свет стал разгораться и вдруг превратился в три паровозных фонаря.

— Приезжайте в выходной! — сказала Наташа.— Я ждать буду, встречать выйду, правда... Приедете, Катичку?

Как всегда от приближения поезда, у Кати сильно заколотилось сердце.

— Приеду, Наташа. И вы ко мне приезжайте в Аягуз, хорошо?

— Ой, лучше ж не зовите! — серьезно сказала Наташа.— Я в гостях всегда пересижваю.

Из дежурки вышел Имантаев с жезлом на проволочном кольце, пошел, перешагивая через рельсы. За ним в освещенных дверях показались остальные ожидающие.

Паровоз подошел, неприметно теряя скорость. Такой он был жаркий, большой и сильный, что его одного хватило, чтобы заселить пустынные пути, придать осмысленность станционному пейзажу от качающегося слепящего фонаря у маленького станционного дома до слабого зеленого огня семафора у выхода.

— Гей, хлопчики! — крикнула Наташа, подняв голову к окну паровозной будки; на верхней ступеньке уже стоял помощник с жезлом, в окне появился машинист с паклей в руках.

Наташа обрадовалась.— Ой, то ж Митечка едет!

— Почтеньице,— басом сказал машинист.

— Митечка, серденько, возьми сестричку медицинскую, ее до Петровича!

— Знаем,— сказал машинист и оглянулся на помощника, который уже успел подхватить сперва катин чемодан, а потом и ее самое.

— Ты же знаешь, Митечка,— озабоченно восклицала Наташа,— он, Петрович, дуже хворый, так ты ж!..

— Известно,— сказал машинист и козырнул Наташе.

В то же время другой рукой он потянул поводок свистка. Наташа еще что-то кричала Кате, но слов уже не было слышно: все покрыл железный голос паровоза.

Паровоз гремел и раскачивался, его стремительность как будто ничего общего не имела с неторопливой, хозяйственной деятельностью бригады. Помощник тщательно протирал ветошкой приборы, кочегар подгребал уголь, потом взялся за веник и осторожно, стараясь не пылить, подмел пол. Машинист закурил и, усевшись напротив Кати, подмигнул ей: «Поедем с ветерком». И верно, паровоз все набирал и набирал скорость, как бы по собственному желанию, люди только подкармливали его время от времени, как доброе и послушное животное. Кочегар распахивал дверцу топки, помощник ловко швырял туда лопату угля, уголь летел сквозь огонь кружевным черным веером, дверца захлопывалась.

Со своей скамеечки у окна Катя следила за быстрым чередованием света и тени в будке, за мгновенными превращениями, которые испытывала фигура молодого рабочего, то опаляемая быстрым оранжевым жаром, то исчезающая в темноте. Задняя стенка будки ходила ходуном, на ней раскачивались и позванивали инструменты.

«Что ж это? — думала Катя. — Почему мне так хорошо?»

Чужая и пустынная до этого дорога ожила в катиных глазах. В мелькании света и тени Катя увидела вдруг трудный и счастливый завтрашний день, почувствовала неслышное приближение будущего, идущего своими, никому не известными путями. И хотя теперь счастье само отыскивало ее, Кате уже казалось, что это она, Катя, мудро и сознательно выбрала его для себя.

Зеленой звездой летел навстречу огонь семафора. Взяв жезл, кочегар шагнул к дверям.

— Зеленая улица,— весело сказал помощник.— Диспетчер старается, опять на проход идем, — он ободряюще кивнул Кате: — Чихнуть не успеете, доставим вас к Халюзину!

— Вы знаете Сергея Петровича? — спросила Катя.

Ответил молчаливый машинист:

— Кто ж Халюзина не знает?

— Его все знают,— сказал помощник.

— Почему? — спросила Катя.— Что он сделал?

— Знаменитый человек, Герой труда. Трудом прославился,— помощник оглянулся на машиниста.

Машинист снял шапку и, вынув из нее узкую полоску бумаги, издали показал Кате:

— Вот это вы видите предупреждение. Где пути неисправные, там я скорость снижаю,— он аккуратно сложил бумажку, спрятал в подкладку и кадел шапку.— Вот в таких документах про халюзинский околоток нам не пишут. У Халюзина мы ходом не стесняемся.

— За такой участок стоило орден дать,— сказал помощник.

— И дали,— сказал машинист.

— Я ж про то и говорю, что стоило. Что они есть, эти Балакты? Так, вроде разъезд, и все. Однако теперь Балакты всем известные через халюзинские километры.

«Вот, значит, какой это Халюзин!» Катя тревожно взглянула за окно:

— Скоро мы приедем?

— А сейчас они и будут, Балакты.

Тяжелый паровозный котел уходил вперед, решетка ограждения круто сокращалась в перспективе, в белом кольце прожектора стремительно неслось под колеса полотно. Все это то и дело заволакивалось мчащимся паром.

Катя еще не видела огня семафора, но машинист уже дал долгий вибрирующий гудок.

— Вы совсем паровоз не останавливайте, не надо,— сказала Катя, волнуясь.— Вы только уменьшите ход, я спрыгну.

— Прыгать тоже привычка нужна,— сказал машинист.— Мы вас должны в целости сдать.

Катя так и не увидела станции, пока паровоз не остановился. Должно быть, станция была в маленьком здании, смутно черневшем в предрассветной мгле. Катя спрыгнула на снег и приняла свой чемоданчик. Повернувшись, она почти столкнулась с кем-то, неподвижно стоявшим возле путей. Человек был в высокой каракулевой шапке, лицо его было скрыто поднятым воротником пальто.

— Сестра? — спросил он.— Из Аягуза?

— Да, — сказала Катя. — Здравствуйте, доктор. Куда нам?

Доктор помолчал, глядя куда-то поверх катиной головы. У него было усталое лицо невыспавшегося пожилого человека.

— Жалко вас, трудно сюда добираться,— сказал он.— Придется ехать назад. Умер наш больной.

Катя видела много смертей, но эта смерть незнакомого человека на тихой маленькой станции показалась ей самой непостижимой, жестокой и непростительной. Она оглянулась. Машинист смотрел на нее из окна.

— Садись, что ли, сестричка,— ласково сказал он.— Доедем до Чарской, оттуда вернешься пассажирским...

Катя молча покачала головой. Паровоз тронулся. Доктор Левин все не шевелился.

— Сейчас пойдет четный товарный,— сказал он.— Поедем с вами на тормозной площадке.

Все вокруг как бы остановилось с разгона. Задохнувшись в давящей тишине, Катя всматривалась в бесформенную темноту за путями. Там светилось желтым чайным светом одно-единственное окно. Катя спросила чужим голосом:

— Где он? Там?

Доктор кивнул, удивленно глядя на нее.

— Я пойду туда, к нему.

Доктор, нагнувшись, заглянул ей в лицо:

— Пойдемте, я провожу вас. Мне сказали, что... Разве вы его знали?

Катя не пыталась понять, что происходит с ней. Тут было щемящее чувство утраты и благодарность к неизвестному человеку за его прекрасную сильную жизнь, отсвет которой сопровождал Катю всю дорогу. Кате было трудно говорить. Должно быть, она сильно устала.

— Да,— сказала Катя.— Я знала его.

Из польских поэтов

ПЕСНЯ ПОЛЬСКИХ РАБОЧИХ

Владислав БРОНЕВСКИЙ

Средь фабрик и заводов
Та песня родилась.
Нас долго мучил голод,
Годами кровь лилась.

Сегодня нас мильоны,
Мы строим общий дом,
Мы красные знамена
Мечты своей несем.

Мы сметаем порядки
Государства господ —
Это в классовой схватке
Побеждает народ!

Огни социализма
Рассеивают мрак,
На зов родной Отчизны
В бою равняем шаг.

Сегодня Польша встала
В обличье трудовом —
Насилье капитала
С родной земли сотрем!

Мы сметаем порядки
Государства господ —
Это в классовой схватке
Побеждает народ!

Раздавим сапогами
Фашистский черный сброд!
Страна Советов с нами,
Как добрый друг, живет.

И с городом воскреснут
Руины деревень.
Мы первомайской песней
Встречаем новый день.

Мы сметаем порядки
Государства господ —
Это в классовой схватке
Побеждает народ!

ПЕСЕНКА О ПОРТОВЫХ КРАНАХ

Витольд ВИРПША

Блок скрежещет от натуги,
Острый свист сирены взмыл,
Глыбами силезский уголь
Кран клещами захватил.

Углекоп на дальнем Юге
В шахте, не жалея сил,
Драгоценный этот уголь
В схватке с недрами добыл.

И на Севере далеком
Машинист на вахту встал.
— Убыстряйте темп и сроки!—
Мощным кранам приказал.

Эшелон за эшелоном
Прибывали в дымный порт—
Высылаем солнц мильоны
Греть и Брест и Гельсингфорс!

Между Севером и Югом
Протянулась дружбы нить...
Надо быть в работе другом,
Труд с трудом соединить!

ПЕСНЯ О СВЕТЛОМ ДОМЕ

Юлиан ТУВИМ

Воздвигали Светлый Дом,
Стоэтажный Светлый Дом,
В том чудесном доме своды
Блещут мрамором веселым.
Там по лестницам под тучи
Подняли громоотводы,
Чтоб, сверкая, бил в них гром.
Выше глав златых костела
Воздвигали Светлый Дом.
Гулко бил о камни лом...
Видели мастеровые,
Молний змеи золотые,
Кровли, башни с куполами —
Все, о чем мечтали сами,
Стоэтажный строя дом.
Дом чудесный воздвигали,
Вышло солнце к ним из дали,
Стали розоветь панели,
И рабочие запели:
«Воздвигаем Светлый Дом,
Стоэтажный Светлый Дом,
Стоэтажный, пусть отважно
Он встречает в небе гром...»
Был там юноша-строитель
(Ярче неба блеск очей!),
Кончив сорок этажей,
Пел тот юноша-строитель:
«Как поднимется бесстрашно
Стоэтажный Светлый Дом,
Думать буду о другом:
Пойду выше, пойду, зная —
Солнцем высь горит сквозная,
Больше сделать сердце радо—
Этажей сто тысяч надо!»

ГРЕЧЕСКОМУ ПОВСТАНЦУ

Марк Адам ЯВОРСКИЙ

Я пожимаю ладонь человека труда,
Она не остыла еще от горячей гранаты.
Я вместе с тобою в краю, где вода
Смешана с кровью друга и брата.

Неукротимые пушки рычат,
Понятна мне речь твоего боевого народа!
Отчизна Гомера!.. В глубоком овраге лежат
Шестнадцать товарищей, павших вчера за свободу.

Я знаю: Европа в тяжелой борьбе не умрет,
Я знаю: победа ждет вольнолюбивого сына!..
И Польша ковригу пшеничного хлеба берет
И надвое делит... Товарищ! Возьми половину!

ПОСЛАНИЕ ПАБЛО НЕРУДЕ

Леон ПАСТЕРНАК

Слова поэтов через границы
доносит ветер,

и с динамитом могут сравниться
посланья эти!

Костры на Площади Оперы
снова
жгут изуверы,

но, не обуглясь, взмывает слово
за Кордильеры.

Вернется песня—не вечны беды,
изгнанья раны!

Она заблещет звездой победы
на страх тиранам.

И в день расплаты расправят
люди
сурово плечи.

Очаг войны и разбоя судят
поэта речи.

Я — польский поэт — с тобой
навеки,
брат по оружью:

ты славишь вольного человека,
народов дружбу.

МИР И СВОБОДА!

Станислав ВЫГОДСКИЙ

Зовет Вашингтон к разрушительным войнам.
О, крик этот слышали с болью не раз мы!
О, день наш упрямый, рабочий и знойный,
Из камня, железа и энтузиазма!

И выстрел в Тольятти раздался, поверьте,
Как выстрел в народы, свободные ныне...
Из мертвых пытается встать Муссолини
В городе Смерти.

Не встанет! Не пустим! Мир и свобода,
Как песни, клокочут в польской турбине.
Так будет вовеки отныне —
От тысяча девятьсот сорок восьмого,
От тысяча девятьсот сорок восьмого
Рабочего года!

Стихи В. Броневского, В. Вирпши, М. Яворского и С. Выгодского перевел **Михаил Светлов**, стихи Ю. Тувима и Л. Пастернака перевел **Анатолий Кудрейко**.

Статуя Н. Г. Чернышевского

В 1880 году в Москве воздвигнут памятник А. С. Пушкину работы скульптора Опекушина. Прошло около 70 лет. И в нынешнем году, когда отмечается 150-летие со дня рождения Пушкина, мы, думая о любимом поэте, вспоминаем его образ, созданный Опекушиным. Сила этого творения в том, что в нем ваятель отразил народное представление о поэте.

Точно такую же славную судьбу можно предсказать статуе Николая Гавриловича Чернышевского работы молодого саратовского ваятеля А. П. Кибальникова. Нет сомнений, что, как и опекушинский Пушкин, Чернышевский Кибальникова войдет в жизнь советского народа, ибо ваятель пластическими средствами выразил народную любовь к великому русскому революционеру-демократу. Именно таким мы представляем себе молодого Чернышевского — целеустремленным, обаятельным, проникновенным...

Скульптор А. Кибальников.

Александр Павлович Кибальников родился в 1912 году в селе Орехове, Даниловского района, нынешней Сталинградской области, в семье крестьянина-бедняка. С детства он начал рисовать и, по словам самого ваятеля, «в десятилетнем возрасте уже не мыслил себя в жизни иным, как художником».

Учился Кибальников на живописном факультете Саратовского художественного училища и только в 1937 году, будучи в армии, впервые начал заниматься скульптурой.

В 1940 году Кибальников участвовал во всесоюзном конкурсе проектов памятников Чернышевскому для Саратова и был удостоен премии.

В течение 8 лет Кибальников продолжал работать над статуей. Он закончил ее в 1948 году.

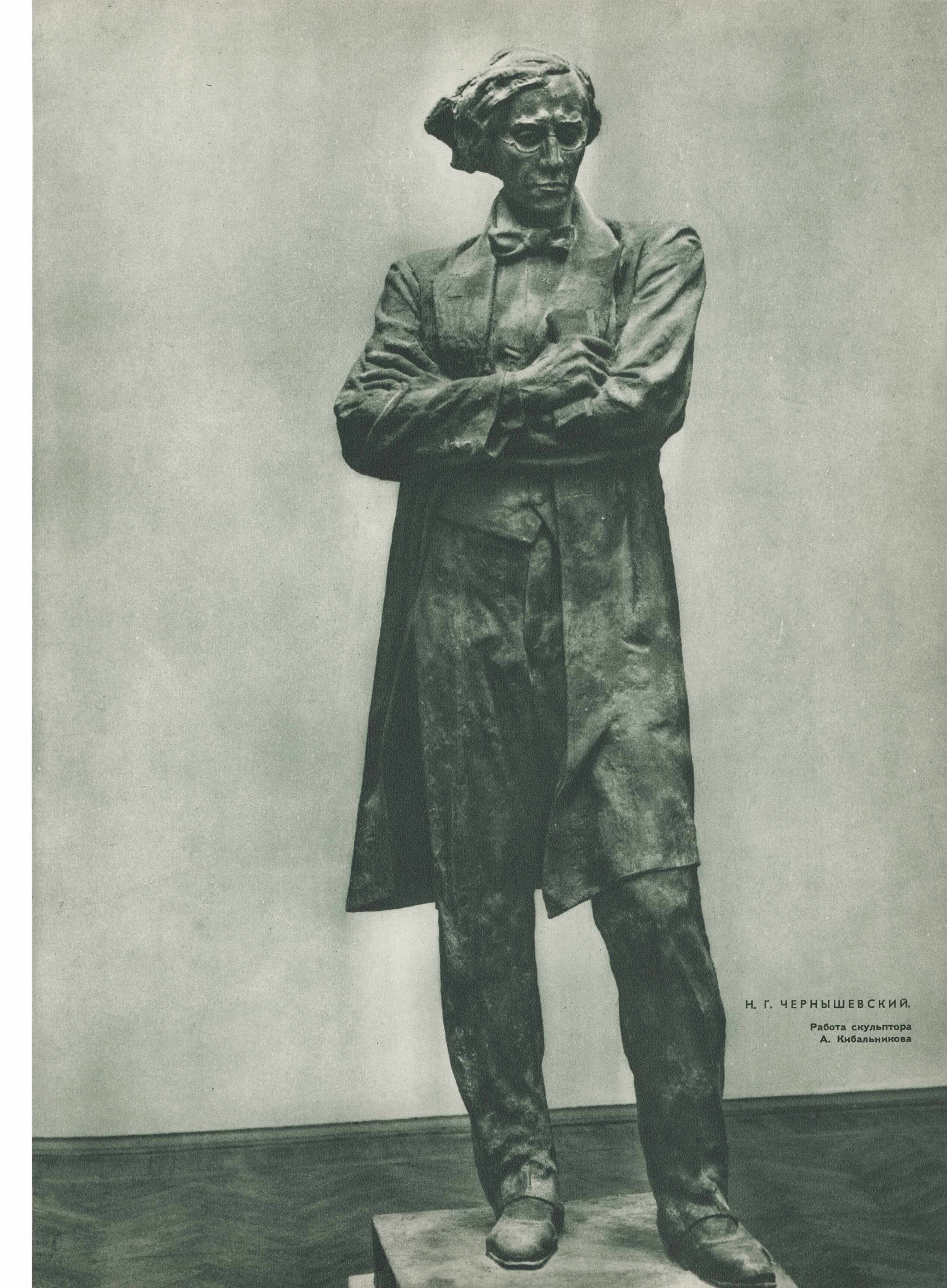
Перед нами молодой Чернышевский эпохи «Современника», скромный, полный благородства, твердой убежденности в правоте своих идей.

И хотя Чернышевский стоит в спокойной позе, автор мастерски выражает сдержанную динамику, стремление к действенности.

Когда смотришь на одухотворенный патриотический образ, созданный Кибальниковым, вспоминаются слова самого Чернышевского:

«Мы настолько сильны, что ни с запада, ни с юга или востока не может нахлынуть на Россию орда, которая подавила бы нас... Нам впереди на много столетий обеспечена счастливая доля... Устраивать свою жизнь все получше и получше».

Произведение А. Кибальникова — достойный вклад молодого ваятеля в советское скульптурное искусство.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

Работа скульптора
А. Кибальникова

Замечательны традиции старейшего на юге металлургического завода имени Петровского. До революции на нем работали большевики-подпольщики. В годы гражданской войны здесь были первые курсы красных командиров; ныне многие дома украшены мемориальными досками, говорящими о штабах боевых рабочих дружин, о местах баррикад, о первых курсах красных командиров. Они размещены везде — на территории самого завода и поселка Кайдаки.

В годы сталинских пятилеток из стен завода имени Петровского вышли многие высококвалифицированные специалисты: академики, профессора, выдающиеся проектировщики, руководящие работники главков и министерств, выдающиеся стахановцы, имена которых известны всей стране.

Вряд ли можно назвать хотя бы один металлургический завод страны, где бы не было кадров, воспитанных и обученных на заводе имени Петровского. Только во втором полугодии 1948 года 180 инженеров, техников и мастеров сдали экзамены по курсам экономики металлургического производства, автоматики и другим. Руководителями этих курсов были инженеры завода тт. Правдин, Нечаев, Яценко, Лифшиц, Козулин.

Среди инженеров нашего завода твердо установилось мнение, что хорошей работой руководящего инженера может быть признана только такая, при которой неизменно, из месяца в месяц, улучшаются технические и экономические показатели его участка.

Характерная черта наших инженеров — стремление к выявлению скрытых резервов производства. Как бы хорошо ни работал цех, коллектив его стремится к дальнейшему улучшению.

На заводе впервые была применена автоматизация точной прокатки, автор которой наш питомец, действительный член Академии наук УССР А. П. Чекмарев; впервые в металлургии мы приспособили доменную печь для работы на повышенном давлении газа.

Каждый советский инженер имеет перед собой ясную цель своей деятельности, своим творческим трудом он активно участвует в строительстве величественного здания коммунизма.

И. КОРОБОВ,

директор Днепропетровского завода имени Петровского

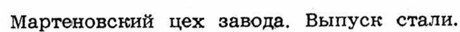

2

ИНЖЕ

3

1

4

1

Мартеновский цех завода. Выпуск стали.

2

Новейшие достижения науки используют инженеры, чтобы повысить производительность завода и облегчить труд рабочих. Инженер-коммунист М. И. Коробко разработал схему автоматического регулирования мартеновской печи. На снимке: М. И. Коробко (слева) и рабочий — наладчик автоматики комсомолец В. Я. Новиков, студент вечернего техникума.

3

На заседании заводской ячейки научного инженерно-технического общества металлургов. С докладом выступает директор завода инженер И. А. Коробов.

4

Бывший работник завода имени Петровского, ныне действительный член Академии наук УССР, доктор технических наук, лауреат Сталинской премии инженер А. П. Чекмарев, принимает деятельное участие в работе заводского коллектива. На снимке: А. П. Чекмарев и контролер Е. П. Власов в цехе проката.

5

В технической библиотеке завода собрано свыше 100 тысяч книг. Здесь есть все новинки литературы, журналы, бюллетени научных обществ. На снимке: инженер-электрик С. И. Махнин (слева) и главный сталеплавильщик завода С. Г. Афанасьев в библиотеке.

6

Большинство инженеров помогает рабочим повышать квалификацию и в то же время инженеры учатся сами. На снимке: инженер Г. Д. Шпак, начальник цеха ремонта металлургических печей, читает лекцию комсомольско-молодежной бригаде огнеупорщиков.

7

60 тысяч рублей принесла заводу рационализаторская деятельность бригадира слесарей, коммуниста А. Г. Лапушкина. Активную товарищескую помощь оказывает ему в реализации новаторских предложений коммунист-инженер, помощник начальника доменного цеха Я. Б. Бедринцев.

8

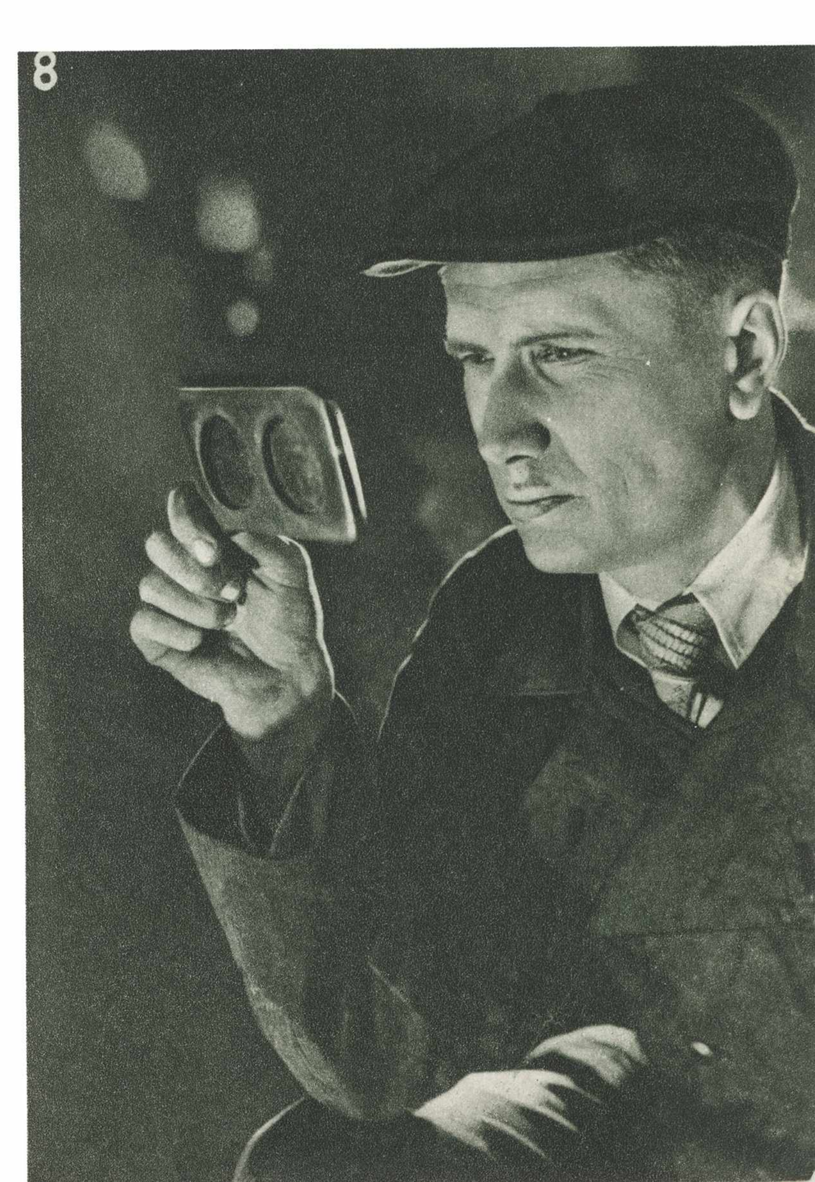
Заместитель начальника мартеновского цеха В. И. Жигулин — один из лучших инженеров завода. При его участии произведена механизация работ в цехе. На снимке: В. И. Жигулин наблюдает за варкой стали.

НЕРЫ

Фото С. Фридлянда

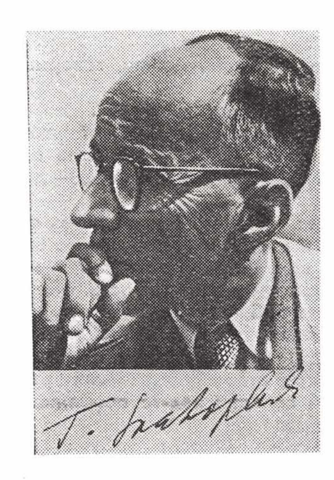

Комсорг цеха водоснабжения техник-конструктор Л. А. Алябьев учится на четвертом курсе вечернего отделения Металлургического института. Начальник цеха, старейший инженер завода коммунист М. И. Поярков, помогает Алябьеву получить высшее образование. Учить и учиться должны все. Такова благородная традиция инженеров завода имени Петровского.

Новый директор приходит

Т. СВАТОПЛУК

В сегодняшней Чехословакии знаменитые обувные предприятия в городе Злине — народное достояние. Раньше они принадлежали выученику американских монополистов фабриканту Бате, которого называли чешским Фордом. На заводах Бати применялись все приемы Форда: беспощадная эксплоатация, насаждение духа стяжательства и волчьего индивидуализма, социальная демагогия.

Передовой чехословацкий писатель Т. Сватоплук в повести «Ботострой» (по-чешски «бота» — обувь, «строй» — машина) рассказал правду о чудовищных порядках, царивших у Бати, который фигурирует в повести под именем Шефа. Книга вышла еще в домюнхенской Чехословакии и через несколько дней была запрещена. Только в новой, народно-демократической Чехословакии «Ботострой» по-настоящему увидел свет. В русском переводе книга в ближайшее время выходит в Гослитиздате.

Сейчас в Чехословакии нет более города Злина, название которого напоминало о Бате и батевщине. Есть город Готвальдов и в нем народные обувные предприятия «Свет». Это переименование как нельзя лучше выражает черты и дух нового Ботостроя, о котором Т. Сватоплук пишет сейчас повесть «Без Шефа» («Рассвет»). В публикуемом ниже отрывке из этой повести рассказывается о событиях, которые разыгрались на заводах в 1945 году, вскоре после освобождения Чехословакии.

Это вышло как-то совсем неожиданно. Гора попал к самому концу заседания. Выскочив из машины, он взбежал по лестнице, шагая через три ступеньки. У него захватило дыхание. Две ночи он совсем не спал, и во всем теле накопилась усталость. Чорт знает, сколько дел! От бесконечных разговоров у Горы трещала голова, глаза его смыкались, минутами ему хотелось вот тут, не сходя с места, завалиться спать, только бы отдохнуть, только бы, чорт возьми, вздремнуть... И вот еще одно заседание, полный зал людей, облака табачного дыма.

Его заметили, когда он уже проходил между рядов, задевая сидящих. Он шел чуть неуклюже, как медведь, усмехался добродушно. Все хорошо знали и любили эту усмешку.

Гора слышит рукоплескания, оглядывается, не понимая, кому хлопают. Кто-то произносит его имя. Это Клир; он подходит, обнимает Гору.

— Ты что? — удивляется Гора.— Чего дуришь? — и он слегка отталкивает Клира.— Что еще за нежности, чорт подери?

Клир, однако, не обижается, берет Гору под руку, смеется и сообщает ему, что национальный комитет только что принял решение назначить Гору генеральным директором Ботостроя, всего этого гигантского обувного комбината.

— Не дурите! — защищается Гора.

Но люди кругом улыбаются, рукоплещут, кто-то шутливо кричит: «Да здравствует наш новый пан шеф!»

— Пожалуйста, без «шефа», товарищи. Шефа больше нет.

Шум. «Товарищ директор» просит слова:

— Дайте мне, наконец, сказать, чорт возьми! Я возражаю. Мне же не справиться. Не дурите, товарищи, из этого ничего не выйдет... это невозможно. У меня масса партийных нагрузок... поручений... я не могу, вы учтите...

Слово берет товарищ Никодим.

— Мы все уже обсудили как следует,— говорит он,— обстоятельно обдумали и решили, что именно Гора должен занять этот пост.

Гора снова возражает. Он только слесарь-механик, а во время войны и вовсе был кладовщиком. Этого мало, товарищи. Куда мне...

Но как ни спорь, всем ясно, что директором Ботостроя должен стать именно Гора. В эти трудные дни он словно прошел проверку на глазах у всех: постоянно был на ногах, не ослаблял работы, не обманул доверия товарищей. Именно у него, у Горы, всегда хватало сил действовать, бороться, принимать решения, спорить, быть бдительным, не упускать из вида помехи и вражеские козни, которых так много в это напряженное время. Товарищ Гора умел внушить уважение к себе и к своему делу. А главное, он умел действовать решительно, не колеблясь, ему не свойственна была растерянность. Однако он не рубил с плеча и, когда нужно, мог применить гибкую тактику.

Наряду с этим справедливость Горы располагала к нему всех честных людей. Особенно в первые дни свободы. Но с этих же первых дней его возненавидели те, кто мечтал поставить коммунистов к стенке, и те, кто хотел, пользуясь переворотом, сделать карьеру, пробраться к теплым местечкам.

И еще одно: товарищ Гора был очень силен. Настоящий «медведь», силач, которого не возьмешь на испуг. Самые разъяренные недруги стихали в его присутствии, как-то остывали и съеживались. Только что они в ярости бежали к нему, сжав кулаки. А при нем никак не могли бушевать. Выйдя из его комнаты, они снова задыхались от злобы.

Все это решило судьбу Горы. Сперва он никак не мог осознать, что избран директором,— потому ли, что от долгого недосыпания он немного отупел, или оттого, что завертелся во множестве срочных дел. Некоторое время он еще противился, но потом согласился. В его душе шевельнулось, верно, и честолюбие, пусть самое благородное. В самом деле, разве Батя или его сын Якуб были такими гениями, что ему, Горе, не угнаться за ними? Особенно Якуб. Гора знал его. Все смеялись над спесью и тщеславием Якуба. Да и впрямь Якуб больше вредил производству, чем руководил им. Вспомнить хотя бы такую его затею, как увеличение размеров воловьих кож: для этого, по мнению Якуба, надо перед убоем скота напустить слепней, от укусов которых кожа покроется волдырями и ее поверхность станет больше. А проект молочного трубопровода из гор в город!

— Не хуже Якуба ты сможешь работать, а? — смеялся Никодим.

— Не хуже этого дурня сумею — это верно. Только не хотелось бы мне быть фабрике во вред.

— Ладно, помалкивай, Иосиф. Мы тебя знаем. Нам понадобится твоя силища.

— При чем тут она, что ты опять болтаешь?

Председатель национального комитета Никодим повторяет вслух перед всем собранием, что решение принято и что товарищу Горе надо идти принимать дела на Ботострое.

— Чорт подери, ребята,— Гора ерошит себе волосы.— Там же чортова уйма работы. Дайте хоть передохнуть немного...

В этот момент в зале появляется запыхавшийся партизанский вожак Бартл и спрашивает, что делать с бывшим германским рейхсуполномоченным на Ботострое немцем Мюллером. Невредно бы поставить его к стенке, а?

Вспыхивает возбужденный спор. Все знают, что глава партизанского отряда товарищ Бартл непрочь стать генеральным директором Ботостроя. Были минуты, когда Бартл вот-вот готов был занять со своими партизанами не только Ботострой, но и здание городского совета и, как он выражался, «выкурить оттуда всех розовых товарищей», всех тех, кто не участвовал в подпольной, партизанской борьбе. Такие люди не нравились Бартлу, а место Горы было, по его мнению, в лучшем случае, в цехе, у конвейера. Бартл узнал где-то, что у матери Горы была немецкая фамилия и что ее отец был австрийцем. В такие дни это обстоятельство могло иметь большое значение. Правда, не было сомнений в том, что Гора ненавидел немцев и готов был драться с ними, но волей обстоятельств ему так и не довелось сделать это в течение всей войны. За ним числились лишь такие «мелочи», как саботаж на производстве, размножение листовок на ротаторе, распространение нелегальной литературы, укрытие подпольщиков, пожертвования, сбор средств...

Обстановка в городе была неспокойная. Патриоты арестовывали активных пособников «протекторатного» режима, но кто-то втихомолку выпускал их. Случалось, что патриоты приводили коллабарациониста в полицию и сдавали властям, а в тот же вечер встречали его гуляющим по улице, и он насмешливо глядел им в глаза. Повсюду было кумовство и круговая порука реакционеров; виковные всюду находили «своих людей» и всегда умели сослаться на какую-нибудь статью закона времен Франца-Иосифа или первой республики. Закон был, что дышло, и действовал именно так, как нужно было этим людям. Бывали даже случаи, когда вместо коллаборациониста арестовывали разоблачившего его патриота. Свидетелей нарочно сбивали с толку. Свидетельницу, уверявшую, что она видела свастику на лацкане обвиняемого, судья донимал так долго, что она наконец поколебалась: ей «помнится», что у него была свастика, но она не может ручаться на все сто процентов. После этого коллабарационисту ничего не стоило выпутаться. «Кажется» есть «кажется» — и не больше. Может быть, это была гвоздика в петлице, смеялись коллабарационисты, а честные граждане сжимали кулаки и предрекали новую революцию.

Люди подозревали друг друга, шептуны распространяли лживые слухи о коммунистах, о красноармейцах. Коммунисты спорили, опровергали, протестовали. Стояли недобрые, тревожные дни, город бродил, словно тесто. Особенно неистовствовали женщины, нападали на мужей: мол, не этого мы ждали. Мужья выходили из себя, кричали о глупых бабьих головах.

— Чорт возьми, пойми, жена, что люди — не ангелы! Человека не переделаешь за один день.

— Не думала я, что все так будет. Вон, погляди хоть на соседей из десятого номера. Два раза в неделю приносят домой полные чемоданы добра. Откуда у него персидский ковер? Почему вы не поставите его к стенке?

— Придет и его очередь.

Реакция орудовала во-всю, один слух рождался вслед за другим, клевета все ширилась.

Жена Ондерека пилила своего мужа:

— Вот видишь, Клапка уже стал директором. А ты? Одни идут в гору, а другие маются до самой смерти.

— Все не могут быть директорами, кто же останется в цехе?

— Дурной ты, вот что!

Жена Горака разводит руками:

— Слыхал? Старый Лоренц, этот сукин сын, что бражничал с немцами, грозится подать на нас в суд за оскорбление. Докатились!

Немка Фиурасек начала здороваться по-чешски: «Тобрый тень». Женщины обозлились, набросились на нее на улице, лупят ее авоськами по спине; морковка, картошка, лук катятся по тротуару. Какая-то баба мертвой хваткой вцепилась в волосы немки.

Проезжавший мимо Гора выходит из машины. Что тут такое творится? Ему объясняют. Гора усмехается, хочет вмешаться. В это время одна из женщин язвительно замечает:

— Господа товарищи уже ездят в машине...

— Постой-ка, сударыня, или как вас там, значит, по-вашему, нам обязательно ходить пешком?

— А что ж, мы, небось, ходим.

— Уже забарились!

Ладно. Гора говорит шоферу: «Езжай в гараж, будем ходить пешком». И усмехается так, как умеет только он: не сердито, а словно говоря: «Ну, что ж, пешком, так пешком, если вы думаете, что это правильнее».

И они идут, Гора и товарищи, что ехали с ним в машине, идут сперва с легким сердцем и даже усмехаясь, потом становятся серьезнее, подходя к длинному проспекту между корпусов Ботостроя. Гигант — фабричный город; трое пришельцев выглядят такими незначительными у его ворот.

В ворота входят и выходят какие-то люди, но их мало. Никто еще не знает, что один из трех пришельцев, товарищ Гора,— генеральный директор комбината. Никто с ним не здоровается, никто его не замечает. Гора и его спутники входят в проходную, предъявляют декрет национального комитета. С подписями, с печатью — все, как полагается. Но приходится объяснять, чьи это подписи, приходится сделать слегка начальственное лицо, принять уверенный, не допускающий сомнений вид, проявить выдержку, силу, авторитетность. От пришедших вежливо требуют доказательства, что они именно те, кем назвались.

— Нет, удостоверения личности мало, надо, чтобы с фабрики кто-нибудь вышел к воротам подтвердить, что вы Гора.

— Не знаешь ты меня, что ли?! — сердито говорит Гора сторожу.— Ведь мы не первый день знакомы, в чем же дело?

— Приказано,—пожимает плечами сторож.— Ничего не поделаешь, надо удостоверить вашу личность, товарищ.

Обращение «товарищ» немного разряжает атмосферу, но все же еще не ясно: впустят ли на фабрику нового генерального директора? Былой страх перед шефом все еще живет в товарище стороже, мешает ему мыслить здраво, самому принять решение.

Тщетно Гора объясняет ему, что не к чему подтверждать личность человека, которого сторож знает лично.

— Это же чушь, пойми, товарищ. Я это или не я?

— Ты, товарищ, да ведь...

На счастье, мимо проходит какой-то Петричек, который знает Гору. Гора окликает его, и тот подтверждает, что Гора — действительно Гора.

— Итак, личность у нас теперь есть,— смеется Гора и входит на территорию Ботостроя. Он идет на шаг впереди товарищей, идет, чуть сутулясь, словно несет тяжесть. «Да,— думает он и морщит лоб,— много будет дела...» Он видит великолепное здание дирекции, видит корпуса № 10, № 15, № 20... Доносится запах кожи, резины. Этот старый, знакомый запах обувной фабрики сегодня как-то особенно сильно бьет в нос Горы.

Цехи стоят. Многие рабочие не вышли на работу. Пришли только те, кто просто не мог не идти на фабрику. Гудок сегодня не гудел, а зря, надо бы... Все-таки рабочие любят свою фабрику. «Что же будет? — спрашивают они друг друга.— Будем работать? Вернется немчура Мюллер? Вернется Шеф? Или Якуб? Выйдут все наши на работу? Хватит ли угля?»

Другие злорадствуют: «Сели мы в калошу, господа. Коммунисты все погубят».

Кругом поврежденные бомбежкой корпуса, куски вывороченного бетона, развалины зданий, обгорелые стены, бездействующая электростанция. Тихо. Изредка звякнет лопата добровольцев из восстановительных бригад. Вот пятеро рабочих чистят машины. Они пришли сами. Они хотят, чтобы снова заработали станки, чтобы слышался гул фрезеров, грохот обрубочных цехов, пение работниц...

Никогда еще не чувствовал товарищ Гора такого бремени ответственности, как сейчас... Он входит в бывшую дирекцию. У него странное чувство, даже боязнь, что он впрямь растеряется, не будет знать, за что раньше взяться, как управлять, куда звонить, кому приказывать.

Тишина.

«Да,— говорит себе Гора,— попал я в переделку...»

На лбу у него выступил пот. Может быть, это от того, что он быстро поднялся на пятый этаж, но вернее, от всех этих мыслей. На минуту ему кажется, что сейчас лучше всего скрыться куда-нибудь, уйти домой, к жене, закрыть глаза, отдохнуть... Ведь он два дня совсем не спал. А до того всю неделю отдыхал урывками, кое-как. Пить хочется, горло пересохло. Он подходит к крану, поворачивает его. Воды нет.

Машинально Гора идет к дверям секретариата дирекции. Входит. Никто не встает с места. Никто не приветствует его. Машинистка стукает на машинке, явно какую-то ерунду для себя. «Та-ак»,— говорит себе Гора.

— Ну, вот мы и пришли,— произносит он вслух.— Можем начинать.

Он пожимает плечами и проводит рукой по краю каждого шкафа, словно желая стереть пыль.

— Я думаю, что невредно было бы созвать сюда весь персонал дирекции. Надо объяснить им установки, которые мы положим в основу нашей работы...— он говорит, словно все еще обращаясь к своим двум спутникам.— А это, значит, найти... Ах, да, простите, вот декрет, господин секретарь. Я ваш генеральный директор. Пожалуйста...—и он продолжает уже твердым тоном приказа: — Пусть все немедленно соберутся сюда. Созовите всех!

— Слушаюсь, господин директор,— овладевает собой секретарь и передает приказ дальше: — Созвать сюда сотрудников!

Это первая дань уважения и повиновения рабочему директору товарищу Горе. Начались трудные дни возрождения Ботостроя.

Перевод с чешского

Т. АКСЕЛЬ

У берегов Антарктиды

«Прямо по курсу, в 5 — 6 милях видим кромку плотного льда, растянутого по всему горизонту. За кромкой хорошо виден массивный ледяной барьер высотой в 35 — 40 метров, отвесно обрывающийся в воду. За ледяным барьером видны две горных вершины антарктического материка, покрытые льдом и снегом».

Показав нам эту выписку из вахтенного журнала корабля «Слава», начальник экспедиционного отряда Океанографического института, сопровождавшего советскую китобойную флотилию в антарктических водах, кандидат географических наук Георгий Михайлович Таубер стал рассказывать о своем недавнем путешествии:

— Экспедиция побывала в тех местах, где 129 лет тому назад открывшие Антарктический континент русские мореплаватели капитан Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и лейтенант Михаил Петрович Лазарев на парусных шлюпах «Восток» и «Мирный» почти вплотную подошли к ледяному барьеру Земли принцессы Марты.

Советские ученые, находившиеся на борту китобойных судов, привезли обширные материалы. Сейчас эти материалы детально обрабатываются. Подготовлен к печати научный труд, который содержит характеристику метеорологических, ледовых и гидрологических условий Антарктики, основанную на наблюдениях наших океанографов.

— К берегам Антарктиды, — говорит тов. Таубер,— в районе Земли принцессы Марты наше судно подошло 20 марта 1948 года. Перед нами открылась величественная картина обледенелого материка.

Никаких признаков жизни, мертвая тишина; нет даже птиц, огромными стаями сопровождавших нас в океане. Берега в этом месте неприступны. Глубоко в море выдается язык ледяного барьера. Поражает необычайная правильность его линий: плоская, совершенно ровная поверхность. В море, у отвесного склона барьера, плавает торосистый паковый лед, представляющий собой нагромождения самой причудливой формы. Среди них возвышаются огромные столообразные айсберги.

За барьером поднимается заснеженная поверхность материка, кое-где в бинокль видны обнаженные вершины скал. Вдали у горизонта вырисовываются две горные вершины.

У этого побережья Беллинсгаузен и Лазарев достигли наибольшей южной широты своего плавания и плавания всех предыдущих экспедиций — 69° 25′, на западной долготе — 1° 11′.

Что делала наша экспедиция? Следует сказать, что в плавании мы находились около восьми месяцев и прошли за это время свыше 25 тысяч морских миль (46 тысяч километров) — расстояние, превышающее путь кругосветного путешествия по экватору. В водах Антарктики мы плавали четыре месяца, главным образом в секторе Атлантического океана. Занимались мы метеорологическими и гидрологическими наблюдениями. Делали наблюдения над погодой и изучали режим океана на поверхности и в глубине, определяли количество солнечного тепла, поступающего на поверхность океана в Антарктике.

Погода нас в Антарктике не баловала. Все лето — с декабря по март (январь там соответствует нашему июлю) — то и дело возникали сильнейшие штормы. Температура была преимущественно ниже нуля и очень редко повышалась до 1 — 2 градусов тепла. А в марте, когда мы подошли к берегам Антарктиды, она достигала 13 — 14 градусов мороза.

Сейчас, проанализировав весь материал наблюдений, мы сделали вывод, что циклоническая деятельность развита здесь так же сильно, как и в Северном полушарии. Суровый характер климата Антарктики отчетливо выявляется при сравнении с климатом Арктики. Для этого, например, достаточно сопоставить наши наблюдения с наблюдениями станции «Северный полюс». Выяснилось, что средняя температура самого теплого месяца в Антарктике в районе шестидесятой параллели, соответствующей широте Ленинграда, почти такая же, как в самый теплый месяц в районе Северного полюса.

«Жесткость» погоды, вычисленная по специальной формуле с учетом температуры и ветра, в Антарктике почти в два раза больше, чем в Арктике.

Большая работа была проделана по исследованию айсбергов.

Айсберги встречались часто и большими скоплениями. Нередко мы их насчитывали до 50 — 70 одновременно. Около Южных Сандвичевых островов такие скопления достигли рекордной цифры — 220 сразу. Весь горизонт был загроможден плавающими ледяными горами. Форма их была чрезвычайно разнообразна и причудлива. Ветер и морские волны создают их то в виде колоннад, то в виде замков или фигур притаившихся и готовых к прыжку зверей. Попадались ледяные горы с арками. Высота одной такой арки была 24,5 метра. Один айсберг имел 94 метра высоты. Длина другого доходила до 1200 метров. Путем специальных подсчетов был определен вес одного из столообразных айсбергов, плавающих только в Антарктике,— 62 миллиона тонн.

С. БОГОРАД

Морские слоны на берегу острова Южная Георгия. Этот остров был исходным пунктом антарктического плавания знаменитой экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева.

Фото Г. Таубера

В ЭРИТРЕЕ

Охота — один из основных источников существования эритрейцев центрального горного плато. Внизу: хижина сельского жителя.

Г. ГЕОРГИЕВ

Путевые заметки

Рано утром мы покинули Каир, и самолет взял курс на Эритрею. По пути мы совершили две посадки: одну в Вади Хальфа — крупной английской авиабазе, расположенной на границе Египта с Англо-Египетским Суданом, и вторую — в Хартуме, столице последнего, зеленом и красивом, но очень жарком городке, расположенном при впадении Голубого Нила в Белый. И вот наконец последний этап воздушного пути: от Хартума до Асмары.

Из окна самолета видны острые пики горных цепей, отдельные вершины которых достигают трех тысяч метров над уровнем моря. Горный пейзаж то и дело чередуется с бесплодными песчаными пустынями.

Пилот предупреждает, что самолет наберет еще бо́льшую высоту. В пассажирскую кабину начинают подавать кислород. Я смотрю в окно. На земле виднеется крохотное пятно — это какое-то селение, над ним стоят кучевые облака. Для нас они тоже далеко внизу. Только теперь я ощущаю, как высоко мы поднялись над землей.

— Асмара, Асмара! — раздаются вдруг голоса.

Город вырастает неожиданно. Под крылом самолета быстро проносятся дома, улицы, кварталы. Машина делает круг, другой и плавно идет на посадку. Оставив самолет, мы ощущаем, что нас обдает свежим ветром. «Африка, а прохладно»,— недоуменно замечает один из пассажиров. Наше недоумение рассеивается, когда мы узнаем, что Асмара расположена на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря.

* * *

Бывшая итальянская колония Эритрея — это небольшая горная страна в северо-восточной части Африки.

На юге Эритрея граничит с Эфиопией, на западе и севере — с Суданом. Восточная граница страны проходит по побережью Красного моря. Побережье представляет собой широкую полосу засушливой и бесплодной пустыни, простирающейся от залива Зула до Французского Сомали. Высокое горное плато образует центральную и южную части страны. Разница в климате и растительности между горной частью и прибрежной полосой поразительна.

Район соленых озер Данкали считается чуть ли не самым знойным местом на поверхности земного шара. В то же время область Эритрейского плато отличается прохладным климатом. В одних районах страны стоит вечная засуха, в других ежегодно выпадает очень много осадков, в том числе и в районе Асмары. Расстояние же между этими столь контрастными климатическими зонами не превышает и сотни километров.

Коренное население Эритреи разнообразно по своему племенному составу. В стране насчитывается около десяти различных племен, говорящих на разных языках. Жители Эритреи ведут преимущественно кочевой и полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством и земледелием.

АСМАРА

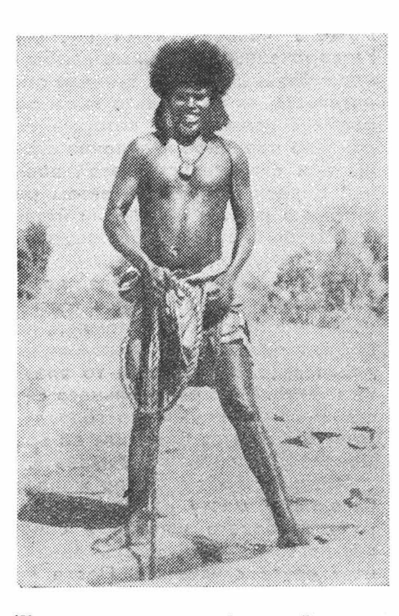
Асмара — главный город Эритреи — является ныне административным центром английских оккупационных властей. В Асмаре около 100 тысяч жителей. Как и большинство городов в колониях, Асмара разделена на «европейские» и «туземные» кварталы. В кварталах, где живут англичане и другие иностранцы, — все лучшие улицы и здания, магазины и рестораны, пестрящие вывесками и рекламами. Особенно шумна и многолюдна главная улица — «Корсо Италия».

Среди красивых зданий особенно выделяются кафедральный собор, губернаторский дворец и резиденция главного администратора британских оккупационных властей. Много зданий центра занято под английские военные госпитали, административные и служебные помещения, особняки высших оккупационных чинов.

Ища правосудия, в Асмару приезжает обиженный незаконными действиями полиции житель Юга. Не получив от британских военных властей ответа на свою жалобу, эритреец плетется по городу, угрюмо поглядывая на английских «цивилизаторов». Но вот он видит, как английские солдаты ведут по улице скованных по-двое его соотечественников, должно быть, также выражавших недовольство своей судьбой. Житель Юга сворачивает в первый переулок и быстрыми шагами удаляется из города.

На улицах то и дело можно видеть крестьян, продающих яйца, кур, последнее домашнее имущество, чтобы выплатить британским властям непосильные налоги.

Мы идем по главной улице Асмары. Издали доносится завывание сирены. Люди, как по команде, поворачиваются в ту сторону,

Житель южных районов Эритреи достает из колодца соленую воду.

откуда нарастают тревожные звуки. Вот показался вооруженный мотоциклист, за ним еще два, еще и еще... Мотоциклы проносятся со страшным ревом. Потом — закрытая черная легковая машина и еще мотоциклы. Это проехал по городу начальник эритрейского военного гарнизона.

Осмотрев центр, мы перешли в туземные кварталы. Здесь нищета, убогость. В хаотическом нагромождении ютятся друг возле друга слепленные из глины круглые хижины туземцев.

Туземному населению Асмары британские военные власти отводят самые плохие водоемы. Однажды главного английского администратора спросили, почему в туземных кварталах нет электрического освещения даже на улицах.

— Они не хотят за него платить,— ответил администратор.

И в самом деле, откуда могут взять деньги эритрейцы, из которых многие уже свыше пяти лет не имеют работы?

Еще более безотрадная картина в прилегающих к Асмаре деревнях. Здесь господствуют грязь, голод и болезни. Не имея средств построить себе даже глиняные хижины, крестьяне вынуждены жить в соломенных лачугах вместе со своим скотом.

Один старший офицер британской военной администрации, имеющий большой опыт колониальной практики в Африке, пытался доказать, что сельское население страны находится в хороших условиях.

— Мы,— сказал офицер,— считаем такую обстановку антисанитарной для европейцев, но для местного населения она вполне санитарная...

Так предстала перед нами во всей красе «цивилизаторская» деятельность английских оккупантов Эритреи...

* * *

Дорога из Асмары в Массауа проходит по склонам крутых гор, по узким ущельям, по отвесным скалам. Сверху она напоминает огромную серую змею, спускающуюся с высокогорного Эритрейского плато к побережью Красного моря. Это первоклассное шоссе, не имеющее себе равных в колониальной Африке, стоило жизни тысячам людей. Местное население говорит, что дорога вымощена человеческими костями. Развороченные каменные глыбы и пробуравленные в горах туннели свидетельствуют без слов о тех невероятных испытаниях, которые перенесло коренное население страны при строительстве этой военной дороги, сыгравшей затем решающую роль в нападении итальянских фашистов на беззащитную Абиссинию.

Наша машина, ведомая пожилым смуглым итальянцем, быстро идет вниз по склону огромной, покрытой лесом горы, ежеминутно делая крутые повороты то влево, то вправо. От стремительного спуска начинает кружиться голова, в ушах ощущается боль, как во время резкого снижения самолета.

Машина переезжает по железобетонному мосту на другую сторону глубокого ущелья и снова, как по спиральной лестнице, начинает круто спускаться. После нескольких поворотов мы въезжаем в узкий коридор, окаймленный с обеих сторон высокими отвесными стенами. Свежий и прохладный воздух действует ободряюще. На одном из поворотов машина едва не наезжает на стаю обезьян, которые со страшным визгом бросаются врассыпную.

Горы покрыты густым лесом и кустарником, воздух насыщен ароматом свежей зелени. Но, по мере спуска к побережью, горы принимают все более мрачный и пустынный вид, со всех сторон громоздятся скалы, свежесть прохладного воздуха сменяется пыльным, обжигающим лицо ветром.

Последние километры пути лежат по выжженной солнцем знойной пустыне.

Наш спуск от Асмары, с высоты около трех тысяч метров над уровнем моря, длился около двух с половиной часов. Мы въезжаем в Массауа.

МАССАУА

Древний город Массауа расположен на побережье Красного моря. Это основной порт Эритреи и военно-морская база английского флота.

Климат Массауа тропический, трудно переносимый в летнее время. Но это не мешает современным западным колонизаторам вести и здесь привольную жизнь. К их услугам прекрасные гостиницы, рестораны, кабаре, где они преодолевают зной с помощью электрических вентиляторов и прохладительных напитков.

Старая часть города, населенная туземцами, представляет собой беспорядочное скопление приземистых домишек. Улицы узкие, неасфальтированные. Всюду множество нищих и калек, выпрашивающих подаяние у прохожих.

Оккупировав в ходе второй мировой войны Эритрею, английские военные власти почувствовали себя полными хозяевами страны. Прежде всего они изъяли из обращения итальянскую лиру и ввели восточноафриканский фунт. Обмен старой валюты на новую производился по такому соотношению, что основная масса населения, располагавшая незначительными суммами в итальянских деньгах, осталась без средств к существованию.

Эта «финансовая реформа» колонизаторов резко снизила покупательную способность населения и нанесла большой ущерб экономике страны. Одно за другим стали останавливаться предприятия; началась массовая безработица; сильно повысились цены на продукты первой необходимости.

Не менее пагубным для местного населения мероприятием британской военной администрации было запрещение свободной торговли с соседними странами. Оно еще более увеличило безработицу и привело к дальнейшему обнищанию народа.

Кроме того британская военная администрация якобы для нужд войны конфисковала транспорт, демонтировала оборудование подвесной дороги, соединяющей порт Массауа с Асмарой, взяла под свой контроль или вывезла оборудование ряда предприятий и мастерских.

Прибегая ко всевозможным махинациям, англо-американские дельцы прибрали к своим рукам основные отрасли хозяйства Эритреи.

Вся власть в стране принадлежит британской военной администрации, во главе которой стоит главный администратор. Пользуясь до сих пор чрезвычайными полномочиями военного времени, он управляет страной через «офицеров по гражданским делам», которым подчинены отдельные области страны. В распоряжении каждого из этих военных губернаторов имеются гарнизон войск и местная полиция, которые осуществляют всю исполнительную власть на местах.

Англичане принесли в страну нравы колонизаторов. На улицах Асмары часто можно видеть, как группы пьяных английских солдат грубо пристают к туземным женщинам. В городах Эритреи существует легализованная английскими властями проституция.

В стране попрежнему царит расовая дискриминация. Туземный рабочий, как правило, получает за одинаковую работу в два — три раза меньше, чем рабочий-европеец.

В стране почти поголовная безграмотность. Лишь около пяти процентов населения умеет читать и писать. Характерно, что в Асмаре имеются только два шофера-эритрейца. Отказ от обучения местного населения техническим специальностям английские власти мотивируют «неспособностью» и «отсталостью» туземцев.

Невыносимое положение трудящихся масс вызывает возмущение и протесты против действий английских оккупантов. Но выступления против произвола британских властей жестоко подавляются полицией и войсками. Под предлогом «охраны общественного порядка» англичане содержат в Эритрее крупные вооруженные, в том числе механизированные, силы. Они создали многочисленную полицию, которую обучают разгонять демонстрации. На улицах и площадях городов проводятся военные смотры войск и полиции.

До последнего времени в Эритрее политические организации или группировки были запрещены. Лишь незадолго до приезда в Эритрею обследовательской комиссии четырех держав (ноябрь 1947 года) под нажимом народных масс, опасаясь международного общественного мнения, британская военная администрация разрешила создание некоторых политических партий, но только с соизволения главного военного администратора.

Проводя в жизнь старый империалистический метод «разделяй и властвуй», военная администрация делает все возможное, чтобы не допустить объединения народных масс на основе общей национально-освободительной платформы.

Те организации и группировки, политическая линия которых соответствует стремлениям английских властей, администрация поощряет и всячески поддерживает. Известно, что партии «Объединение Эритреи с Эфиопией» и «Национальная партия Массауа», выступавшая за установление британской «опеки», пользуются широкой поддержкой английской администрации.

Все усилия английских военных властей направлены прежде всего на то, чтобы любой ценой сохранить свое господство в Эритрее.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

ТЕНИ КНИЖНЫХ КОСТРОВ

Казалось бы, после разгрома гитлеровской Германии отошли в прошлое костры, на которых фашисты сжигали лучшие произведения мировой литературы. Однако в Бизонии среди американских и английских властей находятся люди, которые готовы продолжать эту традицию коричневых громил.

По сообщению лондонских газет, в школах западных зон Германии запрещено использовать в качестве учебных пособий произведения русских классиков. Американские полицейские на границах зоны при просмотре багажа у одного германского литературоведа не только конфисковали находившиеся при нем книги Максима Горького, Фридриха Энгельса и Томаса Манна, но изорвали книги и втоптали их в грязь.

«Черные списки», цензурные запреты, напоминающие о нацистских кострах, широко процветают в странах, где принято похваляться «западной свободой печати».

Как сообщала недавно афинская газета «Элефтерия», верховный прокурор греческой полиции благополучно закончил изъятие «коммунистической литературы» из типографий, издательств и книжных лавок. В числе «подозрительных» и обреченных на уничтожение книг оказались... биографии Гете и Рембрандта.

В Канаде подобная же операция была произведена нарядом полиции, который совершил бравый налет на книжный магазин на одной из центральных улиц Монреаля. Были изъяты такие «вредные» книги, как поэмы Пушкина и романы Льва Толстого «Анна Каренина» и «Война и мир».

В южной части американского континента не повезло французскому классику Бальзаку. Его произведения попали в «черный список» аргентинской цензуры, причем имя Бальзака оказалось в списке рядом с авторами порнографических романов.

Современные последователи Гитлера и Геббельса бросают в костры не только книги, составляющие гордость прогрессивного человечества. Английская цензура в Малайе запретила недавно 50 кинофильмов, в которых имеются сцены народных шествий и демонстраций. Как сообщало агентство Рейтер, британские цензоры запретили в числе других фильм, сделанный по роману Диккенса «Повесть о двух городах». Мотивировка запрещения: фильм содержит эпизоды из истории французской революции, а «в настоящий момент опасно показывать подобные сцены азиатским зрителям!»

СТАЧКА

Александр САКСТОН

Рисунки Г. Филипповского

Роман Александра Сакстона «Великая средне-западная железная дорога», отрывок из которого мы печатаем, опубликован в США в конце 1948 года.

Герой романа — коммунист Дейв Спаак, активный деятель рабочего движения в Чикаго. Дейв Спаак — потомственный железнодорожник, работает на Средне-западной железной дороге в качестве осмотрщика вагонов.

В статье о романе, помещенной в журнале «Мэссес энд Мэйнстрим», Говард Фаст пишет, что это «лучший и наиболее значительный роман, написанный каким-либо американским писателем за последние несколько лет». По мнению Фаста, А. Сакстон впервые в американской литературе создал «вполне зрелый и убедительный образ героя-коммуниста».

В публикуемом отрывке описан эпизод, имевший место во время забастовки на крупной консервной фабрике в Чикаго.

За несколько кварталов от зала Зейгера железнодорожники выбрались из «Шевроле», с трудом разминая застывшие ноги. Стоял свирепый мороз, до рассвета было далеко. Дейв вытащил плакаты из машины, и все пятеро пошли вдоль пустынной улицы, точно демонстранты. По обе стороны тянулись домики рабочих. Под яркими звездами зимнего неба они казались особенно невзрачными и убогими.

На перекрестке два полисмена подпрыгивали и хлопали рукавицами, стараясь согреться. Увидев идущих, они перестали прыгать и с враждебным видом скрестили руки. Дейв и его спутники, не доходя до полисменов, с громким смехом повернули в северном направлении. Впереди видны были корпуса консервной фабрики. Трубы, высоко уходящие в звездное небо, теперь не дымили. На всех углах стояли полисмены, в переулках дежурили полицейские автомобили.

На стыке Кливленд-авеню и 31-й улицы полиции не было видно. Каждые две—три минуты к остановке с грохотом подкатывали трамваи, и люди, выходившие из вагонов, направлялись в сторону зала Зейгера.

У самого подъезда Дейв и его спутники остановились. Они подняли высоко плакаты и стали размахивать ими, созывая своих.

К половине шестого собралось человек пятнадцать железнодорожников.

На тротуаре перед входом бойко орудовал маленький газетчик Замболли. Он приблизился к группе железнодорожников, посмотрел на Дейва, но не подал вида, что знаком с ним.

— Купите «Дейли уоркер» [1], друзья! — сказал Замболли. — Единственная газета, которая пишет правду о рабочих.

— Здорово, Замболли! — окликнул его Дейв. — Как дела?

На лице Замболли расцвела улыбка. Он протянул Дейву руку.

— А, привет, Спаак! Найдется у вас пятачок на «Дейли уоркер»?

Дейв заплатил ему пять центов и взял газету.

В зале было холодно, люди сидели в пальто и шапках. Синее облако табачного дыма висело под потолком. Возле ступенек трибуны стоял Хэнсон.

— Ты только посмотри, сколько народу! — радостно сказал он, сдвигая на затылок свою шляпу и утирая рукавом пот с лица.

— Явка хорошая, — сказал Дейв, оглядывая зал.

— Хорошая? — обиделся Хэнсон. — Для такого раннего часа — изумительная! Сколько делегаций! Слыхано ли, чтобы железнодорожники посылали делегации?

Зал пестрел знаменами и плакатами делегаций с надписями: «Рабочие сталелитейной промышленности», «Рабочие заводов сельскохозяйственного оборудования», «Союз американских студентов», «Автомобильные рабочие», «Железнодорожники».

Хэнсон вскочил на трибуну.

— Сейчас отправимся, ребята! — закричал он, размахивая листком бумаги. — Исполком заседал всю ночь и разработал план действий. Хозяева собираются открыть фабрику в семь часов утра. Штрейкбрехерам велено собраться в помещении хозяйского профсоюза. Наше дело — не допустить штрейкбрехеров. Понятно?

Послышался гул, и Хэнсон, подняв руку, продолжал:

— Делю вас на три группы. Все от платформы до первого окна — в группе номер один. От первого до третьего окна — группа номер два. От третьего окна до задней стены — номер три. Ясно? Группа номер три, поднять руки!

Руки взлетели вверх.

— Вы идете первыми. На улице быстро расходитесь в разные стороны. Соберетесь снова за три квартала к западу. Что хотите делайте, хоть на рельсы ложитесь, но чтобы ни один трамвай не прошел до половины восьмого.

Люди направились к выходу, и Хэнсон кинул Дейву через плечо:

— Пойдешь с ними, ладно?

Было начало седьмого. Звезды гасли, бледный свет зарождающегося дня отражался в окнах старых зданий. В рассветных сумерках расплы-

[1] Орган компартии США.

вался желто-водянистый глаз трамвая. Увидев людей на рельсах, вожатый стал звонить, а спустя несколько секунд остановил вагон.

— Что случилось, ребята? — испуганно крикнул он, высовывая голову.

— Конец маршрута, Падди! Штрейкбрехеров везешь? — закричали ему из толпы.

С улицы было видно, что пассажиры в вагоне встали. Один из них вышел на площадку и начал всматриваться в толпу. Вдруг он рассмеялся и крикнул людям в вагоне:

— Пошли! Это же наши!

Он соскочил на землю, за ним последовало человек десять. У всех были значки КПП[1], а один держал плакат с надписью: «Заводской комитет автозавода Сисеро поддерживает консервщиков».

Их встретили шумными возгласами:

— Ваше счастье, что вы с этим плакатом!

— Чуть-чуть вам хвосты не прищемили!

— Слушайте, товарищ, — сказал Дейву тот, который спрыгнул первым. — За нами следуют два трамвая, битком набитые штрейкбрехерами. Мы видели, как их сажали на Западной стороне.

— Как же мы их тут задержим? — спросил с сомнением один из рабочих. — Полиция ведь рядом.

Дейв посмотрел на крышу трамвайного вагона, попросил ножик у стоявшего рядом рабочего, крикнул:

— А, ну-ка, ребята, подсадите!

Его подняли на руки, он взобрался на чье-то плечо и прыгнул на крышу вагона. Отсюда Дейву были видны неясные очертания огромного города, далекие силуэты небоскребов в центре.

Густая толпа окружала вагон трамвая. Чуть поодаль остановился второй трамвай, за ним — третий. Из боковой улицы вылетели две полицейские машины. Дейв открыл ножик, опустился на колени и перерезал веревку, ведущую от дуги к окну вагона. Несколько рабочих забралось на крышу вслед за Дейвом. Они стали оттягивать дугу, пока не лопнула пружина. Дуга, как поломанное крыло, свесилась набок. Кто-то засмеялся:

— Ну, эта коробочка пока постоит!

Снизу послышался крик. К вагону пробивались полицейские. Дейв увидел, как один рабочий, слезая с крыши, зацепился курткой за выступ трамвайного окна и повис в воздухе. На него посыпались удары полицейских дубинок. Дейв выбрал подходящее местечко и прыгнул. Падая, он перекувырнулся и вскочил на ноги, но удар в спину повалил его. Над Дейвом высились ноги в синих форменных брюках.

Дейв бросился под ноги полисмену, и дубинка просвистела мимо его головы, затем вскочил и обхватил полисмена за туловище. Красная квадратная физиономия полисмена надвинулась на Дейва, обдавая его запахом табака и винного перегара. Дейву удалось освободить одну руку, он размахнулся и ударил. Полисмен пошатнулся. Дейв вырвался из его рук и бросился бежать.

Пробежав несколько шагов, Дейв нырнул в толпу, осаждавшую вагоны. В окна летели камни, стачечники напирали на двери, штрейкбрехеры не пускали их. Дейв увидал, как подалась дверь вагона, как возникла схватка на подножке. Потом человек со значком «КПП» крикнул с площадки рабочим, столпившимся на мостовой:

— Ну-ка, пропустите их, друзья! Эти молодцы пойдут домой. Спрячьте кулаки до поры до времени!

Штрейкбрехеры выходили из вагона группками по четыре—пять человек. Бригадиры стачечников повели их сквозь толпу. Сперва все смотрели на штрейкбрехеров молча, потом кто-то засвистел, кто-то крикнул, и разноголосый хор подхватил:

— Позор! Позор!

Тут и там завязывалась драка. Толпа следовала за штрейкбрехерами по Кливленд-авеню, чтобы не дать им возможности вернуться.

Скоро вся улица была запружена вереницей трамвайных вагонов. Народ все прибывал. Полицейские не успевали разгонять дубинками одну группу, как в нескольких шагах возникала другая, третья.

— Да, обставили мы их здорово! — сказал Дейву стоящий рядом бригадир КПП, — они даже не знают, за что хвататься. Это вы перерезали веревку у дуги, да? На вашем месте я бы здесь не оставался. Мерзавцы-полицейские вам этого не простят, — он засмеялся и хлопнул Дейва по плечу. — Уже четверть восьмого. Как будто мы свое задание выполнили...

Весело насвистывая, Дейв пошел по направлению к фабрике. По Кливленд-авеню мчались полицейские машины с подкреплениями. «А трамваи-то все стоят!» — радостно подумал Дейв.

В восемь часов ворота фабрики были еще закрыты. Рабочий пикет растянулся на три квартала и напоминал бесконечную ленту конвейера. Пикетчики приветствовали друг друга шумными возгласами, перебрасывались шутками. Четыре девушки с плакатами Студенческого союза шли об руку и пели. Их песню подхватили остальные:

«Нас не сдвинешь.
Мы, как дуб, растущий у реки...
Нас не сдвинешь...»

По мостовой между фабрикой и пикетчиками курсировали полицейские машины. Только в половине девятого раздался гудок. Полицейские прорвали ряды пикетчиков и образовали проход от помещения хозяйского профсоюза до фабрики. Пятьдесят штрейкбрехеров устремились по этому проходу к фабричным воротам. Почти все они шли, закрывая лица руками. Пикетчики, которых полиция оттесняла назад, кричали:

— Предатели! Штрейкбрехеры!

Ворота за штрейкбрехерами захлопнулись, и пикетчики возобновили свой марш. В их рядах был слышен громкий смех, полисменов осыпали насмешками:

— Медная бляха, сколько консервов они там сегодня наготовят?

— Когда вас тоже погонят с работы, приходите к нам...

Из-за угла вынырнул автомобиль с репортерами газеты «Чикаго трибюн». Кто-то из пикетчиков иронически крикнул репортерам:

— Не перепутайте цифры, ребята! Небось, напишете, что пять тысяч преданных рабочих вышли сегодня на работу!..

Дейв шел в рядах железнодорожников. На минуту он остановился и вдруг увидел перед собой того самого полисмена, с которым схватился возле трамвая. Дейв метнулся было к своим, но полисмен успел схватить его за шиворот.

Как Дейв ни изворачивался, уйти было невозможно. Краем глаза он увидел за своей спиной другого полицейского и поднял руку, чтобы защититься от удара. И сразу же в глазах у него потемнело, лоб точно залило кровью. Колени Дейва подогнулись, и мостовая, качаясь, поплыла к нему навстречу.

Когда Дейв пришел в себя, он увидел, что сидит, прислонившись к какой-то стене, а над ним стоят два полисмена. Он поднял руку, осторожно потрогал голову и нащупал огромную шишку. Волосы вокруг нее слиплись от крови.

Один из полицейских спросил как будто бы дружеским тоном:

— Как себя чувствуешь? Встать можешь?

Дейв неловко поднялся на ноги. Красномордый полицейский ударил его кулаком по челюсти, и Дейв снова упал на землю. Он уперся руками в обледенелый тротуар и никак не мог сообразить, что творится вокруг, почему все бегут и кого это так колотят дубинками люди в синем. Улица быстро пустела, только кое-где видны были человеческие тела, сцепившиеся в драке. Волна ярости подкатила к горлу Дейва, он снова обрел сознание. Дейв увидел избитых пикетчиков, распростертых на мостовой, пустые, освещенные зимним солнцем тротуары. Полицейские возвращались из боковых улиц, посмеиваясь и взвешивая на руках свои дубинки.

Полисмен, сторожививший Дейва, спросил:

— Ну, как? Подняться можешь?

Дейв не шевельнулся, и другой, красномордый полицейский сказал:

— Притворяется, наверняка, притворяется. А ну, вставай!

Подхватив Дейва подмышки, полисмены подняли его, и он повис у них на руках всей тяжестью своего тела.

— Куда к чорту девалась наша машина? — спросил первый полисмен.

— Работы много, — ответил ему второй и загоготал.

В эту минуту из боковой улицы снова показались пикетчики. Их вел Хэнсон. Рядом с ним один из цеховых бригадиров нес американский флаг. Дальше следовали в строгом порядке, парами, рабочие. Сердце Дейва радостно застучало. Ему захотелось услышать пение рабочих, крикнуть им что-нибудь, но он только застонал и замотал головой, как пьяный.

— Посмотри только, — злобно сказал красномордый, — они с американским флагом!

Дейв напряг мускулы и изо всех сил принялся колотить конвоиров ногами. Красномордый упал, а второй полисмен от неожиданности выпустил Дейва. Тот рванулся и побежал по улице вдоль здания фабрики. Полиция сгрудилась на мостовой, следя за шествием пикетчиков, и, лишь когда Дейв добежал до угла, они заметили его и стали кричать ему вслед. Мимо Дейва пронесся полицейский автомобиль и въехал на тротуар. Дейв обежал его, нырнул за забор и очутился в тупике, который замыкался кирпичной стеной и высокой железнодорожной насыпью за нею. Одним духом Дейв домчался до стены, прыгнул, но не смог удержаться на руках и упал. Он снова сделал разгон, прыгнул и снова сорвался. Руки его были все в крови, тяжело дыша, он облокотился о стену. В этот момент он увидел, что полицейские ворвались в тупик. Раздался треск выстрелов, зажужжали пули. Дейв забился в угол, где стена подходила вплотную к зданию фабрики. Тут он заметил щель между двумя стенами и, хватаясь пальцами за кирпичи, стал карабкаться наверх. Над самой головой Дейва шлепнулась пуля и отскочила от стены. Наконец он почувствовал локтями край стены, сделал усилие и перебросил свое тело на другую сторону.

Дейв немного отдышался и пополз по насыпи. Он полз и думал: «Успели ли «медные бляхи» добежать до насыпи? Слышали ли железнодорожные сыщики выстрелы?» Добравшись до гребня насыпи, Дейв с осторожностью заглянул вниз. В свете зимнего солнца перед

[1] Конгресс производственных профсоюзов.

Две дороги

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Рисунок А. Яр-Кравченко.

Мы летели оттуда, где солнцем душа не согрета,
Мы летели на родину, в сторону счастья и света.

Мы летели над самою древней дорогой вселенной,
Над садами эдема, над этой легендой забвенной.

Мы летели над черной дорогою бед и пороков,
Над путем фараонов и ветхозаветных пророков.

Мы летели, и нам открывались развалины Мекки,
Ассирийские идолы и вавилонские реки.

Мы летели над Тигром седым, над безмолвьем Евфрата,
Над землей опаленной, где брат нападает на брата.

Мы летели над царством обмана, коварства, витийства,
Где преданье — предательство и убежденье — убийство.

Мы летели оттуда, где солнце горит без привета,
Мы лучом пролетали над многими странами света.

Мы, как радостный луч, просияли безрадостным странам,
Пролетев над Багдадом, Мединою и Тегераном.

Мы летели, и неба не знал я синей и спокойней,
А под нами земля разверзалась кровавою бойней.

Я взглянул на стеклянную даль, на ребристые скалы,
И за жемчуг увидел я бой, за цветные металлы.

Я увидел, как эта земля содрогалась от гула
Под египетским хлопком, над жирною нефтью Мосула.

Я увидел: пришла, чтоб испробовать черного пойла,
Ненасытная, алчная стая волков Стандард-ойла.

Попирается правда, и совесть, и честь, и свобода,
Разгорается битва у мощного нефтепровода.

Далеко он простерся, теряясь в пределе туманном,
Запах нефти, как облако, движется над океаном.

И вплывает, как облако, в окна контор Уолл-стрита,
Чьей шпионскою сетью земля бедуина покрыта.

Ты несчастен, Ирак, ты зачислен в банкирскую смету.
И гора преступлений сама подошла к Магомету.

Отдал ты чужеземцу горючее масло Мосула,—
Что же ты получил, кроме плети и кроме посула!

Ты бессилен и нищ, ты не смеешь просить о награде,
Лишь повешенные коммунисты чернеют в Багдаде...

Мы летели по небу, как луч светозарный и ранний.
Как пестры после желтых пустынь поселенья в Иране!

Совершеннее техника здесь,— сразу видишь ты это:
Тупхона, тегеранская площадь, асфальтом одета.

Нажимается кнопка — усилья большого не надо —
Появляется виселица, как посланница ада.

Кончит дело палач — нет его топора старомодней,—
И скрывается виселица под землей, в преисподней.

И опять тегеранская площадь асфальтом одета,
Чтобы мог правоверный палач отдохнуть до рассвета...

Мы летели, как луч, — пролететь нам осталось немного,
Вот и кончилась самая старая в мире дорога.

Начинается нового мира дорога прямая,
Расправляя нам плечи и наши сердца окрыляя.

То дорога борцов и носителей славы нетленной,
То дорога творцов, созидателей новой вселенной.

То дорога чудесного, гордого, вечно живого
Большевистского разума и большевистского слова.

От Нью-Йорка до Токио и от Бомбея до Рима
Сквозь людские сердца та дорога проходит незримо.

То дорога доверья народов, могучей идеи,
Что и атомных планов и атомной бомбы сильнее.

И на этой дороге становишься ты исполином,
И ведет она к близким, святым коммунизма вершинам.

Нет надежды иной, нет пути у народов иного,—
То дорога всего человечества — цвета земного.

Перевел с таджикского Семен ЛИПКИН

ним расстилалось полотно «Великой средне-западной». Дейв вскочил и побежал по направлению к вагонному депо. Мимо промчался пригородный поезд, и, когда он исчез, Дейв увидел трех сыщиков «Средне-западной», которые торопливыми шагами направлялись к нему. Одного из них — худого, в черном пальто — он узнал сразу, это был Морган.

От холодного ветра глаза Дейва слезились, и слезы замерзали на щеках. Здесь, на открытом месте, ветер бушевал, налетал с воем на крыши низких станционных строений, стлал по земле потоки черного дыма. Дым от паровоза — Дейв догадался, что это идет пригородный добавочный.

В этот момент Дейв услыхал позади себя крики: с кирпичной стены на насыпь прыгали полицейские. Тотчас и тройка сыщиков пустилась ему наперерез. Дейв метнулся в сторону. Теперь поезд был уже совсем близко, паровоз оглушающе гудел. «Назад, беги назад!» — скомандовал себе Дейв и, резко повернувшись, побежал обратно по насыпи, туда, где уже были видны покрытые паром и дымом вагоны. Морган тоже повернул и бежал почти параллельно Дейву. В одно мгновение Дейв перескочил через рельсы. Он был так близко от колес паровоза, что его обдало горячим нефтяным дыханием топки.

Больше Дейв уже не оглядывался. Когда он достиг края насыпи, откуда начиналась территория вагонного депо, он оступился и полетел кубарем вниз, увлекая за собой вихрь шлака и гравия. Дейв упал под вагон и пополз с одного пути на другой. Все депо было забито составами, готовыми к отправлению. Отсчитав четыре колеи, Дейв вылез, поднялся по ступенькам спального вагона, открыл дверь и побежал по пустому вагону. Так, переходя с площадки на площадку, он добрался до конца поезда и соскочил на землю возле самой будки осмотрщиков.

В будке никого не было. Дейв быстро разделся, натянул рабочие штаны, парусиновую куртку, всю в мазуте, и нахлобучил на глаза кепку, чтобы скрыть следы полицейских дубинок. Он достал из шкафчика фонарь и молоток, кинул их на скамью и пошел в умывалку посмотреть на себя в зеркало. На скулах и вокруг рта виднелись кровоподтеки. Дейв стал тереть лицо рукавами куртки, чтобы замазать синяки.

Когда сыщик вошел в будку, Дейв сидел на скамейке и возился с фонарем.

— Что вы тут делаете? — спросил Морган.

— Привожу в исправность фонарь.

— Вы в какой смене?

— А я и не знал, что вы теперь у нас за начальника, — насмешливо протянул Дейв. — Уже больше вы не шпик, как были раньше?

— Я спрашиваю, — повторил Морган, несколько смягчив свой тон,— в какой смене вы работаете?

— С двенадцати до восьми. Вот, позавтракал, теперь чиню фонарь. Что еще угодно вам знать?

— Давно вы здесь?

— С полчасика, пожалуй.

— Я заходил сюда двадцать минут назад, и вас тут не было, — рука Моргана поползла к карману пальто.— Вы только что сюда пришли. Это вы бежали через пути.

— Да что вы? — Дейв сделал удивленное лицо. — Я здесь уже верных полчаса, — он встал, постукивая себя молотком по ноге. — Шутки со мной вздумали шутить, напугать хотите? Я служу на железной дороге, как и вы. Это моя будка. Читайте, пожалуйста: на двери написано: «Осмотрщики». Там вовсе не сказано: «Шпики»... — Ручка молотка была гладкая и податливая. «А что, полезет Морган в карман пальто или нет?» — думал Дейв. Они стояли друг против друга, Дейв смотрел, не отрываясь, в водянистые, голубые глаза сыщика. Тот не выдержал взгляда, повернулся и пошел прочь.

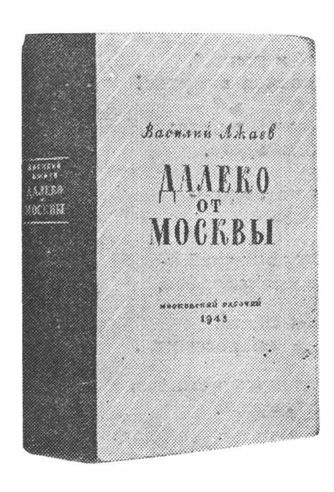
Только оставшись один, Дейв почувствовал, что все его тело влажно от пота. Он сел и выкурил папиросу, потом поднялся, запер в шкаф фонарь с молотком и вышел. Дойдя до нижней ступеньки железнодорожного перехода, ведущего на 35-ю улицу, он вдруг обернулся и увидел, что наверху, на мостике, стоит Морган. На фоне бледного неба фигура сыщика казалась еще более костлявой и длинной.

— Запомни-ка получше мою спину, — крикнул ему Дейв и побежал к трамваю. На углу стояли двое полицейских, но Дейв проскочил мимо них незамеченный.

Перевод с английского В. ЛИМАНОВСКОЙ

Роман о подвиге труда

«— Я не тщеславен, Алеша, — говорит один из героев романа Василия Ажаева, инженер Беридзе, своему другу Ковшову, — но я иногда вспоминаю один рассказ Чехова; помнишь, в поезде завязалась беседа между крупным русским инженером и не менее крупным профессором. Инженер возвращается с торжества по поводу открытия моста, построенного им.

— Ну да. Собралось много людей, и все рукоплещут какой-то певичке, тоже приехавшей на торжество... Самого инженера затерли в толпе, и никто не обращает на него внимания.

— Вот, вот! Это очень несправедливо. Такая несправедливость теперь исправлена в нашей жизни, но пока не вполне исправлена в литературе».

Сам Ажаев многое сделал для восстановления справедливости в литературе по отношению к людям, руками которых «страна целые столетия уплотняет в несколько пятилеток».

Герои романа Василия Ажаева «Далеко от Москвы» — это люди дела, поглощенные выполнением почетной и трудной задачи, которая определяется довольно буднично и сухо звучащими словами: «Строительство нефтепровода». Один литератор сказал даже, что таким романом он не в силах заинтересоваться, потому что «заранее известно, — построят!»

Действительно, читатель убежден, что нефтепровод будет построен: без этого не было бы книги. Но его, читателя, приковывает к страницам не нервный интерес детективного оттенка: «удастся или не удастся?», а глубокая заинтересованность в работе людей, которые решают трудную задачу, решают вдохновенно и героически.

Запроектированная в мирные дни дальневосточная стройка была рассчитана на три года, но грянула война, и страна потребовала сжать время втрое.

Автор проекта инженер Грубский доказывал — построить за год нельзя.

«— В Москве с ним не согласились, — рассказывает парторг строительства Залкинд, — нефтепровод нужен для войны, отказаться от него невозможно. Отсюда решение: выполнить стройку за год. Это равно приказу — стоять насмерть и сделать невозможное».

И вот в первую военную осень, когда враг все ближе придвигался к Москве, когда первое естественное побуждение всякого честного патриота было спешить туда, где идет бой за Родину, — трем советским инженерам пришлось ехать на Дальний Восток за десять тысяч километров от фронта и там идти в наступление — выполнять приказ.

В среде прежних руководителей стройки царил разброд. Грубский упорно отстаивал трехлетний срок. Нового проекта еще не было. До сознания людей в коллективе строителей все еще не дошла повелительная необходимость выполнения новой задачи. В связи с войной возрастали трудности: убывали работники, нехватало материалов. В такой сложной обстановке начинало действовать новое руководство стройки: Батманов — начальник строительства, человек, полный силы и несгибаемой воли; Беридзе — главный инженер, стремительный, бесстрашный искатель и новатор, и молодой его помощник — инженер Ковшов, горячий, упорный и злой в работе.

Первая задача руководства была создать новый проект — технически обосновать свою решимость выполнить приказ правительства. На выполнении этой задачи автор столкнул два различных стиля работы, два различных отношения к людям и технике, две различные жизненные философии.

В десяти томах проекта Грубского воплощен осторожный и как будто предельно точный инженерный расчет, подкрепленный авторитетом «мировых» имен, категорическими утверждениями и запретами пухлых заграничных справочников.

Грубский — сильный противник. За ним большой опыт и знания. И сам он — человек убежденный и субъективно честный. Почему же мы всё-таки начинаем ненавидеть его при всей его убежденности? Почему мы ощущаем в нем силу враждебную, хотя кажется, что упорствует он лишь ради особого понимания собственного долга?

Нам думается, происходит это потому, что самое понятие выполнения долга в сознании и практике советских людей изменилось и расширилось. Грубский мыслит и действует «в пределах возможного». А для советских людей эта формула стала тесна. Жизнь на каждом шагу дает нам примеры, как простые советские люди, не замышляя геройства, делают то, что, по общим и установившимся понятиям, испокон веков зачислено было в разряд невозможного. Делают и считают, что именно это и есть выполнение долга.

Грубский, конечно, тоже считает себя патриотом. Но у Батманова, или Беридзе, или Ковшова чувство любви к Родине рождает волю к победе, решимость выполнить задачу. У Грубского же все сводится лишь к поискам доказательств того, что задача невыполнима.

Трудности одинаково ясны обеим сторонам. Растянувшаяся на сотни километров трасса должна пролечь по дикой, нехоженой тайге, должна пересечь 12-километровый пролив и соединить нефтепромыслы на острове Тайсин с нефтеперегонным зоводом в городе Новинске. Из годичного срока семь месяцев приходится на свирепую сибирскую зиму с пятидесятиградусными морозами и буранами. Весной предстоит неохватный разлив могучей реки Адун. И ко всему этому работать нужно в условиях жесткой экономии сил и материалов, диктуемой войной.

Но Грубский, создавая свой проект, видел перед собой как бы только макет местности. Перед его глазами были только впадины, горы и реки, и он хотел преодолевать их, будучи вооруженным лишь мертвой буквой неподвижной науки. А перед Батмановым, Беридзе, Ковшовым и другими лежал живой простор родной страны, населенный близкими по чувствам и мыслям советскими людьми, на патриотические творческие силы и волю которых они имели право рассчитывать.

Хозяевами своего дела чувствуют себя инженеры. Такие же хозяева и рядовые участники стройки, и средний и младший ее «комсостав». Поэтому вовсе не случайно, что новаторские идеи нового руководства встречаются с потоком таких же новаторских предложений, идущих снизу.

Роман Ажаева драгоценен именно тем, что он показывает нам не только новый тип технического мышления, но и новые отношения между людьми. В этом густо населенном произведении, изобилующем делами и поступками, сплошь и рядом подлинно героическими, люди много размышляют, дружески спорят, взаимно проверяют правильность своих взглядов и действий. Они говорят о методах работы и стиля руководства, об отношениях коллектива и отдельной личности, о доброте и строгости, о ритме жизни и опасности застоя, о любви, о счастье, о дружбе.

Любви посвящены глубокие раздумья героев, потому что для большинства из них она не «довесок» к главному, а властная и чистая душевная потребность, могучая, движущая сила. Такова строгая верная любовь Алеши Ковшова к Зине, таково мгновенно захватившее Беридзе чувство к Тане Васильченко. И даже безнадежно глубокая любовь Жени Козловой не сокрушает ее душевные силы, а поднимает и внутренне обогащает ее.

Требовательна и неподкупна дружба, связывающая Беридзе и Ковшова, Залкинда и Батманова. Они не деликатничают между собой. «Уславливаемся нынче говорить друг другу только неприятности», — говорит Залкинд и выкладывает Батманову все свои упреки и претензии, беспощадно критикуя малейшие его слабости. Своеобразно и интересно складываются отношения между молодым Алешей Ковшовым и старым инженером Тополевым.

Богатство внутреннего мира героев, разнообразие их характеров, их творческое горение даны Ажаевым прежде всего с точки зрения накопления черт *нового* в человеке, черт социалистических. В этом главный интерес романа. Поэтому даже после исчезновения Грубского как противника, когда спадает драматизм столкновения, и тогда не перестаешь напряженно следить за борьбой героев с трудностями, опасностями.

Читая роман, мы видим перед собой людей, способных на сильные, глубокие чувства, и нам ясно, что эти их моральные качества имеют непосредственное и прямое отношение к их умению работать. Именно таким людям, богатой и сложной душевной организации, по плечу исполинские замыслы и героические свершения.

Мы наблюдаем, как сотни индивидуальных воль и частных усилий, сливаясь в единую волю, образуют могучую силу, именуемую коллективом. Мы ощущаем, как воля народа опрокидывает любые преграды и дает людям такие силы, что невозможное становится для них возможным. И когда перевернута последняя страница, хочется сказать, что роман не прочитан, а прожит.

Елена ЗЛАТОВА

Василий Ажаев. Далеко от Москвы. Роман. Издательство «Московский рабочий» 1948. 752 стр. Цена 18 р. 50 к.

Слово поэтов в защиту мира

Почти семьдесят советских поэтов возвысили свой голос в защиту прочного мира и независимости народов. Уже сам по себе это значительный факт в развитии поэзии, выражающей коренные жизненные интересы социалистического общества.

В многоголосом хоре поэтов звучит единая благородная тревога всех советских людей за судьбы человечества.

«Как о спокойной жизни
думать нам,
Когда так неспокойно
на планете?»

(Степан Щипачев)

Авторы стихов не забыли грозу только что прошедших сражений. Они остро помнят, что «есть на свете расщепленный атом, злая воля, ежечасный бой», и, не скрывая, говорят миру правду о тех, кому в плаче вдов и матерей слышится звон золота.

Святое чувство ненависти к врагам человечества водит пером наших лучших поэтов. Зрелость и страстность этого чувства рождают стихи огнестрельной силы. Поэзия, став орудием действия, ищет «речи точной и нагой», чтобы обуздать зарвавшихся подстрекателей третьей мировой войны.

Исаковский, Симонов, Кулешов, Софронов, Сурков, Бажан, Жаров, Турсун-Задэ, Грибачев, Долматовский и многие другие из семидесяти участников сборника атакуют бизнесменов, «радеющих» о создании мировой атомной империи. Ярость против любителей провокаций подсказывает настоящие слова, может быть, иногда жесткие и шероховатые, но лишенные парламентских обиняков и адвокатских ухищрений.

«Хочу своим гневным
словом
Свое оградить жилище, —
Живу я в квартале новом,
Отстроенном на пепелище.

Я наложить решился
На бомбу законное вето, —
Сын у меня народился,
Пусть знает весь мир
про это.

Звучи же над миром
набатом,
Слово мое, сильнее.
Я так говорю делегатам
Уважаемой Ассамблеи!»

(Аркадий Кулешов)

Неотразимая искренность и серьезность интонаций, резкий полемический почерк и прямота обращения придали узкой, казалось бы, теме рождения сына характер государственного выступления поэта Кулешова. Пафос настоящей поэзии сочетается здесь с политической меткостью.

То, что совершается в мире, радость и горе народов, приобретает для подлинного поэта жгучую притягательность, становится предметом его ежедневных раздумий, его сущностью, его главнейшим личным делом. Именно в таком сближении лирики с воинствующей публицистикой, именно в органической широте охвата жизненного материала, в выходе из лирической уединенности лежит путь дальнейшего развития нашей поэзии.

Поэтому читатель остается холоден к отдельным вялым, безгневным, пусть и отточенным стихам в этом удачном сборнике.

Достойно ли играть рифмованными побрякушками, когда «снова солдаты британские идут на туземцев в штыки», когда ландскнехты Голландии с американских бомбардировщиков последней марки уничтожают индонезийцев, когда сколачиваются всяческие Атлантические и Средиземноморские агрессивные пакты?

Сила поэта складывается из убежденности в своей исторической правоте и из права говорить от имени тех, кто «старого мира атом в семнадцатом расщепили»; кто «распахнул красное знамя у всех на виду»; кто «отворял парижские заставы в боях за Днепр, за Яссы. Измаил»; кто «шел, неподвластный огню и железу, как вождь, как пророк, как солдат».

Во многих стихах сборника звучит ясная мысль: есть на свете куда более грозное оружие, чем атомная бомба американских миллиардеров, — наша воля к честному миру и безопасности для всей планеты, наша убежденность, что законы истории сильнее любой атомной бомбы, что «человек рождается для счастья», что будущее мира принадлежит коммунизму.

«Ставший плотью призрак коммунизма» вызывает смертельный страх в сердцах банкиров и пушечных королей.

«Страх в каждом сгустке
херстовской грязи,
Страх в каждом залпе,
грянувшем в Пирее,
Страх в лживой передаче
Би-би-си,
Страх в стадном
послушаньи Ассамблеи».

(Сергей Наровчатов)

Выдержано и твердо, каждой своей горячей строкой поэты Советского Союза требуют мира, и они глубоко убеждены, что разным фрестолам и черчиллям никогда не удастся подчинить мировую демократию своим кровавым вожделениям.

«...В недрах земли нехватит урана, чтоб двинуть историю вспять».

В братстве народов Советского Союза свободолюбивое человечество видит маяк, зажженный пламенем передового разума эпохи.

«Когда на трибуне стоим
Ассамблеи,
Нас слышат в Триесте и
слышат в Бомбее, —
И головы вверх подымают
смелее».

(Анатолий Софронов)

Коллективное выступление поэтов Советского Союза в защиту мира и демократии прозвучит очень сильно. Оно найдет отклик в сердцах всех простых людей мира.

М. ЧЕЧАНОВСКИЙ

«За мир, за демократию!» Сборник стихов под ред. А. Жарова. А. Лациса. А. Софронова. Ан. Тарасенкова, С. Щипачева. «Советский писатель». 1948. 162 стр.

Н. А. Касаткин. ШАХТЕРКА (1894 г.).

Государственная Третьяковская галлерея.

„КРЕПОСТЬ НА ВОЛГЕ"

Спектакль Куйбышевского театра имени А. М. Горького

К. ОРЛОВСКИЙ

С. М. Киров (артист В. Кузнецов) выступает с балкона перед проходящими частями Красной Армии.
Фото В. Евграфова

Для театра периферии большая победа — создать спектакль, который стал бы фактом общетеатральной жизни страны.

Одним из таких радостных явлений оказался спектакль Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького «Крепость на Волге». Театр много и упорно работал с автором пьесы И. Кремлевым. Коллектив понял большое значение темы пьесы, создал значительный спектакль, глубоко патриотичный, партийный по своей идейной направленности.

Время действия пьесы—1919 год, место действия — Астрахань. Империалисты стремились во что бы то ни стало задушить молодую Советскую республику. Белобандитские армии Деникина и Колчака были уже близки к тому, чтобы соединиться. Руководить обороной Астрахани партия послала одного из лучших своих сынов — С. М. Кирова.

На руководящие посты Красной Армии по заданию империалистов пробирались провокаторы, шпионы, предатели. Группировались они вокруг Троцкого. Стремясь сорвать сталинский план обороны, Троцкий отдал приказ эвакуировать Астрахань якобы для того, чтобы «выровнять» фронт.

Киров разгадывает и разоблачает происки троцкистов и, вопреки приказу, создает в Астрахани большевистскую крепость на Волге.

«Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским». Театр и его художественный руководитель, постановщик спектакля, заслуженный артист РСФСР М. Гершт поняли, что в этих гордых словах Кирова — ключ к спектаклю.

Непобедимость большевистского духа, большевистское руководство как главный источник великих побед народа — вот что показал театр в этом талантливом спектакле.

Образ С. М. Кирова на сцене волнует не только внешним сходством. Артисту В. Кузнецову, играющему Кирова, удалось передать черты духовного облика пламенного трибуна, его волевой характер, его поистине вдохновенную страстность большевика.

Для троцкистов было необходимо поколебать доверие масс к Кирову, ибо это значило бы поколебать доверие к партии. Троцкисты сеют провокационные слухи, цель их — опорочить Кирова перед народом.

Но троцкисты просчитались. Срывается их попытка убедить моряков Волго-Каспийской флотилии сняться с якоря и открыть астраханский фронт. Как ни мутят враги,— стоит Кирову выйти к народу, заговорить, и массы готовы следовать за ним.

Громадна душевная сила Кирова, его способность влиять на массы, близость к народу, большевистская целеустремленность всего его существа!

Артист В. Кузнецов запечатлел и черты мягкого юмора Кирова и жизнерадостность его натуры. В. Кузнецов прекрасно передает и скорбь Кирова, узнающего о гибели своего отважного друга Лещинского (заслуженный артист РСФСР В. Бурэ), и его чуткость, трогательную заботу о юной Вареньке Реутовой (артистка Т. Доросинская).

Отца Вареньки — царского генерала Реутова — блестяще играет заслуженный артист РСФСР Г. Шебуев.

Реутов еще мало смыслит в задачах и в программе партии большевиков, но он движим искренней и чистой любовью к России, он подлинный патриот. Любовь к Родине приводит его к большевикам.

Пусть Реутов еще полон предрассудков, пусть с трудом признает брак своей дочери с «простым» рабочим-большевиком Астаховым. Пройдет немного времени, и он, как сына, полюбит Астахова, человека с ясным и цельным характером, который становится замечательным боевым комиссаром, отважным и умным солдатом революции, отдающим за нее жизнь. Астахов в изображении артиста Н. Кузьмина — один из наиболее пленительных образов спектакля.

Тридцать лет, отделяющие время действия этой пьесы от момента ее представления на сцене куйбышевского театра, нисколько не отдаляют ее от зрителя. Весь спектакль как бы обращен лицом к нашим дням, адресуется к чувствам современного зрителя.

Режиссерская работа, игра артистов, реалистическое, хорошо передающее дух эпохи оформление пьесы «Крепость на Волге» (художник Ю. Бабичев) свидетельствуют о высокой культуре Куйбышевского драматического театра имени А. М. Горького.

Этот спектакль—радостный факт в общей жизни искусства нашей страны.

Н. А. КАСАТКИН

В текущем году исполняется 90 лет со дня рождения одного из виднейших русских живописцев-реалистов, Николая Алексеевича Касаткина, автора таких популярных картин, как «Углекопы.— Смена», «Соперницы», «Крепостная артистка в опале» и другие.

В 1889 году на Передвижной выставке внимание художественной общественности привлекла картина Касаткина «Перекупка». В том же году он закончил картину «Соперницы», принесшую ему широкую известность.

В последующие годы художник создает ряд жанровых полотен, в которых рассказывает о тяжелой жизни городских тружеников.

Как известно, центральной темой творчества передвижников была крестьянская тема. Такие произведения, как «Кочегар» Ярошенко, оставались тогда единичным явлением. Н. А. Касаткин впервые в русской живописи создает обширный цикл произведений — своеобразную художественную энциклопедию жизни рабочего класса в России и в первую очередь картины труда шахтеров.

На Передвижной выставке 1895 года появляются первые полотна Касаткина из шахтерской жизни: «Сбор угля бедными на выработанной шахте», «Шахтерка», «Шахтер-зарубщик», «Шахтер» и другие. В этих произведениях художник рассказывает о тогдашней каторжной жизни шахтеров, об их беспощадной эксплоатации и в то же время замечательно раскрывает достоинство и благородство людей труда, их внутреннюю силу, готовность к борьбе, моральную красоту, проступающую сквозь суровый облик этих людей.
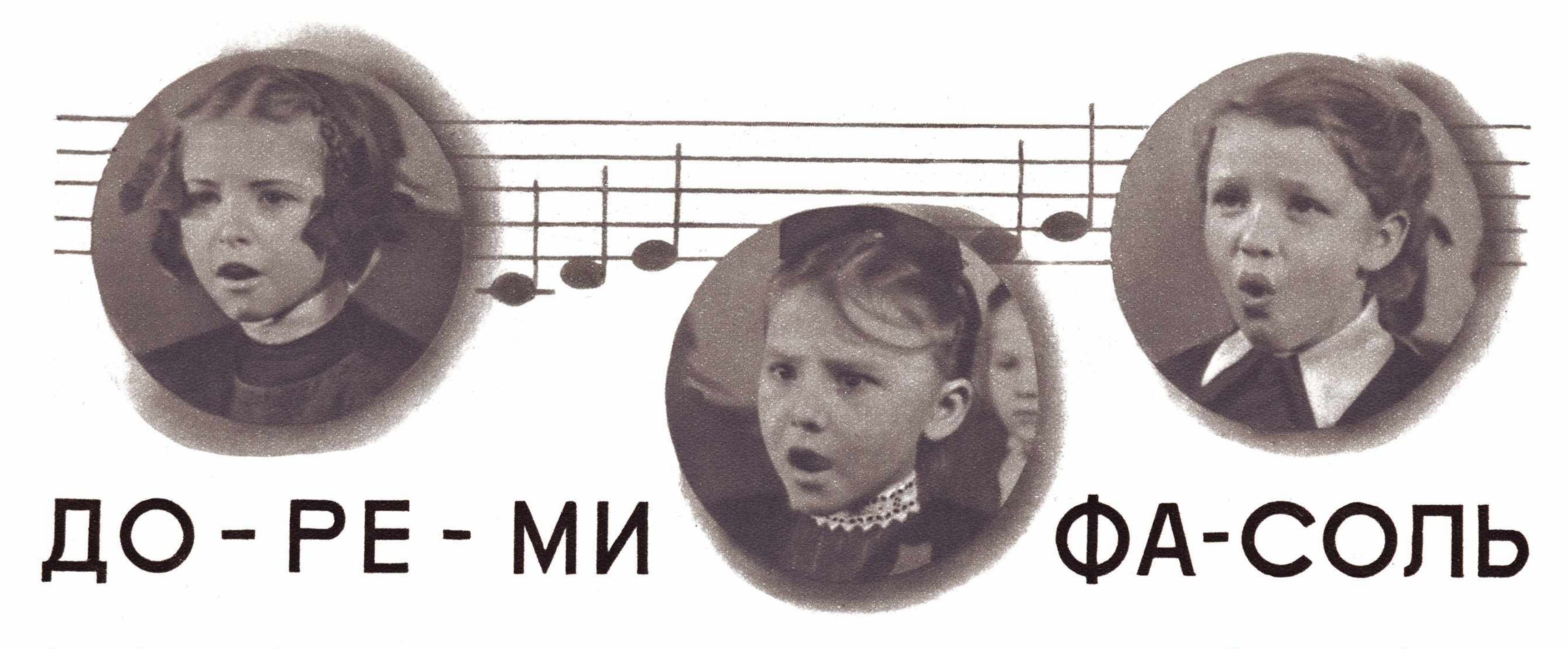
События революции 1905 года находят горячий отклик в творчестве Касаткина. Он работает над большой картиной «Призыв к восстанию», к которой пишет такие впечатляющие этюды, как «Неподкупный кузнец», создает картины и эскизы «Восставшая Москва», «Атака завода рабочими», «Рабочий-боевик» и др.

Наступившая после 1905 года политическая реакция, разгул декадентства и формализма в искусстве тяжело отразились на творчестве Касаткина, и он вынужден был почти замолчать как художник.

Великая Октябрьская социалистическая революция снова открыла перед Н. А. Касаткиным широкие творческие горизонты. Его деятельность в советские годы служила как бы связующим мостом между лучшими традициями дореволюционной демократической культуры и молодым советским искусством. Он создает цикл картин под общим названием «Наша комсомольская молодежь», в которой тепло рассказывает о счастливой жизни молодого советского поколения.

Советское правительство высоко оценило заслуги художника перед Родиной: он был одним из первых, удостоенных высокого звания — народного художника республики.

К. СИТНИК

ДО-РЕ-МИ-ФА-СОЛЬ

На уроках пения в начальной школе дети приобщаются к музыкальной культуре: они овладевают нотной грамотой, начатками хорового искусства, знакомятся с народными песнями и с творчеством великих композиторов.
Наш корреспондент побывал на уроках пения в 172-й и 585-й московских школах и рассказывает об опыте передовых учителей.

Ир. БРАЗУЛЬ

Фото О. Кнорринга

В первый раз все получилось не так, как думали дети. Прежде всего, когда они гурьбой прибежали в класс, учительница сидела уже у рояля. Ребята быстро разместились вокруг.

— Как вы думаете, что мы будем делать? — спросила учительница.

— Будем петь! — бойко ответили дети.

— А вы умеете?

— Умеем...— менее уверенно прозвучал нестройный хор.

— Это мы посмотрим,— сказала учительница.— А пока что вы должны научиться входить в класс на урок пения. Сейчас вы все удалитесь, а когда я заиграю марш, войдете по одиночке, шагая так, как вам подскажет музыка.

Когда все это было проделано и не один раз (детям эта процедура весьма понравилась), ребята расселись снова, и им было предложено спеть. Оказалось, что они не только не умеют петь, но даже не умеют сидеть и дышать. Надо было распрямить спины и вдыхать воздух не ртом, а носом, «как будто нюхаешь цветы». Потом выяснилось, что они ничего не знают о существовании нотной грамоты.

На каждом последующем уроке им стали открываться секреты искусства, которое они считали таким простым. Вначале дети еще «покрикивали» и «гудели», как говорила учительница. Однако понемногу они научились «тянуть» звук и сами заметили, что их голоса звучат уже нежнее и чище.

С нотной грамотой они тоже освоились не сразу и кое-что путали: скрипичный ключ называли «скрипучим», нота «до» долго не могла найти себе твердого пристанища и путешествовала с линейки на линейку, пока учительница не предложила детям разгадать и запомнить ребус:

Это очень понравилось ребятам, и они стали сочинять ребусы сами, и ноты стали прочно садиться на свои линейки.

Каждый урок состоит из множества интересных задач. Прежде всего надо нарисовать на доске нотоносец и ноты на нем и что еще труднее — эти ноты спеть. После этого дети приступают к упражнению, которое называется «распеванием». И когда голоса начинают звучать увереннее и дружней, переходят к разучиванию песни под аккомпанемент рояля.

Сначала песню учат по строчкам, по словам и даже по слогам, а затем поют всю от начала до конца. И когда дело идет на лад, учительница говорит:

— А теперь, пожалуй, мы можем спеть песню по радио!

Это совсем не означает, что они отправятся всем классом в радиостудию. Это игра. Дети представляют, что они находятся в студии, и с воодушевлением поют: «Здравствуй, гостья-зима!»

Перед окончанием урока учительница рассказывает им сказку о том, как мальчик превратился в шмеля и полетел на корабль, на котором ехал его отец — царь Салтан. Или про девушку, проспавшую волшебным сном сто лет и прозванную «Спящей красавицей». Или про волшебника Черномора с длинной бородой.

— А теперь я сыграю вам эти сказки, — говорит учительница.

Затаив дыхание, дети слушают «Полет шмеля», вальс из «Спящей красавицы», марш Черномора.

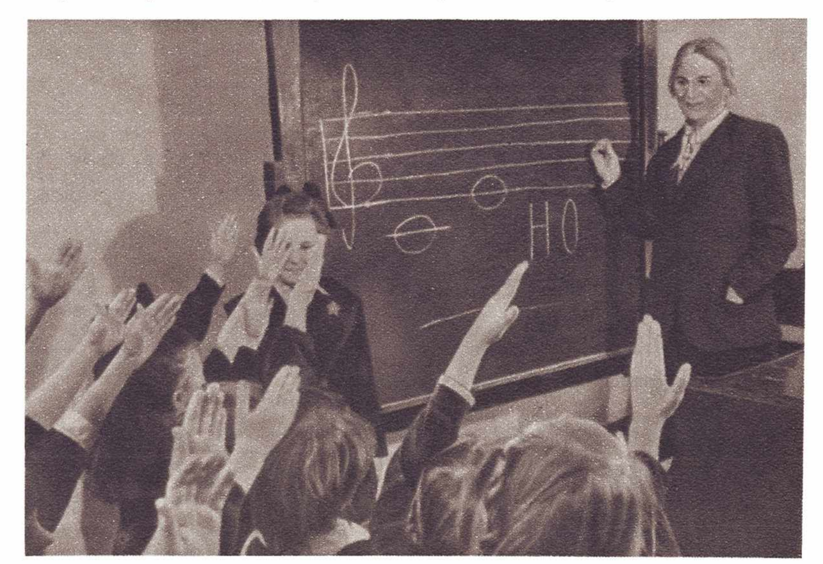
Иногда учительница рассказывает ребятам о композиторах, сочинивших эти произведения.

Так постепенно дети узнают, что такое ноты, мажор и минор, характер произведений и кто их создал. Пение школьниц становится все чище, хор — все дружней. Однако в следующий класс они переходили все с теми же упражнениями «До-ре-ми-фа-соль»...

Но вот познавший многие премудрости четвертый класс. Здесь уже не идет речь о том, на какой линейке стоит «до».

— Какой счет в этой песне? — спрашивает педагог.

Это вопрос серьезный. Дети просят сыграть еще раз. Сосредоточенно нахмурив лбы, они тихонько, «про себя», отсчитывают ритм. Песенка кончается.

Преподавательница пения Н. Л. Гродзенская ведет урок в первом классе 172-й женской школы г. Москвы.

— Сыграть еще раз?

— Не надо! Счет—три четверти!

— Молодцы!

В четвертом классе уже происходит формирование вкуса, появляются критические взгляды. В одном из четвертых классов ученицы нашли в себе смелость заявить, что они слушали по радио, как артист пел «Форель» Шуберта, и решили, что они «поют лучше».

— Чем же? — спросила учительница.

— Он пел очень равнодушно, совсем без чувства...

— Каждое произведение можно понимать и передавать по-разному,— услышали они в ответ.— Ваше пение — еще не образец. Артист понял вещь иначе, чем мы с вами, а вы этого не разобрали.

Немного погодя ребятам пришлось признаться, что они действительно не во всем разбираются и многого еще не знают. Речь шла об опере «Иван Сусанин». Учительница рассказала, что при жизни Глинки эту оперу не оценили — называли «кучерской музыкой». Возник вопрос: «Что такое кучер?» Тут же оказалось, что слово «гайдук», которое школьницы пели в хоре девушек из «Хованщины», они понимали как... подсвечник, ибо тут же шла речь о лучинушке, а это (они знали) нечто вроде свечи.

— Вот видите,— сказала девочкам учительница, — как же вы можете считать, что придаете правильное выражение тому, что поете, если не всегда знаете значение слова?

На уроке в четвертом классе педагог вместо предложения сыграть что-нибудь новое часто спрашивает учениц, что они хотят услышать или спеть из любимых вещей. Заказы так и сыплются:

— Хор из «Евгения Онегина»! Неаполитанскую песенку! Путевую пионерскую! Песню о Ленине! Про Молодую гвардию!

Иногда дети просят исполнить какое-нибудь фортепианное произведение. Когда раздается звонок, дети к нему глухи, и только при звуках марша они поднимаются и в привычном порядке, в такт музыке, покидают класс. У порога они встречаются с шеренгой ожидающих своей очереди войти на урок пения.

...И снова за дверями раздается «До-ре-ми-фа-соль».

На празднике танца

«Молодежный пляс» исполняет коллектив художественной самодеятельности Московского авиационного института.

Один за другим проходили в Москве вечера смотра хореографии. От него многого ожидали и сами мастера танца и наши зрители. Смотр должен был отразить сегодняшний день хореографического искусства Москвы и Ленинграда, дать представление о наиболее значительных работах советских балетмейстеров и актеров балета. Всегда интересно появление в программе новых имен нашей балетной молодежи. И, наконец, участники смотра предстают перед зрителями не в рамках обычного спектакля или концерта, а в особых условиях, и это повышает чувство ответственности у актера.

Что мы увидели на смотре?

Любителей классического балета могло заинтересовать соревнование двух театров: Московского Большого и Ленинградского имени Кирова,— показавших третий акт «Бахчисарайского фонтана». Нужно признать, что ленинградские гости выступили в этих отрывках более ярко. Хороши у них Мария — совсем юная и поэтическая Н. Петрова, Зарема — А. Шелест и Гирей — В. Бакланов.

Ленинградский Малый оперный театр послал на смотр очень интересную характерную балерину Нину Мериманову. Она исполнила танец уличной танцовщицы из балета «Мнимый жених», и, пожалуй, ни одно из сольных выступлений не имело такого успеха.

Жаль, однако, что из чудесных жемчужин русской классики — балетов Чайковского — на вечере, посвященном классическому танцу, не было показано ни одного отрывка, а только отдельные танцы.

Нужно сказать, что Большой театр, располагая великолепной балетной труппой, был представлен на смотре не в полной мере. Зато балетная школа Большого театра, открывшая программу смотра, показала превосходные, удачно оформленные танцы.

Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко поставил новый балет — «Берег счастья» (музыка А. Спадавеккиа, либретто П. Аболимова). На смотре хореографии мы увидели третий акт этого балета, в котором отражен один из эпизодов героической битвы за Севастополь. Эта сцена — несомненно большое достижение театра на пути к созданию советского реалистического балетного спектакля.

Танец из балета «Золушка» в исполнении артистов Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова А. Шелест (Золушка) и Б. Брегвадзе (принц).

Фото А. Воротынского

Вдохновенный порыв героев-моряков передан так ярко, что показанная в концертном плане «Севастопольская сцена» прозвучала с не меньшей силой, чем в спектакле. Отлично выступали способные актеры театра В. Бовт, А. Соболь, И. Курилов, А. Тольский.

Состоявшийся в Центральном доме работников искусств вечер эстрадного танца показал, что мастера эстрады пытаются расширить границы жанра. Многие из номеров были удачны, но в отдельных случаях трюки и фокусы, обилие позолоченной мишуры заслоняли самый танец.

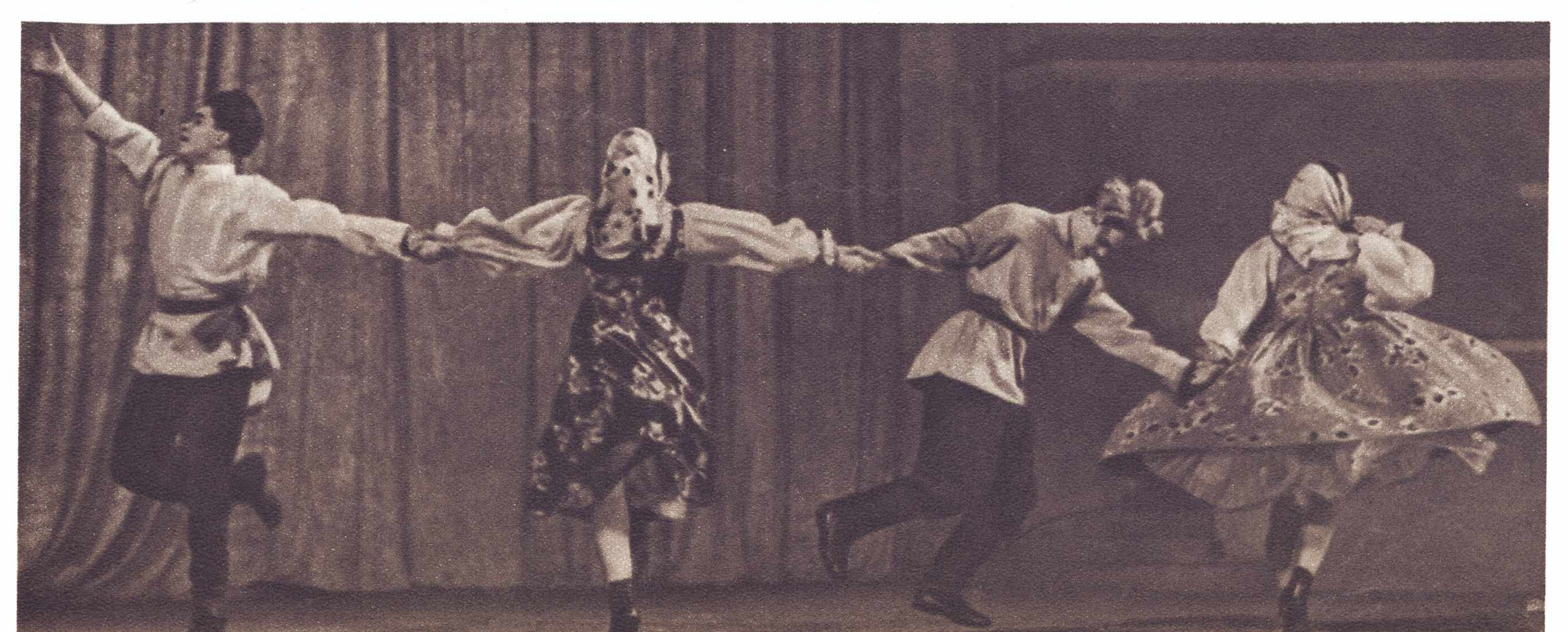
Один из вечеров смотра был посвящен хореографической художественной самодеятельности профсоюзных клубов. Участники самодеятельности показали отлично слаженную программу.

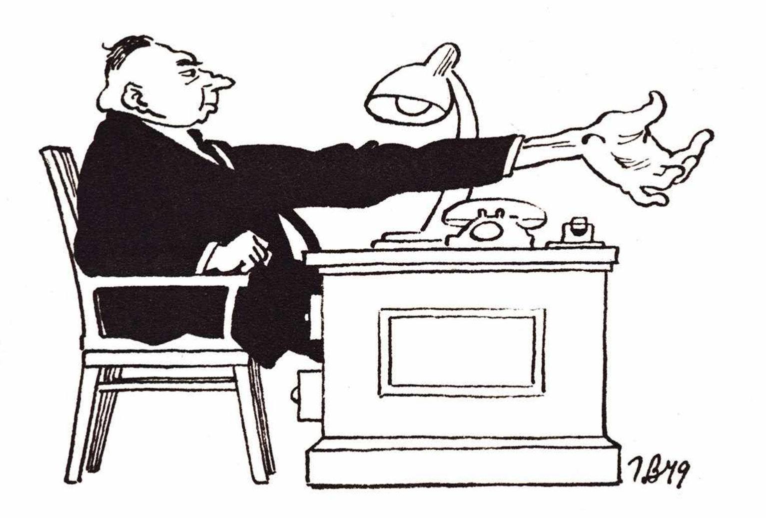
Содержанием следующего вечера явился «Танец в оперетте». Московские и ленинградские театры показали много интересного из того, что сделано за последнее время.

Смотр закончился новой программой ансамбля народного танца под руководством Игоря Моисеева. Хороши по настроению, колориту и хореографическому рисунку танец казанских татар, поставленный Г. Тагировым, и дагестанская лезгинка — работа Т. Израйлова. Были показаны хореографические картины «Два Первомая», изображающие маевку тех далеких лет, когда только занималась заря революции, и торжественную праздничность победного Первомая. Интерес, который был проявлен к смотру, говорит о том, как любят наши зрители искусство танца.

О. ПОЗДНЕВА

Уральский танец «Шестера» в исполнении артистов ансамбля народного танца под руководством Игоря Моисеева.

В ЗНАК БЛАГОДАРНОСТИ

Фельетон

Евг. СЕРГЕЕВ

Рис. Г. Валька

Писатель-романист об этой истории сказал бы примерно так: «...он почувствовал к ней страстное влечение, и она охотно пошла ему навстречу. Когда же их тайная любовь стала явной, он рухнул в бездну, а она, коварная, стала искать себе другую жертву». Вот, в сущности, и все.

Иное дело — фельетонист. Он должен наполнить эту романтическую отвлеченность живым дыханием жизни. Ему нельзя чрезмерно сгущать краски, но в то же время он не может увлекаться розовым цветом. Он обязан...

Короче говоря, жил да был Онуфрий Нилович Терехов, человек средних лет, среднего роста и ниже средних способностей. В силу последнего обстоятельства он не утруждал себя в юности науками и, получив семилетнее образование, пошел по широкой дороге практической деятельности. Путь этот, не всегда ровный и гладкий, все же вполне его устраивал, ибо Нуфочка, как его неизменно величала супруга, знал, где ступить, куда устремиться и при каких обстоятельствах повременить. Обладая при этом на редкость мягким и гибким характером, он постоянно старался не иметь врагов, но и не искал большой дружбы, считая всякие эмоции излишней нагрузкой для организма.

Лет девять—десять тому назад Терехов процветал в потребительской кооперации. Артель «Чайник», где он последовательно прошел все ступеньки служебной лестницы, была не бог весть каким мощным предприятием. Однако с помощью своей продукции она не только поила, но и кормила своего председателя Терехова и его семейство.

К этому времени характер Терехова окончательно сформировался. Что бы там вокруг него ни говорили о развитии страны, о ее великих стройках, о трудовых успехах миллионов энтузиастов, Онуфрий Нилович неизменно придерживался той житейской истины, что своя рубашка ближе к телу. Впрочем, от государственного пирога он по робости характера куски не отламывал, а довольствовался мелкой крошкой в виде самопремирования, приспособления для домашних нужд образцов продукции и подобных мелких приработков.

Так бы и жил себе Онуфрий Терехов — маленький обыватель в большом государстве, — если бы не чрезвычайное обстоятельство, имя которому — «война». Она выбила нашего героя из привычной колеи, окунула в водоворот событий, и вот мы уже видим его на автостраде Данциг — Берлин в роли начальника банно-прачечного отряда одной из пехотных дивизий. В силу диспозиции вверенного ему подразделения Терехов узнавал о боях и победах из вторых уст, но зато имел достаточно времени и свободы, чтобы обстоятельно ознакомиться с «европейской культурой».

Правда, знакомство это носило несколько односторонний характер. Наш почтенный интендант внимательно и любовно изучал быт богатых иноземцев, оставляя без внимания все остальное. Если учесть при этом, что Терехов неизменно устраивался со своим отрядом в центре города, то станет понятной социальная среда, в коей он вращался.

Больше всего восхищало Терехова обилие унитазов в тех домах, которые он удостаивал своим вниманием. Нравилось ему и другое— столовые приборы под серебро, почти что хрустальные вазы, пушистые шкуры собак, ловко оформленные под чернобурую лису,— но унитазы он считал, так сказать, заключительным аккордом этой чарующей симфонии.

— В самом деле, — рассказывал он затем своей жене, — куда ни взглянешь — в кабинет, в столовую, в спальную комнату, на кухню,—везде уголок отгорожен и художественно разукрашен. Вот что значит заботиться о комфорте! — восклицал он, потрясая фотографиями наиболее приглянувшихся ему унитазов.

Банно-прачечный опыт, приобретенный Тереховым во время войны, пошел ему на пользу в мирное время. Демобилизовавшись, он стал деятелем коммунального хозяйства и спустя год уже возглавил районный жилищный отдел. Он с тем большей энергией тянулся к этой должности потому, что к этому времени в сознании его окончательно созрела дерзкая мысль: «Смелее рви от пирога жизни!» После всестороннего изучения возможных методов такого деяния Терехов остановился на самом, с его точки зрения, безопасном.

— В сущности говоря, — размышлял приобщившийся к европейской «культуре» Онуфрий Нилович,— только взятка, то есть ответственность, разделенная пополам, есть неоскудевающий родник. Он дает потому, что нуждается в моей помощи, и благодарит за таковую, я же принимаю в знак признания моих о нем забот. Мы оба довольны и не жалуемся друг на друга. К тому же, нужда после войны в жилище большая, и случаев для меня представится много.

Не будем говорить о том, что сие умозаключение Терехов хранил в глубокой тайне. Важно другое: от слов он постепенно и осторожно перешел к делу.

Нельзя сказать, что Терехов обладал богатством лексикона при разговоре с посетителями и воз-

действовал на их психику особо изысканными фразами. Но в то же время он не прибегал и к лобовым атакам. В течение всей беседы он был уклончив и неопределенен, безнадежно разводил руками и похлопывал по пухлому списку неудовлетворенных. В конце же приема он цедил две—три многозначительные фразы, после которых догадливый посетитель — а Терехов выбирал людей пожилых, знавших дореволюционные нравы, — брался за бумажник.

Однако, к великому неудовольствию Терехова, людей таких было чертовски мало. Ему-то казалось, что за короткий срок он сколотит тысяч четыреста—пятьсот, обставит свою квартиру настоящим ампиром, выстроит дачку на берегу облюбованной им речки. Но за полгода энергичного вымогательства и изощренных комбинаций для предоставления комнат взяткодателям вне очереди он сколотил тридцать тысяч рублей, что совершенно не вязалось с его представлениями о счастливой жизни. Да и то, в сущности говоря, это были горькие деньги, так как добывались они не без риска для здоровья. Однажды посетитель, уловивший в официальном разговоре Терехова намек на «знак благодарности», проворно схватил тяжелый дубовый стул и запустил его в сторону заведующего. Во избежание огласки Терехов быстро оформил ему ордер на жилплощадь, но с тех пор сделал нужные выводы и сменил в своем кабинете тяжелую мебель на легкую.

Нельзя сказать, что общественные организации райжилотдела были глухи и слепы. Кое-какие, правда, неопределенные, слухи о самодеятельности Терехова до них доходили. Однако в существо вопроса они не вдавались, а первым впечатлениям не верили. К тому же Терехов был неизменно внимателен ко всем своим сослуживцам, а председателю райсовета даже преподносил в день его тезоименитства пышный пирог с маком и изюмом. Вот почему столь почтенного человека не хотелось заподозрить в чем-нибудь предосудительном.

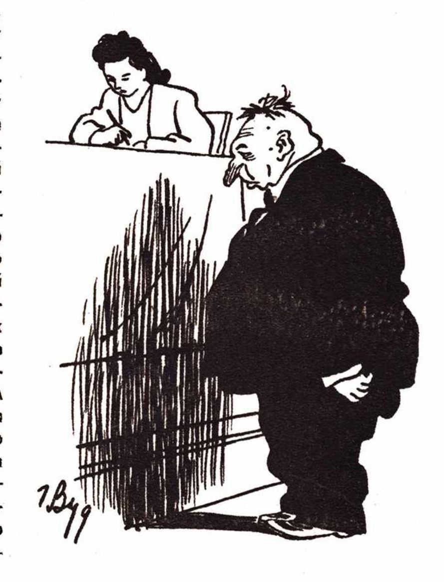
Разоблачил любителя «барашка в бумажке» рабочий артели «Чайник» Иван Герасимович Калачев. По случаю регулярного прироста семейства он решил сменить меньшую комнату на большую и обратился с этим к Терехову. Не зная, где таится его погибель, сей деятель довольно быстро свел вопрос к энной сумме. Калачев с пониманием дела откликнулся на зов души Терехова, но развел руками в смысле обладания наличными деньгами и посулил занести назавтра. Спустя полчаса он был уже у прокурора, а через сутки почтенный Онуфрий Нилович шагал по одиночной камере и размышлял на тему о людской неблагодарности и коварстве.

Защищал Терехова один из лучших адвокатов. Его красноречие и эрудированность в вопросах юриспруденции порождали у супруги толстого Нуфы надежды на недолгую разлуку с горячо любимым мужем. Однако Терехов, не надеясь на защитника, уходившего в своей речи даже в допетровские времена, где он искал корни взяточничества, решил актуализировать процесс.

— Граждане судьи, — сказал он в заключительном слове. — Когда вы будете определять мне меру наказания, то учтите отсутствие у меня должного образования и мою работу в кооперации, из-за чего я оторвался от рабочего класса.

Судья и народные заседатели оказались, однако, на редкость упорными людьми. Они не дрогнули под натиском таких веских аргументов и приговорили Терехова к десяти годам заключения.

Публика, присутствовавшая в зале, горячо приветствовала этот приговор. Онуфрий Нилович естественно, не разделял ее точки зрения.

ФУТБОЛИСТЫ ГОТОВЯТСЯ К СЕЗОНУ

Как и обычно, еще в середине марта футбольные команды — участницы первенства СССР — заняли свои исходные позиции на юге: в Сочи — «Спартак», в Гаграх — московское «Динамо», в Сухуми — ЦДКА. На всем протяжении Черноморского побережья в эти дни можно встретить игроков, знакомых многомиллионной армии любителей футбола. Сильнейшие мастера, составляющие передовой отряд советского футбола: Пономарев, Бобров, Кочетков, Блинков и многие другие — в составе своих команд готовятся к началу летнего сезона.

Ранняя весна — ответственнейшее время и для тренеров команд. Еще с осени тренеры ведущих коллективов тщательно изучали игры на первенство страны и «Кубок СССР», отбирая все то новое в тактике игры, что приносило голы и победы им и их «противникам». Всю зиму они тщательно разрабатывали новые тактические и стратегические планы, и вот теперь для них наступило время генеральной проверки своих расчетов уже не за письменным столом, а на зеленом поле.

Как известно, футбольный сезон прошлого года внес много интересного в технику и тактику игры, показал дальнейший рост нашего советского футбола. И что особенно важно, прошлогодний сезон выдвинул большую группу новых, способных игроков, прекрасно проявивших себя в ответственнейших матчах. Нет, пожалуй, такой команды, которая не могла бы похвастать хотя бы несколькими новыми выдающимися нападающими и защитниками. Динамовец Ильин, спартаковцы Седов и Терентьев, тбилисские динамовцы Маргания, Тодрия, Зазрошвили прекрасно зарекомендовали себя. Почти целиком из молодежи была составлена куйбышевская команда «Крылья Советов». Наконец команда ЦДКА во многом обязана своему успеху блестящим молодым футболистам, воспитанным тренером Б. А. Аркадьевым.

Достаточно сказать, что молодой защитник Нырков смело заменил на поле ветерана футбола Лясковского, 23-летний Портнов неоднократно с успехом подменял первого в стране центра защиты Кочеткова. Башашкин, Водягин, В. Соловьев внесли большую лепту в победу своей футбольной команды. И вот теперь в Сухуми Аркадьев, верный своему принципу смело выдвигать молодежь, готовит вместе со своим помощником Григорием Федотовым новых молодых футболистов — Евгения Горбунова, Владимира Почтовика, Виктора и Леонида Беловых.

Но главная, характерная черта нашего футбола — его массовость. Ведь за четырнадцатью командами, участвовавшими в первенстве СССР, стояла семьдесят одна команда, принимавшая участие во всесоюзных соревнованиях мастеров второй группы. И разве можно счесть низовые футбольные коллективы, составленные из рядовых спортсменов — рабочих, колхозников, школьников, студентов?

Факт участия такого большого количества команд в соревнованиях второй группы говорит сам за себя. Игры проходили по шести зонам, охватывающим все союзные республики, кроме Карело-Финской. Победители зон успешно выступали в играх на «Кубок СССР». И, наконец, турнир победителей шести зон определил самую лучшую команду. Ею оказалась команда харьковского «Локомотива». Отличные данные показали команды ереванского и казанского «Динамо», челябинского «Дзержинца», московского «Металлурга». Повысился класс игры среднеазиатских футболистов — ташкентцев и алмаатинцев.

С каждым днем приближается начало первых матчей. Команды встретятся сперва там, на юге, с тем, чтобы в начале мая в Москве, на поле центрального стадиона страны развернуть борьбу за первенство страны, стремясь к единой цели — дальнейшему росту нашего советского футбола.

Одиннадцать сильнейших

Фото Н. Волкова

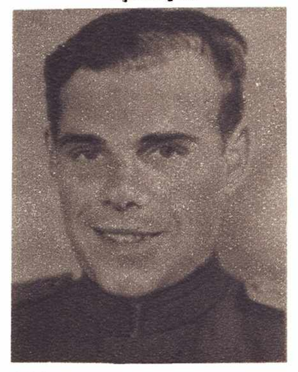
Футбольная секция при Всесоюзном комитете по делам физкультуры и спорта утвердила, основываясь на результатах футбольного сезона 1948 года, тридцать три лучших игрока (по три на каждое место). Мы публикуем фотографии одиннадцати первых, лучших из лучших, тех, кто мог бы составить сборную команду СССР.

Для того, чтобы получить право стоять в таком почетном ряду, каждому из одиннадцати наших футболистов надо было проявить высокие волевые, тактические и технические качества в многочисленных и ответственных матчах на первенство СССР.

В числе одиннадцати сильнейших футболистов страны — семь игроков из команды ЦДКА. Это и понятно. Ведь этот замечательный футбольный коллектив добился в прошлом сезоне выдающейся победы, выиграв первенство страны и «Кубок СССР».

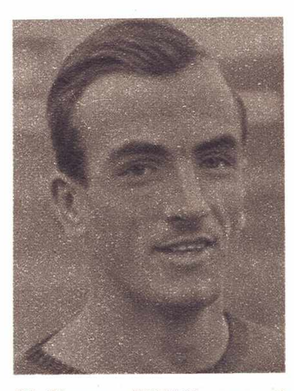
А. Акимов («Торпедо») — вратарь.

В. Чистохвалов (ЦДКА) — правый защитник.

И. Кочетков (ЦДКА) — центр защиты.

Ю. Нырков (ЦДКА) — левый защитник.

В. Блинков («Динамо») — правый полузащитник.

В. Соловьев (ЦДКА) — левый полузащитник.

В. Трофимов («Динамо») — правый крайний нападения.

В. Николаев (ЦДКА) — правый полусредний.

А. Пономарев («Торпедо») — центр нападения.

В. Бобров (ЦДКА) — левый полусредний.

В. Демин (ЦДКА) — левый крайний нападения.

Как сделать спиннинг

Спиннинг состоит из двух основных частей — из удилища и катушки. Удилища бывают одноручные и двуручные.

Начинающему любителю рекомендуем изготовить удилище длиной в 2,5—3 метра, но можно сделать его и короче. Для одноручного спиннинга вполне пригодно удилище длиной в один метр.

Хлыст из местных пород (березка, можжевелка, ясень, орех, жимолость и другие) найти нетрудно. Нужно только помнить, что он должен быть эластичным и обязательно прямым.

Наилучший материал — бамбук.

Составное удилище необязательно делать из одного хлыста. Его можно составить из двух разных, но их нужно подобрать так, чтобы комель у основания имел 20—22 миллиметра, а верхушка наконечника — 3—4 миллиметра (конечно, допустимы некоторые отклонения от этих норм).

Имея два колена (конца), можно приступить к дальнейшей работе. Прежде всего нужно нагнать соединительные трубки. Сделать это надо так, чтобы удилище при соединении двух или трех колен представляло идеально прямую линию.

Лучшие трубки — из латуни. Изготовляются они с зубцами, по числу граней на удилище. Такие трубки прочнее сидят на удилище, кроме того их удобно обмотать ниткой по зубцам. Трубки должны входить одна в другую плотно, но не чрезмерно туго. Составленное удилище при встряске не должно иметь хляби, то есть не должно отличаться по прочности от цельного удилища.

После шлифовки или зачистки удилища шкуркой можно приступить к установке на нем пропускных колец. Для трехметрового удилища их достаточно пяти, для одноручного—двух. Лучшие кольца получаются из нержавеющей стали или из фарфора, но можно удовлетвориться и медными, сделанными из проволоки толщиной в спичку.

Пропускные кольца делаются разных диаметров, и расставляют их так, чтобы самое широкое было на комле, а самое узкое — на верхушке.

Примотку колец производят шелковой или простой катушечной ниткой.

Спиннинговое удилище обязательно должно иметь рукоятку. Ее можно изготовить из дерева, но лучше всего из пробки. На рукоятке должны

быть для прикрепления катушки два металлических кольца, а на самом комле — «буферок», или «грибок», лучше всего из резины.

Ширина обмотки для клееного удилища примерно 2 миллиметра с интервалами в 3—4 сантиметра, а на конце не более одного. Для других удилищ обмотку надо делать шире, до сантиметра, но реже, с интервалом до 10—15 сантиметров. На цельном (неклееном) бамбуковом удилище обмотку можно делать только между суставами.

Способ обмотки прост. Конец нитки прижимается к удилищу, и на него ровными рядками туго накручивается нитка. После 3—4 оборотов на незаконченное колечко накладывается заранее приготовленная петелька из тонкой, но прочной нитки. По петельке делается еще 3—4 оборота, и конец нитки пропускается в эту петельку. Затем петелька выдергивается, а вместе с нею выдергивается и конец нитки. В данном случае петелька выполняет роль иголки. Количество витков зависит от толщины нитки.

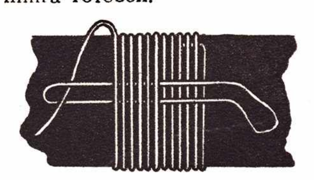
Обмотка показана на рисунке.

Затем удилище следует покрыть масляным лаком, который можно наносить специальным тампончиком, но лучше всего пальцем, тоненьким слоем несколько раз.

Такая обработка необходима для предохранения удилища от сырости.

КАТУШКА. Тому, кто знаком с обработкой металла, сделать катушку несложно. Но неискушенному в этом деле изготовить спиннинговую катушку трудно. Легче сделать катушку из пластмассы или из дерева. Но и при этом нельзя обойтись без металлических ходовых частей. Деревянную катушку необходимо хорошо пропитать натуральной олифой и затем густо покрыть лаком, чтобы от сырости она не деформировалась.

Наилучшая катушка алюминиевая. Она легка, прочна, и сделать ее легче. Но многим любителям все же придется купить эту часть спиннинга готовой.

Укажем наиболее принятые размеры. Общий диаметр катушки 100 миллиметров, диаметр барабана, на который наматывается леса, — 75 миллиметров, расстояние между щечками барабана — 22—24 миллиметра. Чем катушка легче, тем лучше.

ЛЕСА. Для спиннинга требуется специальная леса. Она обязательно должна быть без узлов. В настоящее время обычно применяется шнур «сатурн» сечением 0,4—0,6 миллиметра. Он прочен, пружинист, не подвержен гниению, его не нужно сушить.

Хорош шнур шелковый, плетеный. Можно обойтись и простой лесой, скрученной из хлопчатобумажных или льняных ниток. Длина ее — от 70 до 100 метров.

Простая леса требует обработки. Ее нужно продубить, а затем пропитать горячим парафином с добавлением воска и льняного масла, после чего лишнюю массу необходимо снять, протянув лесу через резинку или пробку.

Для ловли на спиннинг также требуются блесны, грузики, поводки и некоторые другие мелкие принадлежности. Их легко может изготовить каждый рыболов-любитель.

С. М.

МОДЫ

Худ. Самарова (Москва)
Дамский костюм.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Е. ЕФИМОВ (Москва)

По горизонтали:

1. Драгоценный камень. 4. Хищная птица. 10. Скала. 11. Кушанье. 12. Помост для бокса. 14. Цветок. 15. Кондитерское изделие. 16. Город на Дальнем Востоке. 18. Город в Эстонской ССР. 19. Музыкальный инструмент. 20. Сельскохозяйственная машина. 23. Остров в Средиземном море. 25. Река в Азии. 27. Советский художник. 28. Порт на острове Цейлон. 29. Штурвал. 30. Наркотик. 31. Мера времени. 32. Снаряд. 35. Сорт кожи. 37. Буква латинского алфавита. 40. Возвращение на родину. 44. Ткань. 46. Приток Днепра. 47. Электромагнитный прибор. 48. Военное звание. 49. Упаковка. 50. Река в СССР. 51. Образцовое произведение.

По вертикали:

1. Тайна. 2. Упраздненная буква русского алфавита. 3. Ложе реки. 4. Советский шахматист. 5. Восстание. 6. Ткань. 7. Спортсмен. 8. Головной убор. 9. Трагедия Шекспира. 10. Рисунок. 13. Сигнал. 16. Сельскохозяйственное орудие. 17. Совещание. 20. Столица союзной республики. 21. Город в УССР. 22. Преобразование. 24. Персонаж поэмы Пушкина. 26. Силач. 33. Город в Японии. 34. Занавеска. 35. Приток Волги. 36. Опахало. 38. Атмосферные осадки. 39. Мерительный инструмент. 41. Охотник. 42. Место стоянки кораблей. 43. Река в Сибири. 45. Государство в Южной Америке. 46. Водоем.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 13

По горизонтали:

8. Цистерна. 10. Сталевар. 11. Константа. 12. Телец. 13. Лемех. 15. Агава. 16. Спартакиада. 17. Кросс. 20. Янтарь. 22. Антураж. 24. Тралер. 28. Матросов. 29. Бетон. 31. Арабеска. 32. Борнео. 33. Ейск. 34. Яффа. 35. Гранит. 37. Броневик. 38. Ясень. 39. Кольчуга. 40. Атташе. 42. Каботаж. 45. Есенин. 50. Аванс. 51. Колокольчик. 53. Брамс. 56. Сорго. 57. Лиана. 58. Караганда. 59. Фламинго. 60. Каттегат.

По вертикали:

1. Биология. 2. Дрель. 3. Мандарин. 4. Аптека. 5. Фонетика. 6. Магма. 7. Балансир. 9. Акцепт. 10. Сальдо. 12. Тавот. 14. Хурал. 18. Простокваша. 19. Архангельск. 21. Натюрморт. 23. Уатт. 25. Ессентуки. 26. Авиетка. 27. Баранка. 29. Басня. 30. Нефть. 36. Вето. 40. Акварель. 41. Тунис. 43. Апостроф. 44. Альманах. 46. Нерпа. 47. Нумизмат. 48. Молоко. 49. Кишлак. 52. Онегин. 54. Фронт. 55. Панты.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А — 00120. Подписано к печати 30/III—49 г. Изд. № 229. 5½ печ. л. Тираж 350.000. Заказ 614. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

АВТОМАШИНЫ, МОТОЦИКЛЫ,
МОТОРНЫЕ И ПАРУСНЫЕ ЛОДКИ
и другие транспортные средства,

принадлежащие трудящимся,

МОГУТ БЫТЬ ЗАСТРАХОВАНЫ В ГОССТРАХЕ

По страхованию средств транспорта Госстрах возмещает убытки от аварий и стихийных бедствий.

ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ И ЗА СПРАВКАМИ ОБРАЩАЙТЕСЬ В ИНСПЕКЦИИ ИЛИ К АГЕНТАМ ГОССТРАХА.

Цена 3 руб.